В поисках Четвертого Рима

Российские дебаты о переносе столицы

Вадим Россман

СЕРИЯ
СОЦИАЛЬНАЯ
ТЕОРИЯ
ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

С Е Р И Я

С О Ц И А Л Ь Н А Я

Т Е О Р И Я

В ПОИСКАХ ЧЕТВЕРТОГО РИМА

Российские дебаты о переносе столицы

ВАДИМ РОССМАН

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2014

УДК 911.9
ББК 66.0
Р76

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Резензент
кандидат искусствоведения
СЕРГЕЙ ЗУЕВ

Россман, В.
Р76 В поисках Четвертого Рима: Российские дебаты о переносе столицы [Текст] / В. Россман; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 288 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1080-3 (в пер.).

В книге анализируется и обобщается опыт публичной дискуссии о переносе столицы России в контексте теории национального строительства и предлагается концепция столиц как катализаторов этих процессов. Автор рассматривает современную конфронтацию идей по поводу новой столицы страны, различные концепции которой, по его мнению, вытекают из разных представлений и видений идентичности России. Он подробно анализирует аргументы pro и contra и их нормативные предпосылки, типологию предлагаемых столиц, привлекая материал из географии, урбанистики, пространственной экономики, исследований семиотики и символизма городских пространств и других дисциплин, и обращается к опыту переносов столиц в других странах. В центре его внимания не столько обоснованность конкретных географических кандидатур, сколько различные политические и геополитические программы, в которые вписаны эти предложения. Автор также обращается к различным концепциям столицы и ее переноса в российской интеллектуальной истории, проводит сравнительный анализ Москвы с важнейшими современными столицами и столицами стран БРИК, исследует особенности формирования и аномалии российской урбанистической иерархии.

Книга адресована географам, историкам, урбанистам, а также всем, кто интересуется современной политической ситуацией в России.

УДК 911.9
ББК 66.0

ISBN 978-5-7598-1080-3

© Россман В., 2014
© Оформление. Издательский дом Высшей школы экономики, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

ПЛАН ИЗЛОЖЕНИЯ 20

I. БЛЕСК, НИЩЕТА И ОДИНОЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ СТОЛИЦЫ 22

1. ИСТОКИ СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: ЭФФЕКТЫ КОЛЕИ 23

2. УСИЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИИ 31

3. МИГРАЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МОСКВЕ 35

4. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ 36

5. РОСТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО КЛАССА . . 37

6. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ 38

7. НЕСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ СТОИМОСТЬЮ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ 39

8. ПЕРЕДОЗИРОВКА ФУНКЦИЙ 41

9. БАЛАНС МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ И МИГРАЦИЙ В МОСКВУ 44

10. СТРУКТУРА «НЕТРУДОВЫХ» ДОХОДОВ МОСКВЫ 46

11. МОСКВОФОБИЯ 51

12. МОСКВА, ЛОНДОН, ПАРИЖ, ТОКИО: СРАВНЕНИЕ В ЦИФРАХ 53

13. СРАВНЕНИЕ СО СТРАНАМИ БРИК 74

14. РОСТ СТОЛИЦЫ НА ФОНЕ ОСТАЛЬНЫХ ГОРОДОВ 76

15. ВЫВОДЫ ИЗ РАСШИРЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА 79

II. РОССИЙСКИЕ ДЕБАТЫ О ПЕРЕНОСЕ СТОЛИЦЫ 81
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ОБСУЖДАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ 81
ПРЕДЫСТОРИЯ 81
СТОЛИЧНЫЕ ДЕБАТЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ XIX ВЕКА 85
XX ВЕК: ОТ КИЕВА ДО МОСКВЫ 94
МЫШЛЕНИЕ СТОЛИЦАМИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ 96
ШЕСТЬ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕНОСА 100
ПЛАН ОБСУЖДЕНИЯ 100
1. ИМПЕРСКИЕ ПРОЕКТЫ НОВОЙ СТОЛИЦЫ 102
2. ТОЧКИ РОСТА НА ВОСТОКЕ 114
3. НОВОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СТРАНЫ В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ 117
4. КОНЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОЙ СТОЛИЦЫ: ОТ ИМПЕРИИ К РЕСПУБЛИКЕ 122
5. ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ НОВОЙ СТОЛИЦЫ 129
6. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТОЛИЦА: ГОРОД-СПУТНИК ПОД МОСКВОЙ 132

III. КРИТЕРИИ ОЦЕНОК И ВОЗРАЖЕНИЯ КРИТИКАМ 163
РАЗБОР НЕСКОЛЬКИХ ПОПУЛЯРНЫХ ВОЗРАЖЕНИЙ 163
ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ И ТРИ ПЕРЕХОДА 185
ЧЕТЫРЕ ФАКТОРА НЕАДЕКВАТНОСТИ МОСКВЫ В КАЧЕСТВЕ СТОЛИЦЫ 189

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ: ОСОБАЯ НЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА 189
2. СЛАБАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ С ПРИНЦИПОМ ФЕДЕРАТИВНОСТИ 194
3. КРИЗИС ИМПЕРСКИХ СИМВОЛОВ В ИКОНОГРАФИИ МОСКВЫ 197
4. АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ . . . 201
ПРОЦЕДУРА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ, РИСКИ И СОПУТСТВУЮЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ 206
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 212
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ 231
ПРИЛОЖЕНИЯ 256

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая читателю книга посвящена возможности и желательности переноса столицы России, а также подведению некоторых предварительных итогов уже достаточно давно идущей дискуссии на эту тему. В последние годы эта проблема приобрела особую остроту, занимая значительное место в публичных российских дебатах. Однако до сих пор она остается недостаточно хорошо отрефлектированной и многие темы и проблемы, связанные с ней, по-прежнему часто обсуждаются с крайне субъективных позиций, в форме газетных реплик, поэтических метафор и политических лозунгов. Настало время подвести итоги некоторых из этих дискуссий и взглянуть на проблему более систематически и структурированно.

Переносы столиц все более часто встречающееся явление в мировой политической практике. Они играют важную роль в процессах национального строительства, в революциях, в различных реформаторских планах социальных преобразований, в процессах национальной или региональной интеграции. Бразилия, Пакистан, Казахстан, Малайзия, Бирма и многие другие страны уже перенесли свои столицы. В Афганистане и в Объединенных Арабских Эмиратах ведется строительство новых столичных городов. В десятках стран идут дискуссии о возможности или рациональности такого решения и о лучших кандидатах на эту роль. В числе этих стран — Япония, Южная Корея, Венесуэла, Египет, Иран, Индонезия, Тайланд, Либерия, Тайвань, Монголия, Непал и многие другие страны. Контуры подобных дискуссий обозначились также в нескольких постсоветских республиках — Таджикистане, Азербайджане, Грузии, Киргизии и Украине.

В XX веке смены столиц играли особенно важную роль в процессах социальной трансформации обществ, становясь важными вехами в формировании постимперских государств. Так русская и турецкая революции,

революция Мейдзи в Японии (1868) и Синьхайская революция в Китае (1911) сопровождались сменами столиц. Подобные тенденции мы видим и во множестве других стран, где переход к республике от политических систем, основанных на королевской или императорской власти, или освобождение от колониальной зависимости сопровождались сменами столиц (в качестве примеров здесь можно привести Йемен, Ливию и многие национально-освободительные движения в государствах Африки и Азии). Новые столицы, заново спланированные города, во многом определяют современный политический ландшафт. В том числе в англосаксонских государствах, таких как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка.

Во многих странах переносы столиц никак не были связаны с социальными потрясениями, но являлись следствием особых стратегий этих государств, пытавшихся рассредоточить ресурсы и сконцентрироваться на развитии удаленных от исторических урбанистических центров экономических регионов страны. Такова мотивация дискуссий о переносе столиц в Южной Корее, Японии, Тайване и отчасти Таиланде, где эти вопросы остро дискутируются в парламентах этих государств уже в течение нескольких лет.

Переносы столиц, безусловно, не являются каким-то уникальным явлением для современной эпохи. В древности и средние века, в досовременных цивилизациях, происходило множество различных перемещений столиц, связанных, как правило, с особыми военными стратегиями или тактиками фракционной борьбы и религиозным реформаторством.

В некоторых случаях переносы столиц служили специфическим интересам правителей, которые пытались изолировать центры власти от движений протеста, а также более успешно вести фракционную борьбу или осуществлять смену религиозных или государственных идеологий. Новые столицы в таких государствах получили название *отчужденных столиц* (*disembedded capitals*): они были наиболее характерны

для деспотических государств Древнего Востока, хотя такие столицы возникали и продолжают возникать и в других регионах и даже в современном мире [Joffe, 1998; Россман, 2013].

Для имперских государств в период экспансии характерным было строительство новых столиц на границах империй, откуда они должны были расширяться в избранном направлении. Таковы Тигранакерт в Армении, Берген в Норвегии или Берлин в Пруссии, дающие примеры стратегий имперского строительства, основанного на приближении столиц к направлению имперской экспансии. Во многих случаях новые имперские столицы основывались прямо на территориях недавно аннексированных или завоеванных царств, и в этом случае их можно назвать *внедренными столицами*. Таковы Эдирна, Стамбул, Багдад, Самарканд, Даду (столица Кублайхана), Севилья (столица Альмохадов) и многие другие, расположившиеся на территории, недавно присоединенной к империи. Альтернативной моделью имперского строительства было вынесение столиц в тыл или в наиболее лояльные правителям города.

Тем не менее существуют и качественные различия между современными и древними моделями и задачами переносов столиц. Хотя современные государства через перемещения столиц преследуют, в том числе и имперские цели, интересна общая тенденция постепенного смещения акцента с логики войны к концепции, связанной с решением задач и национального строительства и поисков национальной идентичности. Так в государствах Африки, где в XX веке смены столиц такого рода случались наиболее часто, и в некоторых государствах Азии главной задачей было создание принципиально других, более аутентичных центров, которые бы интегрировали различные этнические или религиозные группы, их населяющие; также своей задачей они ставили приближение столиц к древним центрам формирования этих общностей.

В целом можно выделить четыре ключевые интегративные стратегии, которые задействуют различные го-

сударства в решении вопросов государственного или национального строительства, доминирующих в сегодняшних прецедентах такого рода. Это *стратегии компромисса*, а также политической, экономической или исторической интеграции. Стратегия компромисса заключается в поисках нейтрального города по отношению к главным составляющим определенной общности; критерием выбора является промежуточность. Примерами такого рода могут служить Вашингтон в США (компромисс между севером и югом), Оттава в Канаде (компромисс между французской и британской Канадой), Веллингтон в Новой Зеландии (компромисс между южным и северным островом), Брюссель в Бельгии (компромисс между фламандцами и франкофонами).

В контексте исторической интеграции ключевым моментом такого выбора служит необходимость соединения двух различных отрезков истории этих народов, расколотых или разобщенных в результате завоеваний, колонизации или других обстоятельств. Примерами такой исторической интеграции служат Афины, Рим, Иерусалим или Каракорум (кандидатура Каракорума обсуждается сегодня в Монголии).

В своей недавней книге автор уже подробно обсудил и проанализировал многообразие исторических форм и концепций столичных городов, различные исторические прецеденты, мотивации, модели, принципы расположения и способы принятия решений, а также некоторые результаты переносов столиц в глобальной перспективе и в историческом контексте различных государств [Россман, 2013]. Один из важных выводов этой книги состоит в том, что столицы как национальные центры, несмотря на процессы глобализации, продолжают играть важную роль в процессах формирования наций. Они часто становятся своего рода лабораториями национального воображения, стимулирующими эти процессы. При этом во многих странах заметна сознательная тенденция разделения экономических и политических центров, что особенно характерно для государств с федеративным устрой-

ством [Россман, 2013]. Теории постнационального государства и глобализма часто недооценивают продолжающиеся и далеко незаконченные в большинстве стран процессы национального строительства.

Другой важный вывод этой дискуссии состоял в констатации четкой зависимости степени успешности переноса столицы от эффективности и народности политического режима. Демократические политические режимы переносят столицы с лучшими результатами, опираясь на достаточно широкую поддержку этих проектов, на концепцию компромисса и другие интегративные стратегии. Недемократические или менее демократические режимы не всегда находят широкую народную поддержку и часто опираются на дезинтегративные стратегии, но переносы столиц в них, тем не менее, могут решать какие-то более частные проблемы, — например, удержание территорий, балансирование интересов различных фракций, вопросы децентрализации — более или менее эффективно. Наконец, неэффективные политические режимы могут ставить важные интегративные цели, но они часто оказываются малоэффективными в плане имплементации своих планов и потому редко достигают поставленных целей [Там же].

В книге автор сосредоточен на анализе исключительно российских дебатов на эту тему. Дискуссия только начинается: она еще не приобела необходимой структурированности и характера полноценного обсуждения с обменом аргументами и широким публичным диалогом. Тем важнее зафиксировать некоторые ее принципиальные предпосылки и отправные точки.

Хотя обсуждение этой темы, несомененно, очень трудно уложить в какие-то узкодисциплинарные рамки, чрезвычайно важным кажется выделение, по крайней мере, нескольких теоретических и методологических ориентиров этой дискуссии, связанных, прежде всего, с системой категорий и пониманием критериев эффективности столиц и способов оценки уже осуществленных проектов.

Три более общие темы, на взгляд автора, играют наиболее важную роль в понимании парадигм сегодняшнего спора о столицах: отношения власти и пространства, способы воплощения в пространстве моральных и политических принципов, прежде всего концепции справедливости, а также проблема идентичности и сами способы мышления о пространстве. Особенно важны для дискуссии проблемы национальных образов пространства и политическое бессознательное культуры, которые часто являются несущими конструкциями идей об обустроении России, организации ее пространства и обретения новой столицы.

Мышление о пространстве может быть не менее важным для понимания текущих дискуссий, чем анализ и устройство самой географии России, ее границ и администрации и ее важнейших конституирующих элементов.

В связи с этим стоит еще раз задуматься об уникальности российского пространственного мышления. Пространственные категории и образы играют особую роль в российской концепции идентичности, быть может, более важную, чем у большинства других народов. Россия — это страна сосредоточенная на пространстве, зачарованная пространством, его бесконечностью, ширью и простором. Русская идентичность находит свое выражение прежде всего в пространственных образах, в акцентации принадлежности к этому большому пространству государства.

Образы русской шири, дали и простора занимают центральное место в различных манифестациях русской культуры, о них писали наиболее проницательные физиологи русской души такие как Николай Бердяев, который говорил о «власти шири над русской душой» [Бердяев, 1990]. Эта зачарованность слышна в песнях ямщиков и в русских романсах. Мечта об овладении вселенской бесконечностью пространства находит свое выражение не только в освоении новых сибирских и дальневосточных земель русскими первопроходцами, но и в русском космизме и програм-

мах космических полетов. Особый пространственный интерес заметен и в русской живописи, например, в особой метафизике света фресок Дионисия в Феропонтовом монастыре. Эта доминанта русской культуры находит свое выражение и в пространственной ангажированности русской литературы, которая стала одной из форм освоения пространства России. Стихия расширяющегося пустого пространства наряду с первородными эллинскими стихиями — огнем, воздухом, водой и землей — является одним из наиболее важных и фундаментальных архетипических образов национального мышления и идентичности.

Но помимо перечисленных прекрасных манифестаций это национальное пространственное бессознательное находит свое выражение и в свойственных ему табу и фобиях, инерционных представлениях, в которых пространство сливается с властью и государственностью, специфических российских концепциях центра и периферии, а также и в недоверии и настороженном отношении к соотечественникам, живущим за пределами России и в коротком для всех без исключения веке, до сих пор существовавшим историческим русским диаспорам. Именно эти, часто бессознательные, пространственные понятия и категории возможно лежат в основе некоторых устойчивых политических представлений и ориентаций, связанных с обсуждением столицы и столичности. Они образуют субстанцию не всегда проговариваемых страхов разъединения и утраты этой территорией своего первородного единства и в поисках новой оси или нового центра, который смог бы остановить возможную утечку этого пространства.

Однако избыточность пространственных и околопространственных категорий в русских языках самоописания — как это часто бывает и в других сферах — скрывает некий дефицит, недостаточность и ограниченность самого этого пространства. Русская ширь и даль часто легко сопрягаются с неукорененностью в пространстве, аморфностью и отсутствием

внутренней структурированности в самом этом пространстве, бесприютностью человека в его бескрайних пределах. Это пространство еще не вполне обрело свои уникальные голоса, внутреннее тепло, сферическую закругленность обжитой вовлеченности, потенции самоорганизации и возможности имманентного порядка. Порядок привносится в него как бы извне, и само пространство и его организация часто становятся только инструментом государства для утверждения своей власти и целей. Государство производит его передел, дробит его по своему произволу и вторгается в его внутреннее устройство. Биология и телесность этого пространства подчинены геометрии государственных задач и стратегиям его господства. Потому и сама идентичность привносится в это пространство как будто откуда-то извне, в том числе и идентичность самого центра. При этом привнесенная идентичность часто характеризуется неизбежной двойственностью. Такую двойственность мы видим в языках российских географических и исторических самоаттестаций — Скандовизантия, Славянотатария, Евразия.

Неосвоенность или недоосвоенность этих гигантских пространств, их стихийный размах и глубина, ставит вопрос о необходимости их внешнего удержания и оформления. Проблема общности и общины как человеческая проблема становится вторичной по отношению к самому громадью пространства и государства, которое им владеет.

В таком аморфном пространстве, лишенном собственной монадической сосредоточенности, центр, по-видимому, обречен играть центральную роль. Центр, в том числе и столица, приобретает абсолютный смысл, по отношению к которому получает свою определенность и форму всякая иная сущность и функция. Это абсолютное «территориальное пространство», противоположное «пространству принадлежности», о котором писал в свое время норвежский социолог Стейн Роккаан. В таком территориальном

пространстве власть имеет тенденцию сведения к минимуму всех конкурирующих с ней идентичностей.

Бердяеву казалось, что сама русская душа подражает шири русского пространства. В русской психологии и экономике, полагал он, есть некая экстенсивность, противоположная западной интенсивности. Но под стать пространству подверстывается и русская история и политика, которые должны быть, как и это пространство — широкими, торжественными и величественными, несмотря на то, что историческое время лишь с трудом просачивается сквозь его толщу. Наше историческое мышление и сама история столь же размашиста — под стать далям, бескрайним ширям и бесконечным горизонтам российского пространства. Русская историософия, украшенная теологическими и метафизическими узорами, велеречиво мчится сквозь века, звеня своими славянофильскими или евразийскими бубенцами. Само огромное пространство и гигантизм русской территории провоцируют создание гигантских метанарративов, которые могли бы своим масштабом каким-то образом соответствовать этому огромному пространству. Однако их рельсы часто ведут в тупик старого имперского депо, а не на просторы новых смыслов и символов.

В таком пространстве и в такой истории центр и столица приобретают особый мистический смысл и их расположению придается особое значение. Встроенный в мистическое пространство и обладающий сверхмиссией такой центр — в противоположность столицам многих других более демократических и плюралистических стран — стяжает все привилегии и определяет судьбу всей территории. Гипертрофированная роль столицы в российском политическом пространстве заключается в том, что в отличие от этих других стран она определяет всю сумму не только политических, но и прочих социальных отношений, в том числе экономических. В такой ситуации столичная тема не может не обрастать мифологическими смыслами.

Именно такие мифологические представления и национальные мифы часто уносят воздушный шар дискуссии о новой столице в невесомый эфир метафизических и историософских спекуляций и альтернативных историй, где обсуждение этой темы и путей дальнейшего развития страны украшается множеством оригинальных и разноцветных интеллектуальных метафор и игрушек, подобно рождественской елке. Далеко не последнее место в ней занимают проблемы укрепления империи и тематика Третьего Рима.

Тем не менее в глубине этой дискуссии, как постарается показать автор, таятся не эти, во многом фиктивные, истории и амбиции, а вполне реальные проблемы и заботы, связанные прежде всего с проблемами единства России, страхом распада страны по швам древних цивилизационных, этнических или религиозных расколов, тоска по справедливости, гражданскому достоинству и утраченному теплу распавшихся общественных связей. Эти реальные заботы и тревога получают мистифицированную формулировку в виде пространственных проблем, вопросов удержания и расширения территории.

После коллапса СССР многие из пространственных стереотипов россиян были подвергнуты критическому исследованию в специфическом российском изводе пространственного поворота в общественных науках (*spatial turn*), который открыл новые ментальные измерения советского и постсоветского пространства наряду с прочими мнимостями российской политической геометрии. Постсоветские социальные науки во многом вернули географическое измерение в осмысление социальной реальности, заговорив о человеке, как таковом, уже во всей совокупности его пространственных, а не только чисто экономических отношений. Они подвергли жесткой критике тенденции платонического изъятия реальности из ее пространственно-географических покровов, которые были характерны для советского марксизма (настоящий марксизм, напротив, всегда был очень чуток к пространственным категори-

ям, как это особенно ярко показал в серии своих работ британский географ Дэвид Харви).

Тем не менее постсоветский пространственный поворот и постсоветские идеологии, в целом не только возродили интерес к забытому пространственному измерению реальности, но и во многом мистифицировали пространство и пространственность, в том числе, как мы увидим ниже, и в споре о новых столицах. Они воспроизвели или создали множество новых мифов о нем. Если пространственный поворот в социальных науках на западе имел ввиду возвращение в пространство из историцистских и хроноцентрических нарративов — к телу, к месту и к пространственно укорененному, в том числе и урбанистическому сообществу, к теоретизации публичных пространств, то во многом ложный или половинчатый постсоветский пространственный поворот возвратил в пространство имперские измерения и реабилитировал некоторые весьма древние имперские и мистические концепции. Многие из них расцвели пестрым и блестящим пустоцветом геополитических теорий, не менее, а возможно и более идеологических и аспациальных, чем их марксистко-ленинские предшественники и прототипы.

Метафизические спекуляции по поводу уникальности и экстраординарного устройства российского пространства, его особой мистики и необходимости его имперского удержания и расширения во многих случаях заняли место осмысления, освоения и реорганизации территориальных функций, анализа универсальных и специфических законов, управляющих пространством и пространственными отношениями.

Важность понимания феномена пространственной гиперкомпенсации определила форму обсуждения некоторых идей в заключении к этой книге, посвященной идеологиям и людям, которые зачастую играют в пространство и с пространством, как, впрочем, отчасти и самому пространству, которое тоже иногда играет с людьми. Именно в имперских идеологиях, о которых мы упомянули, наиболее ярко и откровенно выражают-

ся некоторые наиболее устойчивые стереотипы такого мышления, которые в латентном виде и дозированно проникли также и в либеральный дискурс.

Это мышление открыто заявляет о себе в политических манифестах или интеллектуальных рефлексиях, но также и в ментальных принципах и привычках, которые воплотились в самой актуальной конфигурации и организации национального пространства, в пространственном бессознательном культуры, часто связанным с неприятием дуальности, бинарности и двоичности. На взгляд автора, именно в дебатах о столице некоторые элементы такого пространственного бессознательного выявляются в наиболее рельефном и рафинированном виде.

Пользуясь случаем, автор хотел бы поблагодарить Ивана Климова, Олега Оберемко, Владимира Николаева — преподавателей социологического факультета ГУ ВШЭ за помощь в организации и проведении экспертных интервью для данного исследования в 2010–2011 годах, а также всех тех политиков и исследователей, которые предоставили эти интервью. Блэр Рубл, Леонид Сторч, Марк Стейнберг, Владимир Николаев, а также Иосиф Россман и Ирина Лабецкая высказали ценные замечания по поводу рукописи этой книги или некоторых статей, которые стали частью ее. Автор также признателен Валерию Анашвили за его неизменный интерес и сотрудничество в этом и других проектах.

Автор выражает благодарность Международному колледжу Университета Шринакаринвирот в Бангкоке (International College for Sustainabilities Studies, Srinakharivwirot University), который сделал возможным мою поездку в Россию в 2010 году для сбора материалов к этой книге, а также за создание условий для работы над ее рукописью.

Вадим Россман
Бангкок, Таиланд
18 ноября, 2012 г.

ПЛАН ИЗЛОЖЕНИЯ

В первой главе этой работы мы проанализируем некоторые предпосылки, определившие специфику централизованной организации урбанистической системы России и те тенденции, которые закрепляют и усиливают эту централизацию в настоящее время, в том числе культурные, географические, политические и экономические факторы. Этот уровень централизации является одним из важных предметов критики и одной из важных отправных точек тем текущих дискуссий.

Далее мы остановимся на некоторых конкретных манифестациях этой гиперцентрализации в различных сферах, которые будут выражены в цифрах. Для понимания подлинных масштабов и размеров этой централизации мы сравним Москву со столицами наиболее централизованных государств в Европе и со столицей Японии. Это сравнение позволит нам поставить Москву в сравнительную перспективу глобальных городов, сопоставить ее роль и характер интеграции в российское пространство, а также даст нам систему мер и весов, на которых мы сможем произвести измерения.

Далее мы обсудим, хотя и весьма кратко, российский опыт переноса или обретения новых столиц, а также различные нереализованные предложения такого рода, высказанные видными географами, политическими деятелями, интеллектуалами и философами России XIX–XX веков. Это обсуждение позволит нам поставить сегодняшние дебаты в историческую перспективу и показать ее в системе и в категориях интеллектуальной преемственности.

Во второй главе будут проанализированы несколько сложившихся подходов или школ политической мысли в современной России на основе идей и концепций, относящихся к новой столице, а также различные политические, экономические и культурные

цели, которые ставят перед собой авторы этих идей. Далее будут более подробно разобраны некоторые наиболее популярные аргументы, систематические ошибки и недоговоренности, которые прослеживаются в простроениях участников этой дискуссии, а также не всегда эксплицитные предпосылки, которые лежат в основе их тезисов и предложений.

В третьей главе автор предложит несколько специальных критериев оценки эффективности столицы и покажет на конкретных примерах экономические, политические и символические параметры несоответствия Москвы на роль кандидата новой федеративной столицы.

Наконец, в заключении автор поставит эти вопросы в контекст международного опыта в этой сфере, обсудит устойчивые стереотипы и идеологическую геополитику как ложный и тупиковый путь обсуждения и понимания столичной тематики, а также подведет итоги этого обсуждения в контексте дальнейших экономических и политических реформ.

I. *Блеск, нищета и одиночество российской столицы*

Обзор опыта переноса столиц в разных странах мира, осуществленный в предыдущей книге, позволяет по-новому взглянуть на текущие российские дебаты по этому вопросу. Главными внешними факторами, стимулирующими эти дебаты, служат общая неудовлетворенность качеством жизни в Москве, с одной стороны, и недовольство жителей регионов сверхконцентрацией политических функций и экономических ресурсов в одном городе — с другой.

Но прежде чем мы перейдем к анализу тем, непосредственно касающихся российских дискуссий о переносе столицы, необходимо взглянуть на исторические предпосылки этих проблем, структурные особенности российского урбанизма и специфические традиции русской истории, которые предопределили тенденции сверхцентрализации — то, что называется *эффектами колеи* (*path-dependence*).

Сначала мы обсудим исторические предпосылки гиперцентрализации, которые связаны с особенностями российских экономических, политических и урбанистических систем. Далее мы кратко остановимся на трендах и внутренних структурных характеристиках Москвы в контексте современной динамики ее роста, а также на некоторых фундаментральных параметрах и индикаторах сверхцентрализации. Наконец, для более адекватной оценки уровня этой централизации, мы сравним эту ситуацию, с одной стороны, с классическими европейскими столицами, а с другой — с остальными странами группы БРИК, в которую входят Бразилия, Россия, Индия и Китай как наиболее близкие России по некоторым параметрам их эконо-

мического роста и места в международной капиталистической системе. Мы обсудим также вопросы о референтности этих столичных городов по отношению к Москве и некоторые их кардинальные отличия от нее.

1. ИСТОКИ СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИИ: ЭФФЕКТЫ КОЛЕИ

Не претендуя на систематическое обсуждение этого вопроса, остановимся кратко на некоторых аспектах *особенностей российской урбанизации*.

Помимо явных политических факторов, в основе сильно выраженных приматных характеристик российской столицы лежат некоторые объективные географические и исторические обстоятельства.

Низкая плотность российских городов

Известно, что до монгольского завоевания в России возникла некоторая основа для урбанистического развития, связанная по преимуществу с участием в транзитной торговле на пути «из варяг в греки» и по волжскому пути «из греков в арапы». Хотя эту урбанистическую составляющую не стоит преувеличивать, городские формы хозяйства в таких городах как Новгород и Киев были развиты и интегрированы в международную систему торговли[1]. После монгольского завоевания и смещения торговых трактов на запад плотность городов падает, города становятся по преимуществу военными и административными центрами. В XVIII–XIX веках идут широкие процессы

[1] Глазычев опровергает распространенное заблуждение по поводу высокого уровня развития городов в домонгольской Руси, указывая, во-первых, на ложное толкование скандинавского названия Руси («гардарики») как якобы *страны городов*, а, во-вторых, указывая на негородские источники главного продукта русского экспортного хозяйства — пушнины [Глазычев, 2012: 13].

дезурбанизации, связанные главным орбазом с аграрной ориентацией российской экономики [Полян, Нефедова, Трейвиш, 2001].

Несмотря на попытки широкой урбанизации и индустриализации страны в советский период, элементы этого наследия очевидны и в характеристиках современной урбанистической сети. Согласно вычислениям Андрея Трейвиша, если средняя плотность городов в Европе составляет 8–15 километров, то в европейской России — всего 45–75 километров. Плотность городов на Урале и в Сибире составляет соответственно 150 и 500 километров [Трейвиш, 2002].

Кроме того, урбанологи обращают внимание на неразвитость в России *качественной* урбанизации. Для понимания последней необходимо учитывать наличие трех различных и относительно независимых измерений урбанизации, которые выделяют авторы работ о трансформации человеческих поселений: *демографическую*, *поведенческую* и *структурную*. Если уровень *демографической урбанизации* в России кажется достаточно высоким, то уровень *поведенческой и структурной урбанизации* остается низким и несопоставимым с уровнем европейских стран. В России стиль жизни горожан и их культура еще тесно связаны с негородскими формами хозяйства и жизнеобеспечения — то, что урбанологи называют *распределенным образом жизни* [Кордонский, 2009]. Во многих поселениях, считающихся городскими, остаются неразвитыми или отсутствуют самые базовые элементы городской инфраструктуры — система централизованного отопления, телефонная связь, канализация, подвод горячей воды и другие элементы городского комфорта [Полян, Нефедова, Трейвиш, 2001]. Многие из населенных пунктов, считавшиеся в СССР городами, реально были слободами, прикрепленными к фабрикам [Глазычев, 1997]. Кроме того, сами количественные параметры настоящего и исторического уровня урбанизации неоднократно уточнялись российскими и зарубежными

урбанологами в сторону значительного уменьшения [Гольц, 2002]. В латиноамериканском контексте в связи с несоответствиями между демографическими и структурно-поведенческими измерениями урбанизации, родом занятий новых городских жителей, иногда говорят о явлениях *ложной урбанизации*, и такое описание, вероятно, в какой-то степени можно применить и к России.

В качестве интересной особенности российского урбанизма стоит обратить внимание также на то, что треть городов российской федерации расположена в зоне 500-километрового радиуса от Москвы [Лаппо, 2002].

Дефицит крупных городов

Другой аспект этой же проблемы состоит в неразвитости или недостатке крупных городов. Речь идет о чрезвычайно малом количестве — относительно территории страны — крупных региональных центров, которые могли бы реализовывать свой агломерационный потенциал, связывать страну с мировой экономикой и служили бы узлами глобального коммерческого или культурного обмена, локомотивами модернизации. Большинство российских городов-миллионников не играют серьезной международной роли и несопоставимы по своей значимости с Москвой.

Речь идет отнюдь не о новой урбанистической проблеме. Еще в 1970 году авторитетный американский урбанолог Кристофер Харрис, изучавший урбанистическую иерархию СССР, заметил по этому поводу: «Москва является приматным городом в урбанистической системе всей России. Но его приматность связана не с собственными размерами столицы, а с тем, что следующие по величине города в стране слишком малы» [Harris, 1970: 89]. Колоссальный рост Москвы с начала 1990-х годов, не вполне учитывающийся в цифрах официальной статистики, сделал первое

наблюдение Харриса менее важным и актуальным, чем его вторую часть.

Наталья Зубаревич, специалист по экономической географии, в одной из своих недавних статей подтверждает и уточняет вторую часть мысли Харриса. Ссылаясь на тезисы доклада Мирового банка по России за 2003 год, она говорит о том, что «российские города не соответствуют правилу *ранг-размер*, которое называют правилом Зипфа. Суть его в том, что распределение городов в соответствии с логарифмами их размеров (численности населения) и рангов (порядкового номера по величине) образует прямую линию. Это эмпирическое правило подтверждается для многих стран, в том числе для США и Франции. В России в соответствии с правилом Зипфа[2] должно быть несколько городов с населением 2–6 миллионов человек, но в действительности нет ни одного (за исключением Петербурга. — *В. Р.*)» [Зубаревич, 2007].

Каковы импликации этих процессов для функции столицы? Как мы уже видели на примере анализа европейской урбанистической иерархии Стейном Рокканом, плотность городов оказывает непосредственное влияние на функции центра и уровень централизации [Rokkan, 1980]. В государствах с большой территорией и низкой плотностью городов, в столицах концентрируется значительное число полномочий и функций. Здесь нет политического *буфера* в виде городов в ка-

[2] Закон Зипфа принадлежит к числу естественных эмпирических законов. Известный американский экономист Пол Кругман остроумно замечает в этой связи: «экономическую теорию часто упрекают в том, что ее модели являются слишком упрощенными и предлагают слишком удобные взгляды на сложную и неоднозначную реальность. В случае закона Зипфа верно как раз обратное: в противоположность нашим сложным и неоднозначным моделям реальность как раз удобна и проста» (цит. по: [Vedder, 1996]). Реальность практически всех городских сетей выявляет весьма простой закон, который отражен в законе Зипфа и который, в силу не имеющих отношения к собственно экономике обстоятельств, не действует в России.

честве независимых экономических центров. *Гипертрофированная роль столицы во многом отражает неразвитость урбанистической сети государства и дефицит городского начала как такового.*

Недиверсифицированная ресурсная экономика

В странах с преимущественно ресурсной экономикой (экспорт сельхозпродукции, энергоносителей и сырья), отношения производства и обмена оказываются подчиненными по отношению к процессам распределения и перераспределения рентных доходов. Это усугубляет процессы централизации, так как центр выступает в качестве арбитра или полноправного хозяина ресурсной ренты, которую он может распределять в соответствии со своими политическими и экономическими интересами и предпочтениями. Поэтому доля ресурсов в экспорте страны часто определяет уровень централизации государства.

Кроме того, ресурсная экономика, как правило, не связана с собственно городскими формами хозяйства. Там где господствует этот тип экономики, крупные компании зависят не от конкурентоспособности своих товаров, а от конъюнктуры мировых цен на энергоресурсы и сырье. В результате города не могут развиваться и лишаются экономической базы, что усиливает их зависимость от центра и может стать почвой для развития и закрепления их иждивенческой позиции. Кроме того, ресурсная экономика не требует для своего развития значительных трудовых ресурсов и создает мало рабочих мест, которые могли бы служить основой городской формы занятости [Мартынов, 2004].

Недостаточное развитие политического регионализма

Недостаточное развитие политического регионализма отчасти является сопутствующим обстоятельством,

усугубляющим сверхцентрализацию, а отчасти — результатом тех факторов, которые мы обсудили выше. Слабое развитие регионализма в какой-то мере связано с недостаточной географической дифференцированностью регионов России и недостатком естественных границ. Тем не менее главными причинами, определяющими эту особенность, на взгляд автора, являются политические и экономические факторы.

Будучи зависимыми от распределения рентных доходов, регионы оказываются заложниками сверхцентрализованной политической системы. Вертикальные связи получают преимущество по отношению к горизонтальным, и политическое, экономическое и социальное пространство структурируются в соответствии с властной вертикалью. В результате политически слабые регионы косвенным образом усиливают центр и их экономические и политические идентичности оказываются недостаточно выраженными.

По своему происхождению (*системы расселения*) российские города являются по преимуществу административными и военными центрами, а не самостоятельными экономическими единицами с развитыми формами самоуправления. Отсутствие качественных и автономных экономических характеристик у большинства существующих российских городских центров усугубляет ситуацию сверхцентрализации.

Города, часто зависимые от государственных заказов, не будучи в состоянии решить своих проблем самостоятельно, существуют за счет решений центра и не могут выступать в роли политических субьектов и отстаивать свои интересы. В результате региональная политика начинает строиться на лояльности и клиентализме по отношению к центру с элементами патронажа, а не на отстаивании специфических региональных экономических и политических интересов. К этому приводит также преимущественное использование дистрибутивного (выравнивающего), а не аллокативного (стимулирующего) принципа в распределении ресурсных доходов.

Напротив, в тех странах, где города обладают ярко выраженной экономической идентичностью, часто существует и более сильная региональная политическая идентичность. Иллюстрацией сильных региональных идентичностей могут служить земли в Германии и штаты в США, обладающие четко выраженной экономической специализацией. Даже в такой централизованной стране как Франция в эпоху Французской революции существовали важные и сильные политические идентичности: радикализм аристократическо-плебейского Парижа, буржуазная умеренность Жиронды и феодально-клерикальная ориентация Вандеи [Tilly, 1992: 9].

Культурно-политические влияния

В связи с *эффектами колеи* стоит хотя бы весьма кратко упомянуть о различиях между западноевропейской и восточной моделями взаимоотношений между столицами и остальными городами и самим типом городов на примере Западной и Восточной Римских империй.

Речь здесь идет не только о влиянии социально-культурных матриц Византии на Русь, но и о весьма конкретных элементах культурных заимствований из арсенала урбанистических форм и моделей отношений между центром и периферией. Хотя эта связь может показаться слишком отдаленной и натянутой, русские столицы не только прямо подражали Константинополю как Второму Риму в своем архитектурном устройстве и символизме, но и *вольно или невольно, в большей или меньшей степени могли воспроизводить* также и модель отношений Константинополя с другими городами империи в своей собственной урбанистической иерархии.

Можно заметить, не претендуя здесь на сколько-нибудь подробное раскрытие огромной и специальной темы византийского урбанизма, что историки в

качестве общей тенденции (хотя здесь, конечно, были также свои циклы подъемов и упадков) указывают на постепенную дезурбанизацию и упадок византийских городов, главным образом средних и мелких, их трансформацию из самоуправляющихся полисов, унаследованных из эллинской античности, в крепости и религиозные центры. Укрупнение Константинополя и немногих больших городов происходило не столько в результате роста их экономики, сколько за счет депопуляции и обнищания провинции и сельской местности. Возрастание значения крупных городов Византийской империи определялось в большей степени их статусом митрополий (церковных центров) и военных укреплений, чем торгово-хозяйственными факторами. Последние типы городов переставали именоваться полисами и стали называться кастронами (крепостями). Историки также указывают на постепенное движение византийских городов от побережья «вглубь» страны, что было связано с аграризацией Византии [Курбатов, 1984: 204]. Незавершенность развития вотчинно-сеньориального строя обусловила, с одной стороны, политическую слабость провинций и землевладельческой знати, а с другой — силу централизованного в столице чиновничества [Сванидзе, 1995].

Интересно, что сами ромеи часто называли свою столицу просто Городом, что, возможно, косвенно указывает на высокую степень приматности их столицы. О центрированности Византии на главном городе свидетельствует также то, что некоторые исследователи называли Византию Константинополитанией [Поляковская, 2003: 197]. Историки указывают на практики привилегированного снабжения столицы, что осуществлялось за счет фиксированных и искусственно сниженных цен на зерно, то есть ограбления деревни. Известно, что константинопольцы были не очень любимы своими соотечественниками [Там же: 197–198]. Следующая цитата из визинтийского писателя XII века и афинского митрополита Михаила Хониата (1140–1220) хорошо иллюстрирует это положение

вещей: «Вы, пышные граждане Константинополя, не желаете выглянуть из-за своих стен и ворот, не хотите взглянуть на древние окружающие вас города, ждущие от вас справедливости; вы посылаете в них одного за другим податных сборщиков..., чтобы пожрать последнее. Сами же вы остаетесь у себя, предаваясь покою и извлекая богатство из законов и судебной деятельности, города же опустошают негодные фискалы. Да и чего не хватает вам? Разве плодородные равнины Македонии, Фракии и Фессалии не производят для вас хлеб, разве не выжимают вам вино Эвбея, Птелерия, Хиос и Родос; разве фиванские и коринфские пальцы не ткут вам одежды; разве не вливаются реки всех богатств в столицу, как в единое море?» [Каждан, Литаврин, 1958].

Этим характеристикам византийского урбанизма противоположны описанные нами тенденции в Западной Европе, в особенности в поясе городов. Имперские государства на периферии Европы также очень постепенно адаптировали некоторые элементы модели пояса городов, но эта модель осталась совершенно чуждой Византии. Таким образом, Византия, будучи источником культурных образцов, моделей и матриц для России, не располагала и не могла предложить той концепции урбанизма, которая была описана Анри Пиренном, Ле Гоффом и другими историками западного средневековья и отцами теории западного города, которая формировалась в Европе на волне революции городов, начиная с XII века. Эта византийская модель отношений между столицей и периферией, возможно, оказала влияние на процессы урбанистического творчества в России.

2. УСИЛЕНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ СВЕРХЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

В императорской России централизация ресурсов и власти в Санкт-Петербурге в некоторой степени компенсировалась ситуацией *двустоличности*. Москва

продолжала оставаться экономически и политически важным городом и служила религиозной и духовной столицей России. Согласно некоторым источникам, после петровских реформ Москва осталась связующим центром русского народа, а ее экономическое значение даже несколько возросло. Московская таможня по сумме пошлин занимала первое место в стране. Даже торговые обороты Москвы долгое время превосходили обороты Петербурга [Аверьянов, 1993]. В XIX веке строились новые города, особенно в Сибири и на юге России, шел демографический рост населения.

В СССР тенденциии централизации значительно усиливаются. В первые годы советской власти имел место экспоненциальный рост Москвы, возрастал ее политический вес. На фоне политического и демографического подьема новой столицы происходила провинциализация и маргинализация Ленинграда, о чем свидетельствуют его многочисленные летописцы и наблюдатели [Ruble, 1990]. Только за три года революции к 1921 году население северной столицы с 2,5 миллиона человек уменьшилось более чем в 3 раза[3].

Однако в советскую эпоху урбанистическая иерархия государства все-таки балансировалась крупными столицами союзных республик — как в географическом, так и в экономическом и демографическом плане. Ситуация относительной экономической автаркии и плановой командной экономики позволяла городам России производить товары на госзаказ. Рост Москвы сдерживался внеэкономическими методами — прежде всего ограничением миграций через *институт прописки* и жестким административным контролем. В результате статус москвича приобретал некоторые сословные характеристики, обеспечивая им *привиле-*

[3] Официальная численность Санкт-Петербурга, третьего по величине города в Европе, на начало Первой мировой войны — свыше 2 миллионов человек (1914). В 1920 году — 722 тысячи. Из статьи «Санкт-Петербург» в Википедии: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Санкт-Петербург>.

гированный доступ к национальным ресурсам страны и особые стандарты снабжения потребительскими и продовольственными товарами[4].

Постсоветская ситуация, будучи в какой-то мере атавизмом советской системы сверхцентрализации, еще более стимулировала центростремительные тенденции и значительно усугубила москвоцентризм урбанистической и политической системы. Этой моноцефальности способствовал ряд процессов, связанных с постепенным увеличением ресурсозависимости экономики и утратой прочной экономической базы многими городами бывшего СССР. Их промышленность была часто ориентирована на государственнные и военные заказы, а продукция, которую они выпускали, была неконкурентоспособна на внешнем рынке. Недиверсифицированность экономик многих городов (монопрофильные города или моногорода), особенно небольших, приводила к их постепенному запустению, депопуляции и миграции людей в другие крупные центры, первое место среди которых заняла Москва.

Усиление ресурсной зависимости экономики приводило к тому, что офисы крупных компаний стали концентрироваться в Москве, где принимались законы

[4] В серии работ российско-американский исследователь советской экономической политики Елена Осокина приводит множество цифр и фактов, описывающих и уточняющих особые стандарты снабжения Москвы. Согласно ее подсчетам, в начале 1930-х годов прошлого века москвичи, то есть 2% совокупного населения страны, получали до 20% фондов промышленных товаров и продуктов питания. Еще 10% получал Ленинград. «До революции столицы также имели особый статус, — пишет Елена Осокина. — Именно там располагались крупные и дорогие магазины, продававшие предметы роскоши, заморские товары. *Однако никогда эти два города не имели исключительного права на получение самых обыденных предметов обихода и жизненно важных продуктов.* В любом заштатном городке дореволюционной России мелкие частные лавочки и казенные магазины обеспечивали население всем необходимым». *Осокина Е.* За фасадом сталинского изобилия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 109–110, 137–138.

и происходило распределение ресурсной ренты. Близость к центру принятия решений оказывалась для многих компаний более важной и решающей, чем организация собственно хозяйственных процессов. Происходит сращивание государственных чиновников и крупного бизнеса, между которыми возникают патрон-клиенталистские отношения. Крупные компании, зависимые от своей лояльности политическому руководству и коньюнктуры, мировых цен на ресурсы и сырье, в выборе места своего пребывания отдают предпочтение *фактору близости к власти*.

Таким образом, ресурсный характер российской экономики, во-первых, создавал крайне неблагоприятную ситуацию для нересурсных секторов экономики в соревновании за труд и прочие факторы производства, и, во-вторых, приводил к усилению зависимости регионов от центра, что не позволяло им полноценно отстаивать свои интересы и тормозило процесс формирования региональных идентичностей. Размытые и аморфные политические идентичности регионов, которые часто формируются на основе экономических идентичностей, приводили к формированию главных общественных расколов (*cleavages*) не на основе экономических параметров, а на основе отношения к центру. Если в 1990-е годы еще существовали элементы таких региональных политических идентичностей вроде *красного пояса городов* вокруг Москвы, то в нулевые годы основная линия социально-политического раскола совпала с разделением на центр и периферию.

На рост тенденций централизации указывает и система распределения международных и внутренних авиаперевозок.

Свой вклад в тенденции сверхцентрализации в Москве внесли и такие процессы, как массовые миграции населения в столицу, бюрократизация, взрывная автомобилизация и другие. Они во многом определили перегрузку Москвы, что среди прочих факторов стимулировало возникновение дискуссий о смене столицы.

Проиллюстрируем некоторые из этих постсоветских центростремительных тенденций и процессов —

миграцию, бюрократизацию, инфраструктурные показатели и другие — конкретными цифрами.

3. МИГРАЦИИ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В МОСКВЕ

В постсоветские годы на фоне неблагоприятных общенациональных демографических тенденций шел экспоненциальный рост российской столицы — массовая миграция в Москву как из российских областей, так и из дальних республик и бывших государств, входивших в состав СССР, особенно республик Кавказа и Средней Азии. Если исторически Москва занималась «собиранием русских земель», то теперь она становится по преимуществу собирателем людей со всей территории бывшего Советского Союза.

К 2010 году население города, который первоначально рассчитывался Генпланом на 5–7 миллионов человек [Пряников, 2007], достигло почти 12 миллионов, цифра которая по мнению большинства наблюдателей драматически занижена. По некоторым оценкам, только количество нелегальных мигрантов в Москве составляет 5 миллионов человек. МВД России оценивает ежедневное дневное население Москвы в 20 миллионов человек, включая маятниковую миграцию. Согласно оценкам депутата Мосгордумы Антона Палеева, основанным на косвенных подсчетах объемов потребления продовольствия в городе в 2011 году, население Москвы составляет не менее 18 миллионов человек.

Однако даже в свете *одних только официальных цифр Москва является самой большой столицей мира*, если иметь в виду сравнение собственно демографических размеров городов, без столичных агломераций[5].

[5] По населению Москву превосходят Мумбай, Шанхай, Карачи и Стамбул. **Ни один из этих городов не является столицей** соответствующих стран. Кроме того, в первой десятке городов всего три столицы, Москва, Пекин и Дели. При этом столицей Индии считается только город Нью-Дели, часть агломерации Дели (см. табл. 11).

Демографический рост Москвы, усугубленный коррупцией и бюрократизацией, привели к значительному увеличению нагрузки на московскую инфраструктуру и транспортные сети, а также к астрономическому увеличению цен на жилье, с которыми не справлялись даже растущие доходы москвичей, вызванные подъемом мировых цен на энергоресурсы.

4. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Средневековая радиально-кольцевая структура Москвы, закрепленная в советский период, усугубила проблемы транспорта. Обьединение исторического, делового и административного центра города, сосредоточенность двух третей рабочих мест в центре Москвы, а также постоянно растущий парк автомобилей (по некоторым оценкам, составивший к 2012 году 3 миллиона транспортных единиц) стали создавать серьезные проблемы с передвижением в городе. Они усугублялись инфраструктурными проблемами — катастрофическим недостатком парковок, чрезвычайно низкой пропорцией площади города, отведенной на дорожную сеть и автомагистрали (см. табл. 5), отсутствием доходных домов или сколько-нибудь развитых рынков арендного жилья, которые обычно приближают работников к месту службы и тем самым способствуют разгрузке транспортных магистралей и общественного транспорта. Эти морфологические проблемы, усугубленные взрывной автомобилизацией, достигшей пороговых величин, не просто создают проблемы с пробками, но угрожают в самое ближайшее время, при сохранении существующих тенденций, полностью парализовать движение в Москве. По оценкам экспертов, при увеличении существующего соотношения автомобилистов (400–450 автомобилей на 1000 человек) всего на 50–100 транспортных единиц, движение в городе остановится [Архангельская, 2008].

В то время как большинство крупных мегаполисов давно отказались от типичной для средневековья радиально-кольцевой планировки города, — ее возникновение когда-то было вызвано фортификационными преимуществами, — она была зафиксирована сталинским Генпланом Москвы и окончательно закреплена постсоветскими градостроительными проектами, связанными с возведением все новых транспортных колец вокруг города. Некоторые остроумные комментаторы не приминули сравнить девять транспортных колец вокруг Москвы с девятью кругами дантовского ада. Москва пропустила уже несколько поколений урбанистических морфологических структур, сменившихся со времен модели *концентрических кругов*, популярной в старых градостроительных планах (в том числе в известной концепции чикагского социолога Эрнста Берджесса). Во многом эта структурная форма отражает или является проекцией властецентрической социальной системы России.

Другой уникальной особенностью морфологии Москвы является отсутствие полноценной агломерации и элементов субурбанизации. Так в противоположность практически всем европейским и азиатским столицам, плотность населения Москвы *увеличивается* по мере удаления от центра [The Economist, 2012].

5. РОСТ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО КЛАССА

Колоссальный рост бюрократии и силовых структур, ведомств и организаций в постсоветский период вносил свою лепту в проблему гиперконцентрации. По данным Росстата, только в период до 2005 года, армия российских чиновников ежегодно увеличивалась на 50–100 тысяч, а их общая численность почти сравнялась с численностью госслужащих в СССР в период правления Леонида Брежнева — 1,5 против 1,7 миллиона человек. Большая часть этого управленческого

класса сосредотачивалась в Москве[6]. Именно в Москве оказались обьединенными городские, областные и федеральные органы власти, охваченные процессами бюрократизации.

Бюрократическая централизация, коррупция и мелочное регулирование бизнеса среди прочих факторов стимулировали размещение головных офисов российских корпораций в столице. В результате Москва стала привлекать к себе множество ходоков, лоббистов, ходатаев и просителей из далеких провинций и губерний для принятия решений, которые в менее централизованных государственных системах принимаются на местах. Одним из результатов такой бюрократизации как раз и стало драматическое увеличение дневного населения Москвы; только этот ежедневный поток, включающий просителей и посетителей, приближается, по некоторым оценкам, к 2 миллионам человек.

Рост бюрократии в России, начиная с эпохи Ельцина, имеет заметные параллели даже в некоторых деталях с ростом испанского барочного двора в Мадриде в эпоху Габсбургов, который мы описали в первой части книги [Ringrose, 1998]. В основе этого сходства лежат близкие экономические процессы, связанные с ресурсной экономикой и распределением дармовых ресурсов — в первом случае, и с поступлением и распределением серебра из американских колоний, во втором.

6. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Все эти новые явления и тенденции стали порождать или усугублять обычные для крупных городов комплексы проблем: поляризацию доходов, высокий уро-

[6] «В СССР политический класс (номенклатура плюс военные всех типов) составлял 0,1% от численности населения, — пишет социолог Ольга Крыштановская. — К 2009 году численность политического класса перевалила за 3 миллиона, что составляет 2% населения страны».

вень преступности, исход среднего класса из города, главным образом за рубеж [Балацкий, 2008], а также понижение уровня общероссийской социальной мобильности.

В 2005 году децильный коэффициент, мера общественного неравенства, в Москве составлял 42 и к 2011 году опустился до 33 единиц [Зубаревич, 2011]. В постсоветские годы также чрезвычайно вырос уровень городского коэффициента Джини (0,6), другой индикатор общественного неравенства, который приблизился к параметру 0,6, далеко превосходящему все европейские страны и приближающемуся к известным своими социальными контрастами латиноамериканским городам (см. табл. 6)[7].

7. НЕСООТВЕТСТВИЯ МЕЖДУ СТОИМОСТЬЮ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ

В течение ряда лет Москва лидирует в списках наиболее дорогих городов мира. Так, в 2011 году по этому показателю Москва заняла четвертое место в мире [Mercer, 2011].

Тем не менее по большинству показателей *качества жизни*, отраженным во множестве международных рейтингов, Москва занимает весьма незавидные позиции. Хотя с течением времени некоторые из этих параметров несколько улучшились, они по-прежнему указывают на серьезные несоответствия стоимости и качества жизни и на роль внеэкономических факторов в этом несоответствии.

[7] Коэффициент Джини — мера отклонения кривой распределения доходов Лоренца от кривой отсутствия неравенства. В европейских странах значение этого коэффициента составляет приблизительно 0,3. В США — 0,45. В Бразилии — 0,61. По оценкам Гуриева (ректор Российской экономической школы) и Рачинского, в 2004 году коэффициент Джини в Москве составлял 0,63 [Гуриев, Рачинский, 2006].

По результатам ежегодного опроса компании Мерсер, Москва заняла 166-е место по качеству жизни среди других городов мира. Российская столица также называлась в числе наиболее опасных и смертоносных мировых метрополисов с точки зрения своих экологических стандартов. В одном из рейтингов Москва заняла 14-е место в списке самых грязных городов мира [Бондарь, 2011]. По уровню привлекательности среди иностранцев город занял 48-е место из 60 [Global Market Insight, 2011]. Москва также называлась в первой тройке наиболее недружелюбных городов Европы, что, возможно, связано со стрессами и эмоциональными перегрузками мегаполиса, а не с психологическими особенностями ее жителей.

В 2010 году российская столица заняла четвертое место как один из наиболее проблематичных городов мира с точки зрения автомобильных пробок (IBM Commuter Pain Survey). В других рейтингах указывались высокие риски города, связанные с уровнем безопасности (78-е место из 90 мировых городов в рейтинге *AON Consulting's Study on low-risk cities for recruiting and relocating employees*). Другими предметами критики стали система здравоохранения, количество рекреационных и зеленых зон и многие компоненты городской инфраструктуры.

Согласно опросам ВЦИОМ, Москва также является городом наименее благоприятным для мелкого и среднего бизнеса из-за высокого уровня бюрократии, коррупции, высоких цен на сьем коммерческих помещений, а также неблагоприятной конкуренции с ресурсными сферами бизнеса, построенными на сверхприбылях [ВЦИОМ, 2006]. Наличие в России более благоприятных городов для деловой активности указывает на чрезвычайно высокую роль внеэкономических факторов в выборе Москвы в качестве места для ведения бизнеса.

Официальные комментарии по поводу вышеприведенных рейтингов, озвученные некоторыми предста-

вителями городской администрации и федеральными чиновниками, состояли в том, что Россия и Москва недостаточно работают над маркетингом и рекламой города за рубежом, не предпринимают нужных усилий для создания его брендинга и благоприятного имиджа за рубежом и внутри страны[8].

8. ПЕРЕДОЗИРОВКА ФУНКЦИЙ

Одним из важнейших факторов, который стимулирует дискуссии о переносе столицы, является непропорционально большая концентрация функций в Москве.

Как уже было сказано, такая концентрация функций была характерна уже для советской системы. Москва была не только важнейшим политическим и экономическим центром, но и центром во всех других областях.

Система, напоминающая устройство театра одного актера, сохранилась и сегодня. В Москве расположена резиденция православной патриархии, Генеральный штаб, все министерства, Академия наук и даже — до недавнего времени — штаб-квартира военно-морского флота. Кроме того, Москва была своего рода сверхстолицей всего социалистического содружества. Такая передозировка функций, безусловно, превращает Москву в один из самых перегруженных и сверхцентрализованных городов в мире.

В постсоветский период эта сверхконцентрация функций и ресурсов еще более углубилась. Естественное беспокойство жителей регионов вызывалось тенденциями концентрации всех ресурсов и функций в Москве и построением вертикали власти, которая минимизировала участие граждан провинций, областей и регионов в принятии решений даже относительно мероприятий местного масштаба. В годы правления Путина были урезаны полномочия регионов и отме-

[8] Техники такого маркетингового продвижения столичных городов обсуждаются в ряде работ [Chevrant-Breton, 2007].

нена выборность губернаторов, что драматически увеличило роль центра.

Приведем некоторые цифры, которые отражают уровень доминантности Москвы во всех сферах — от экономики и финансов до спорта, науки и образования.

С начала 1990-х годов ВРП Москвы постоянно и неуклонно рос пока не достиг почти четверти национального ВНП (23%). В 1990-е годы доля города в ВНП страны составляла только 14%. Соответственно, если в 1990-е годы в Москве было сосредоточено около 5% совокупной рабочей силы страны, то уже в 2004 году этот показатель достиг 9%.

В Москве зарегистрировано около половины всех банков на российской территории, контролирующих 85% всех капиталов России. Штаб-квартиры 37 из 50 крупнейших российских компаний (74%) и корпоративное руководство еще 8 из этих компаний. Все 6 из крупнейших российских компаний, входящие в индекс «Global-500», зарегистрированы в Москве (100%).

Москва привлекает более 50% всех иностранных инвестиций в стране. Доля Москвы во внешней торговле — 40–42%. Доля Москвы в товарообороте розничной торговли — 25%. Доля Москвы в доходах бюджета — 20% [Зубаревич, 2011].

Недоразвитость транспортных линий, их центрированность на Москве, а также неразвитость горизонтальных транспортных связей превратило Москву в главный складской и логистический центр (70% от общего обьема всех складских помещений), создавая дополнительные нагрузки на ее инфраструктуру. Согласно некоторым оценкам, в настоящее время около двух третей всех внутренних авиаперевозок и почти 80% всех международных перелетов происходит через московский авиационный узел. При этом доля всех межрегиональных авиаперевозок, которые идут не через Москву или Санкт-Петербург, составляет только 10% [Андреева, 2012]. Только по официальной стати-

стике плотность населения Москвы составляет около 12 тысяч человек на квадратный километр против среднего европейского показателя 3–4 тысячи человек.

Москва также безраздельно доминирует в сферах науки и культуры. В столичном мегаполисе находится 22% всех научных организаций страны. Столице приписывают 60% всех исследований и научного потенциала государства. В Москве также постоянно проживает 30% всех российских ученых.

В Москве находится около четверти всех российских театров (154 из 541).

80% всех национальных издательств (10% в Петербурге) газет и журналов публикуются в Москве московскими редколлегиями и издателями [Швыдкой, 2010].

Почти все наиболее влиятельные люди страны живут в Москве, включая 79 из 96 российских миллиардеров (Forbes, 2012). 5 из 16 футбольных команд высшей лиги базируются в Москве и Московской области (31%).

Согласно консенсусу экономистов, инвестиционная привлекательность Москвы, нараставшая все постсоветские годы, была связана не столько с экономической эффективностью города, сколько с узурпацией ресурсной ренты и участием государства в бизнесе. По аналогии с концепцией, которую экономисты в контексте инвестиционной политики называют «урбанистическим предрассудком» (*urban bias*), предполагающим не всегда обоснованные преимущества городов в системе инвестиций по сравнению с сельской местностью, этот феномен можно назвать *предрассудком столичного города (capital city* или *metropolitan bias).*

Наиболее важным фактором, который определяет современное положение Москвы, является *статусная рента*, которая позволяет российской столице монополизировать экспорт природных ресурсов и сырья из других регионов России. Так, доля Москвы в экспорте нефти составляет 23%. К Москве также приписано 10% добывающей и 99% нефтегазовой промышленности [Зубаревич, 2011].

Известный российский экономист Леонид Вардомский отмечает, что, несмотря на демонтаж государственной монополии на внешнеполитическую деятельность за годы реформ, региональные диспропорции в развитии и инвестициях в России заметно усилились. Они бросаются в глаза не столько между различными федеральными округами, сколько *внутри них*. Так, хотя удельный вес Центрального федерального округа в общем обьеме инвестиций за тридцать лет (1975–2005) практически на изменился (22–23%), доля Москвы в этом округе возросла с 25 до 50% [Вардомский, 2005].

Двустоличность, которая определяла урбанистическую динамику и культуру императорской России, медленно сходила на нет в СССР и в постсоветские годы окончательно потеряла свое значение. На фоне уровня инвестиций в Москву чрезвычайно низкими и несовместимыми с концепцией двустоличности кажутся инвестиции в Санкт-Петербург — около 6% от всероссийских [Зубаревич, 2011]. В этой связи только интеллектуальной инерции можно приписать представление о том, что Петербург уравновешивает Москву в российской урбанистической системе. Даже в качестве культурной столицы Петербург не находится в московской весовой категории: северная столица сильно отстает от Москвы по количеству национальных газет, музеев, театров и другим параметрам культурного круга.

9. БАЛАНС МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ И МИГРАЦИЙ В МОСКВУ

Одним из индикаторов интегрированности территории государства является *уровень межрегиональной мобильности населения*. Этот показатель не является прямым указателем уровня централизации страны, но существует сильная корреляция между двумя этими индикаторами.

В постсоветской России на фоне крайне низкого уровня горизонтальных миграций единственное заметное направление миграционной активности населения было связано с движением в Центральный регион, а внутри этого региона — в Москву (75%). В 2000-е годы 60% чистой миграции получили Москва и Московская область [Зубаревич, 2012].

В 1990-е годы официальная мобильность населения существенно сократилась по сравнению с советским периодом: доля населения, сменившего за год место жительства, опустилась с 5–6% до 1,4% [Мкртчян, 2009]. Официальные данные о миграции населения по разным странам свидетельствуют о том, что население в России меняет место жительства в 2–3 раза реже, чем в большинстве развитых стран (см. табл. 8 и 9). По расчетам Рязанцева (2004), миграционная активность населения России в 5 раз ниже, чем в США [Там же]. Согласно расчетам демографов, в настоящий момент общероссийский уровень мобильности опустился до уровня, имевшего место в России перед Первой мировой войной (Зайончковская, Ноздрина, 2008).

Низкий уровень мобильности указывает на недиверсифицированность экономики и на ограниченные возможности преодоления страной экономических кризисов, регионального неравенства и проблем безработицы. Ресурсная экономика не создает большого количества рабочих мест и не привлекает трудовых мигрантов. Низкий уровень мобильности также одна из причин, обьясняющая высокий уровень межрегиональной дифференциации доходов. Основными факторами, сдерживающими мобильность, являются не только большие расстояния между рынками труда и общие размеры страны, но и административные барьеры, низкие доходы населения и финансовые ограничения, включающие неразвитость рынка жилья и ипотечного кредитования [Андриенко, Гуриев, 2005].

Для нашего изложения, однако, важны не столько экономические аспекты низкого уровня миграцион-

ной активности, сколько ее импликации для национального строительства. Развитый рынок труда и высокие обьемы внутреннего туризма являются показателями интегрированности территорий и ее горизонтальной связанности. Они дают ощущение не только единого экономического пространства, но и создают *эффекты перемешивания*, критически важные для формирования нации. Эти показатели в свою очередь определяют уровень освоенности страны *снизу* в противоположность освоению страны «сверху» через военные и экономические проекты, осуществляемые государством.

10. СТРУКТУРА «НЕТРУДОВЫХ» ДОХОДОВ МОСКВЫ

Еще в 1990-е годы, до нефтегазового бума, возникла ситуация статусного паразитирования Москвы, которая распространялась за пределы ренты на нефтегазовые ресурсы. В связи с этим интересно обратиться к статье Егора Гайдара по поводу структуры налогов и источников московского бюджета.

Гайдар писал, что экономическое доминирование Москвы никак не связано с ее экономической продуктивностью или хозяйственной эффективностью московского правительства и приводил следующий пример. Машиностроение и металлообработка, две крупные отрасли, центром которых является Москва, дали примерно 0,6% общих поступлений в московский бюджет. Тем не менее такая отрасль, как трубопроводный транспорт, центром которой Москва не является, дала налоговых поступлений примерно в 50 раз больше, чем машиностроительные предприятия.

Однако помимо чисто ресурсной ренты, по мнению Гайдара, Москва получает также ренту с сетевых предприятий, которая не связана непосредственно с распределением ресурсов [Гайдар, 1998].

Гайдар так комментировал эту ситуацию:

> *В условиях молодого российского финансового федерализма Москва с ее традиционной концентрацией сетевых предприятий, работающих по всей стране, оказалась в феноменальном положении. «Ростелеком» обеспечивает телефонную связь по всей стране, но платит налоги в Москве. РАО «ЕЭС России» производит электроэнергию и освещает всю страну, но платит налоги в Москве. «Газпром» добывает газ в Западной Сибири, продает его по всей стране и в Европу, но платит налоги в Москве. «Транснефть» транспортирует нефть из Западной Сибири, но платит налоги в Москве. Таким образом, Москва оказалась расположена рядом с фонтаном, из которого бьет золотой поток* [Гайдар, 1998].

В конце 1990-х годов, когда Гайдар писал свою статью, открытые доходы московского бюджета в 3 с лишним раза превышали нормативные расходы местных бюджетов с учетом всех федеральных стандартов. В 2012 году московский бюджет (1,45 триллиона рублей) из расчета на душу населения уже в 4,5 раза превышал совокупный бюджет девяти областей в средней полосе России (324 миллиарда рублей), близких Москве по совокупному населению, — Нижегородской, Псковской, Новгородской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Владимирской, Ивановской и Рязанской [Там же] (см. табл. 6). При несопоставимо низком ВНП соответствующих государств бюджет Москвы не уступает бюджетам Нью-Йорка, Лондона и Парижа (см. рис. 2).

Интересно, что при этой уникальной налоговой ситуации федеральное правительство все постсоветские годы «компенсировало» московское правительство из федерального бюджета за выполнение столичных функций. Так субвенции и субсидии на поддержание столичных функций составили 161 миллиард рублей в 2011 году, что составляет приблизительно 8% всего городского бюджета (в среднем около 10% все нулевые годы) [Толкователь, 2012].

Остальные источники доходов московского бюджета выглядят примерно следующим образом: 50% — налог на прибыль организаций, 30% — налоги физических лиц, 6% — налог на имущество и 2–3% — акцизы на алкоголь и прочие товары подобного рода [Зубаревич, 2012].

По оценке Натальи Зубаревич, налог на прибыль огранизаций, который примерно совпадает с рентными доходами города, составлял в 2007–2011 годах около половины совокупного бюджета Москвы. Доля этого дохода в бюджете составляла соответственно 55, 33 и 43% в 2007, 2008 и 2011 годах [Зубаревич, 2011].

Помимо откровенных рентных доходов несколько других категорий московских доходов также подпадают под характеристику рентных, хотя и опосредованно.

К этой категории относятся, например, внебюджетные фонды, связанные с использованием имущества, высокая стоимость которого обьясняется опять же статусом Москвы как федерального центра и центра распределения ресурсных доходов [Гайдар, 1998].

Общемировая и общечеловеческая тенденция состоит в том, что незаработанные рентные деньги обычно неэффективно расходуются и создают питательную среду для коррупции. Этот тезис получает блестящее подтверждение в экстравагантных статьях и размерах расходов бюджета Москвы нулевых годов, которые уже неоднократно становились предметом критики, но, к сожалению, не политических скандалов, как это возможно было в других странах.

В годы правления Юрия Лужкова в бюджете Москвы появилось множество одиозных статей. К ним относится, например, абсурдный бюджет на озеленение города, превосходящий совокупные бюджеты на эту статью большинства европейских городов[9], бюджеты на патриотическое воспитание молодежи, стро-

[9] По свидетельству дендролога, профессора МГУ, Валерии Горячевой, «на цветочное оформление Москва ежегодно тратит больше, чем вся Западная Европа» [Горячева, 2009].

ительство дирижаблей, поддержку приближенных к мэрии средств массовой информации, строительство домов Москвы в разных регионах мира, нереалистически высокий уровень финансирования мероприятий по отлову бродячих собак, регулирование московского климата (Водитель Петербурга, 2009) и многие другие расходы подобного рода.

К числу одиозных статей расходов относятся также «Программа повышения доверия населения к чиновникам», «обеспечение для молодежи равных стартовых возможностей», «защита молодежи от деструктивных влияний и негативных проявлений», «пропаганда энергосбережения». На одни только дотации прессе Москва расходует сумму, превышающую весь общий бюджет целых регионов страны. Например, в 2009 году только дотации Москвы на ТВ-центр составили более 4 миллиардов рублей. Малозаметные в публичном пространстве газеты, составляющие придворную московскую медиаимперию, получают финансовую поддержку в размере десятков миллионов рублей, часто превосходящую бюджеты крупнейших и наиболее авторитетных национальных изданий [Гурдин, 2009].

На фоне скудных бюджетов регионов экстравагантно выглядят и социальные выплаты, льготы и доплаты москвичам, которые составляют около трети всех расходных статей московского бюджета. Неэффективность использования средств заметна и в мизерной доле арендной платы в бюджете города: по оценке специалистов, утечка средств обьясняется тем, что аренда производится через посреднические организации. В других крупных мегаполисах эта категория доходов составляет от 20 до 40% городского бюджета.

Нет надобности говорить, что далеко не всеми этими «нетрудовыми доходами» пользуются рядовые москвичи. Кроме того, средняя заработная плата в столице превышает средний уровень по стране только в 2 раза при уровне потребительских цен (стоимость

фиксированного потребительского набора), превышающих среднероссийские примерно на 40%. В последние годы наметилась определенная тенденция к сокращению этого разрыва. Однако средний общий доход в столице, по некоторым оценкам, в нулевых годах превышал среднероссийский уровень в 3,5–2,5 раза [Мишура, 2011]. Этот более высокий уровень совокупных доходов москвичей приписывается ресурсной ренте. Михаил Дмитриев, президент Центра стратегических разработок (ЦСР), назвал московский рынок недвижимости «центром вторичного распределения сырьевой ренты». Согласно ЦСР, доля доходов от собственности в структуре доходов москвичей на пике сырьевого бума достигала 25% (против 10% в среднем по стране) [Пряников и др., 2010].

Помимо очевидных и уже упомянутых причин, вытекающих из сращивания государственных и деловых структур и императива близости к власти, являющихся общими для всех других коррумпированных стран [Reichert, 1993], некоторые эксперты связывают это положение вещей с несовершенством налогового законодательства. Например, Наталья Зубаревич пишет по этому поводу:

> *Москва — рантье, живущий на доходы крупного бизнеса, собираемые по всей стране. Компаниям выгодно показывать в регионах минимальную прибыль и собирать деньги в штаб-квартирах или офшорах, чтобы не платить налоги дважды при движении средств. Это одна причина концентрации, обусловленная особенностями российского законодательства (нерешенность проблемы налогообложения холдингов)* [Зубаревич, 2011].

Другой элемент налогового законодательства, который создает дополнительные преимущества для Москвы, состоит в том, что налоги на доходы физических лиц выплачиваются по месту работы, а не по месту жительства. В результате маятниковых миграций из Подмосковья и других областей эти регионы недополучают налоговые поступления, которые попадают в Москву.

11. МОСКВОФОБИЯ

Описанный уровень сврехконцентрации ресурсов и доходов в российской столице естественным образом порождает проблему неблагоприятного образа Москвы внутри Российской Федерации. В регионах и в провинции России Москва часто воспринимается как *паразитический город*, который обьедает всю страну (концепция паразитической столицы или приматного города осуждается в следующих работах: [Keyes, 2012; London, 1977; Hoselitz, 1955]). Москва справедливо считается городом, получившим наибольшие преимущества от грабительской приватизации. Во многих случаях российская столица описывается как Московия или государство в государстве, вынутое из системы национальных стандартов и связей.

Недавние опросы указывают на значительный рост антимосковских настроений в разных регионах страны. По данным ВЦИОМ 75% граждан России не любят москвичей. 82–85% респондентов считают, что «Москва живет за счет других регионов» [Newsland, 2009].

Опросы также показали, что москвичам часто приписывается целый набор порочных моральных качеств, в особенности снобизм, алчность и заносчивость. В связи с этим интересно отметить, что, согласно исследованию Института социологии, доля «столбовых москвичей», то есть москвичей, родившихся в Москве, в нулевые годы не превышала 50% от общего состава московского населения [Дробижева, 2006].

Примечательно, что москвоборчество и неприятие диктата центра оказалось более артикулированным в некоторых этнически русских регионах, а не в этнических автономиях. «Москвоборческие» настроения сильнее проявляются в портовых городах России, отчасти интегрированных в транснациональные экономики своих регионов (Калининград, Владивосток, Мурманск, Астрахань). Уровень враждебности по отношению к Москве, не обязательно зависит от близости региона к столице или от его богатства, часто

как раз наиболее бедными российскими областями являются те, которые непосредственно примыкают к Москве, вероятно, это свидетельство того, что лучшие кадры вымываются из близлежащих областей гравитационной силой московской экономики[10].

Паразитический характер Москвы, конечно, часто преувеличивается, что отчасти связано с предрассудками индустриальной системы хозяйства, в результате в разряд паразитических несправедливо попадают финансовые и непроизводственные сектора экономики, сконцентрированные в главном городе. Справедливости ради следует отметить, что среди источников дохода московского бюджета заметное место занимает промышленность. В отличие от Лондона и Парижа, откуда практически полностью выведено индустриальное производство, промышленность в Москве составляет приблизительно 15% ВРП города. В антимосковских настроениях также часто присутствует сильная мировоззренческая и политическая составляющая — крайний антилиберализм, антизападничество и иногда — ксенофобия. В этих представлениях власть Москвы мистифицируется в качестве западной космополитической власти, представляющей западный компрадорский капитализм.

Безусловно, паразитизм Москвы, также не связан с *личным* паразитизмом москвичей. Это структурно-позиционный паразитизм системы распределения: внутри паразитической системы главный город страны не может не быть паразитическим. Негативный образ главного города провоцируется гиперцентрализованной системой управления, демонстративным потреблением российских элит, — кощунственным на фоне скудной экономики большинства российских регионов, — колоссальными региональными диспропорциями в уровне богатства, привилегированным

[10] В Великобритании, к например, Лондон распространяет свои богатства прежде всего как раз на прилегающие к нему части страны, восток и юго-восток [The Economist, 2012: 5].

доступом жителей столицы к национальным ресурсам государства. Кроме того, высокие, часто монопольные, цены на внутренние перевозки создают ситуацию, в которой для многих граждан путешествие в столицу своей страны оказывается невозможным. Именно этими факторами, на взгляд автора, прежде всего определяется возникновение образа отчужденной паразитической столицы.

12. МОСКВА, ЛОНДОН, ПАРИЖ, ТОКИО: СРАВНЕНИЕ В ЦИФРАХ

Некоторые российские и зарубежные ученые и журналисты полагают, что уровень концентрации функций в Москве сопоставим со столицами нескольких европейских централизованных государств. Они также указывают на то, что в других крупных развивающихся странах высокие темпы экономического роста и инновационный потенциал центра часто сопряжены с высоким уровнем регионального неравенства. Применение закона Парето к урбанистической системе как будто тоже свидетельствует о том, что российская ситуация не слишком отклоняется от эмпирического закона, обнаруженного во множестве экономических и социальных систем (20% агентов рынка — людей, корпораций, экономических зон — контролируют 80% богатств).

Действительно в большинстве относительно крупных развитых стран столицы по-прежнему закреплены в старых густонаселенных исторических центрах (Лондон, Париж или Токио), в которых сосредоточено около 20% ВНП этих стран. Можно согласиться с тем, что некоторые экономические привилегии столиц, как мы видели в первой части работы, являются достаточно универсальным явлением, становясь предметом критики и широкого недовольства и в других странах [Vedder, 1996; Zimmerman, 2010].

Тем не менее, на взгляд автора, существует множество важных и релевантных различий между Москвой

и этими крупными центрами развитых стран Европы и Азии, не всегда принимаемые во внимание учеными и журналистами. Количественные выражения этих различий как раз и указывают на иное качество российской ситуации.

Для сравнения мы воспользуемся, *главным образом,* примерами трех наиболее централизованных стран и их трех столиц, — Лондона, Парижа и Токио. В некоторых случаях будут также приводиться данные других европейских столиц, релевантные в данном контексте. Я постараюсь показать, что рассматриваемые столицы, во-первых, не концентрируют в себе сопоставимые с Россией обьемы функций и привилегий и, во-вторых, не могут служить референтными городами для сопоставления с Москвой.

Итак, попробуем взглянуть на ситуацию с цифрами в руках и сопоставить Москву с этими столицами по нескольким ключевым показателям централизованности и способности справляться с проблемами концентрации. Хотя данный анализ не претендует на особую систематичность и носит несколько фрагментарный характер, он, на мой взгляд, указывает на ряд фундаментальных качественных различий в степени централизации и на уникальность российской ситуации.

По размеру и уровню концентрации населения

Париж и Лондон в сравнении с Москвой — сравнительно небольшие города, несмотря на кажущуюся многолюдность. Население собственно Парижа составляет всего 2,2 миллиона человек. Население Лондона — 7,5 миллиона человек. Население Берлина составляет всего 3,6 миллиона, а плотность населения — 3800 человек на квадратный километр. Плотность населения Лондона, Парижа и Берлина, а также пропорция населения столицы по отношению к общему населению страны совершенно несопоставимы с соответствующими российскими показателями, не говоря уже о соотношении площадей.

Население собственно Токио без агломерации 8,7 миллиона человек. Огромность токийской агломерации, которая представляет собой архипелаг или конурбацию из 33 городов, обязана своим происхождением не столько политической сверхцентрализации, сколько особенностям ландшафта японских островов и недостатком земли. Территория Японии зажата между морем и горами, а ее население почти совпадает с российским при неизмеримо меньшей площади.

Плотность населения Лондона — 4761 человек на квадратный километр (по этому показателю Лондон лидирует среди всех европейских городов и потому плотности остальных европейских столиц приводить не имеет смысла); плотность населения Москвы составляет около 12 тысяч человек на квадратный километр[11]. В крупных азиатских мегаполисах, таких как Джакарта, Тегеран, Манила и Бангалор, плотность населения составляет около 10 тысяч человек на квадратный километр, что гораздо ближе к показателю Москвы.

По демографическим тенденциям и миграциям

В противоположность практически всем европейским городам Москва продолжает находиться в фазе быстрого роста (не вполне учитываемого статистическими сводками), в то время как большинство европейских столиц уже давно развиваются в противоположном направлении в соответствии с теорией *дифференциальной урбанизации*, фиксирующей *асинхронное развитие городов*[12]. Действие законов диффе-

[11] Эти данные приводит Александр Коган, заместитель председателя комитета по бюджету и налогам ГД.

[12] Согласно этой теории, города сначала испытывают период экспоненциального роста, затем происходит поляризация (*polarization reversal*) и, наконец, контрурбанизация. Теория *дифференциальной урбанизации* излагается, например, в книгах Майкла Пациони [Pacioni, 2002: 239–245], а также Гейера и Контули [Geyer, Kontuly, 1996].

ренциальной урбанизации получает подтверждение в таких странах как Великобритания, США, Франция, Австрия, Южная Корея, Индия и во многих других государствах.

Например, население Лондона в 1939 году составляло 8,6 миллиона человек, в 1991 — только 6 миллионов, сегодня — 7,6 миллиона человек. Население Берлина в 1920-е годы составляло более 4 миллионов человек. Современное население Берлина — 3,5 миллиона. Население Вены в 1920 году — 1,85 миллиона человек. Население австрийской столицы в 2012 году — 1,72 миллиона. Даже если брать весь венский столичный округ, его население (2,4 миллиона) не намного превосходит показатель 1920 года для одной Вены [Nitsch, 2003: 151].

Данная ситуация свидетельствует о том, что эти западноевропейские государства не создают экономических стимулов для массовых миграций в столицы и проводят относительно сбалансированную региональную и урбанистическую политику.

По концентрации функций

Многие столицы Европы также политически диверсифицированы, что во многом связано с относительно небольшими размерами этих государств. В Германии можно говорить об оси Берлин—Бонн—Карлсруэ, между которыми распределены различные правительственные, судебные и законодательные функции. Сходная ситуация в Швейцарии: здесь есть ось Лозанна—Берн и действует множество действительно автономных региональных административных центров. Официальная столица Голландии — Амстердам, но все властные структуры располагаются в старой королевской столице Гааге.

Наконец, нельзя забывать, что в отличие от России большинство стран Европы являются частью единого экономического пространства и более крупного образования — Европейского союза, со столицей

в Брюсселе, куда делегированы некоторые столичные полномочия. Перенос конституционного суда в Санкт-Петербург — один из шагов в европейском направлении децентрализации государственных функций в России.

Многие другие функции в европейских столицах также диверсифицированы. Штаб-квартиры двух из пяти крупнейших банков Великобритании находятся в Эдинбурге. Глазго, другой крупный международный финансовый город, входит в 20 крупнейших финансовых центров Европы.

Лучшие и наиболее респектабельные учебные заведения Великобритании находятся не в Лондоне, а в Оксфорде и Кембридже. Интересно отметить, что согласно авторитетным рейтингам [Guardian, 2011; Complete University Guide, 2011], схожими по этому вопросу, только 5 из 30 (16%) лучших университетов Англии находятся в Лондоне. Близкая ситуация в Японии. В Токио расположены 2 из 10 (20%) и 7 из 30 (23%) наиболее престижных университетов страны (Sunday Mainichi, 2011). В сопоставимом рейтинге российских вузов, составленном агентством Интерфакс (2011), 9 из 20 лучших вузов оказались московскими образовательными учреждениями (45%). По концентрации наиболее респектабальных университетов относительно остальной страны Москва не отличается от Парижа, где расположены 9 из 20 лучших университетов Франции [QS World University Rankings, 2012].

Интересно отметить, в Нидерландах и Бельгии наиболее древние и респектабельные университеты до сих пор находятся в Лейдене и в Лувене, а не в Амстердаме и Брюсселе[13].

[13] Еще более расширяя референтную группу стран и городов не только географически, но и исторически, можно заметить, что во многих других странах *пояса городов* лучшие университеты находились на некотором отдалении от крупных экономических и политических центров — в Падуе, а не в Венеции; в Павии, а не в Милане.

Заметим в скобках, что данные российского рейтинга не вполне бесспорны и вряд ли отражают точку зрения работодателей. Нисколько не ставя под сомнение уровень и стандарты образования в Томском или Нижегородском университетах, в глазах работодателей дипломы МФТИ, МГИМО или академии им. Плеханова, не попавшим в верхнюю двадцадку, вряд ли уступают им в степени престижности.

Главные религиозные центры Англии, Франции и Японии также вынесены за пределы столиц — в Кентерберийское аббатство (центр англиканской церкви в Великобритании), в Реймс, в Исэ или Киото. В Кентербери находится кафедра архиепископа, которому принадлежит право короновать короля. В Киото находятся главные буддистские храмы. Исэ — главное синтоисткое святилище; здесь хранятся императорские регалии, в том числе Священное Зеркало.

Из европейских стран наиболее близкой к России по уровню централизации власти и ресурсов, безусловно, является Франция. По этой причине многие российские урбанологи пытаются примерить на Москву одежды Парижа и модели его развития.

Приведем взятые из статьи социолога Маттие Догана, некоторые количественные параметры доминантности Парижа, которые как будто подтверждают эту мысль. Из 500 самых крупных французских компаний 390 имеют штаб-квартиру в парижской агломерации (77%), главным образом, впрочем, в новом городе-спутнике Дефанс, расположенном в Западном Париже. Около 30% французского ВНП генерируется в столице. Из 280 национальных журналов и специализированных газет 245 выходят в Париже, где находятся их редакционные коллегии. Около 85% тех людей, которые упоминаются в справочнике «Who's Who in France», живут в Париже. Согласно французскому опросу 1990 года, 625 из 1077 художественных галерей находятся во французской столице. Более 85% всех книг, выходящих во Франции, редактируется париж-

скими издательствами. Парижские театры привлекают половину французской публики. Сена — очень небольшая река, но Париж — третий по величине порт Франции [Dogan, 2004: 351, 356].

Свидетельства, оставленные великими наблюдателями и летописцами французской столицы и восходящие еще к XIX веку, свидетельствуют о глубокой укорененности приматности и доминантности Парижа, смутно напоминая ситуацию с сегодняшним доминированием или гегемонией Москвы.

Теофиль Готье иронически писал по этому поводу: «Если погасить огни Парижа, вся Франция погрузится во тьму». Видный французский историк Ипполит Тэн остроумно заметил: «Провинции являются другой Францией под титулажем Парижа. Эту Францию Париж просвещает и цивилизует из своего далека путешествующими торговцами, мобильными гарнизонами и колониями гражданских чиновников». Ему вторит известный историк западной цивилизации Евген Вебер (Eugen Weber), риторически вопрошая: «Какая другая страна может считать себя колонией своей собственной столицы?» (все цитаты по: [Wagenaar, 2000: 14–15]). Эта ситуация возможно определила одну из важнейших тем и топосов всей французской литературы — симпатичный провинциал, приезжающий завоевывать Париж.

Однако важно отметить, что уровень централизации Франции является в Европе уникальным и очень давно подвергается справедливой и неустанной внутренней критике [Keating, 1983; Gravel, 1947]. Он считается тяжким наследием эпохи абсолютной монархии, прежде всего эпохи Людовика XIV и XV, усугубленным Французской Революцией и подъемом якобинского государства [Денжуа, 2003]. Однако этот уровень и характер централизации вряд ли все-таки сравним с российским.

Франция, конечно, не сопоставима с Россией по своим размерам, являясь достаточно компактным ев-

ропейским государством. Кроме того, во Франции множество важных международных, а не только национальных или даже европейских городских центров: Страссбург — одна из столиц Евросоюза; Лион — международная столица шелковой индустрии, французской кухни и Интерпола; Тулон, где расположена штаб-квартира Airbus, одной из крупнейших французских корпораций; международные порты, курорты и развлекательные центры — Марсель, Канны, Ницца, Биарриц. В сверхцентрализованной Франции население Парижа составляет всего 3,6% от общего населения государства. В Москве, которая является столицей несопоставимо более крупного федерального объединения, сосредоточено около 7% населения России.

Сверхконцентрация культурных объектов в Париже в известном смысле определяется ориентированностью этого города не только на внутренний рынок, но и на туризм, на внешних потребителей французской культурной продукции. Бренд Париж — важнейшая статья французского экспорта, и такая концентрация оправдана национальными экономическими преимуществами, которые через систему налогов просачиваются и в провинцию. То же самое относится, например, к лондонским театрам (120 из 1000 британских театров находятся в Лондоне). Низкий уровень туристической активности в Москве, которая больше ассоциируется с деловыми поездками, не позволяет говорить о сопоставимых преимуществах ни для путешествующих россиян, ни для российской национальной экономики.

По степени разделенности политических и экономических функций

Около половины крупнейших британских компаний имеют штаб-квартиру в лондонской агломерации (только 70% из них находятся в самой столице).

Хотя экономика Большого Токио составляет около 30% национального ВНП, эти цифры балансируются

конурбацией Кейсо, которая включает Кобе, Осаку и Киото (16% ВНП), а также Нагоей (12%), где сосредоточена большая часть японской автомобильной промышленности (подсчеты произведены на основе статей в Википедии).

Только 3 из 100 крупнейших немецких компаний (3%) имеют штаб-квартиры в Берлине (в то время как, например, 27 из них находятся в рурском регионе). При этом экономика Берлина составляет приблизительно 3–4% от ВНП Германии. Штаб-квартиры только 15 из «Fortune 500» (самых крупных американских компаний) располагаются в Вашингтоне. В экономической столице США, Нью-Йорке, находятся только 92 из 500 крупнейших корпораций США (менее 20%) и только 10 «Global-500» компаний.

По источникам городского бюджета

Размер столичных субвенций из национальных фондов как источник пополнения столичного бюджета составляет одно из немногих внешних сходств между Москвой и европейскими столицами. В расходной части бюджета Парижа субвенции составляют 10,3%. Субсидии Берлину из федерального бюджета составляют около 20% [Chocrane, Jonas, 1999]. Однако например, Лондон, сам субсидирует бюджеты регионов Великобритании [Kirkup, 2008; Gordon, 2006].

Главными источниками столичных доходов Лондона и Парижа является туризм, который составляет *более половины* общего бюджета города. Доля иностранных туристов в случае Лондона — 17 миллионов человек в год (2012); Парижа — 16 миллионов (2012); Берлина (вместе с Бранденбургом) — более 7 миллионов (2012) [Hall, 2002][14]. Даже в Токио, который не является очень популярным туристическим маршрутом из-за своего

[14] «World's top destinations for 2012 named», Mastercard Worldwide Index of Global Destination Cities; http://www.smh.com.au/executive-style. 12.06. 2012.

статуса самого дорогого города мира, доля иностранных туристов в 2008 году составила 5,3 миллиона человек (данные приводятся на 2008 год, так как после Фукусимы произошел заметный спад количества иностранных туристов). В случае Москвы эта цифра составляет около 4 миллионов человек, не менее половины из которых, впрочем, составляют гастарбайтеры и гости из *ближнего* зарубежья. Кроме того, китайцы, которые составляют второй по величине (после немцев) и наиболее быстро растущий сегмент собственно иностранных туристов, в значительной своей части, (точные данные по этому поводу естественно отсутствуют), приезжают в Москву не в качестве туристов, а для ведения бизнеса (только в 2011 году въездной поток китайских туристов в Россию увеличился на 48%). В общей цифре иностранных туристов, попадающих в Москву, также необходимо сделать поправку на цетрализованную транспортную систему и транзитных туристов, которые для достижения других точек страны, вынуждены лететь через в Москву.

Огромную долю туристов в обсуждаемых европейских столицах составляют сами граждане Великобритании, Франции и Германии, в то время как Москва ассоциируется по преимуществу с деловыми, а не с развлекательными турпотоками [Петрова, 2011]. В Лондоне обьем внутреннего туризма составляет 23–28 миллионов человек. В Париже — 18 миллионов французов. В Берлине — 11 миллионов немцев. В Токио — 183 миллиона японцев из других префектур (Industry, Employment in Tokyo, 2011: 5). Москва же для большинства российских туристов остается по финансовым причинам недоступным городом. За последние пять лет, в Москве в качестве туристов побывало менее 5% граждан страны[15]. Несколько выходя за очерченные нами географические рамки, стоит упомянуть в связи с этим, что общий годовой обьем

[15] *Рыжов В.* Эксперты назвали проблемы внутреннего туризма в России; сайт: www.KM.ru. 2011. 5 декабря.

туризма в Вашингтоне в 2001 году составил 20 миллонов человек, которые пополнили бюджет города на 4 миллиарда долларов [Corey, 2004: 69].

Непопулярность туризма в российской столице связана со многими факторами, важнейшие из которых, — высокие цены и неразвитая туристическая инфраструктура [Петрова, 2011]. Эта ситуация также усугубляется ресурсной экономикой, не позволяющей туристической индустрии и массовым потребителям туристических услуг конкурировать с ресурсными корпорациями за койко-места, слишком высоко поднимая планку цен на московскую сферу услуг. Кроме того, в своем рейтинге эксперты Всемирного экономического форума поставили Россию на 136-е место (из 139) по показателю дружелюбности населения к зарубежным гостям [Там же]. Изменение недальновидной, неумной и экономически вредоносной визовой политики, а также установка знаков и указателей на английском языке — меры, которые могли бы помочь Москве без лишних затрат и шумных брендинговых компаний несколько увеличить жидкий обьем туристов и тем самым помочь московскому малому и среднему бизнесу, а также самому московскому бюджету.

По морфологической структуре

В противоположность крупным европейским мегаполисам, большинство из которых крайне полицентричны и представляют собой развитые конурбации, Москва чрезвычайно внутренне централизована.

На 5% ее территории находится 60% всего бизнеса. По словам Марата Гельмана, центральный район Москвы соединяет в себе четыре разнородных центра — административный, деловой, исторический и элитный, которые в большинстве европейских столиц разделены. В результате в историческом центре Москвы самая дорогая земля, на которой строится самое дорогое жилье и самые дорогие офисы (Гельман, 2011).

Эта ситуация позволяет властям и некоторым бизнесам города извлекать сверхприбыли, становясь при этом крайне неудобной для работников, роста продуктивности, транспортной инфраструктуры.

Капитализм застал Москву врасплох: здесь не было возможности для тех моделей постепенного эволюционного развития города, его инфраструктуры и морфологии, которые бы отвечали его сегодняшним нуждам. Например, с точки зрения Вячеслава Глазычева инфраструктура Москвы отстает от инфраструктуры европейских государств примерно на 70 лет [Глазычев, 2007]. По некоторым оценкам, для того, чтобы ввести Москву в круг современных столиц, необходима столь масштабная, всеобъемлющая и дорогостоящая реконструкция, которая сделала бы рентабельным перенос столицы на новое место.

По транспортной системе

Вышеперечисленные особенности морфологии города и бизнес-стратегии властей усугубляют транспортные проблемы. В Москве практически не существует развязок, которые позволяли бы водителям добраться из одного конца города в другой, минуя центр. В Европе территории города, выделенные для транспорта, составляют примерно 25% их общей площади. В последних Генпланах европейских городов рекомендуемая норма составляет 30%. Даже в таких считающихся неблагополучными азиатских городах, как Сеул или Гонконг под транспортные нужды выделяется 10–12% территории. В Москве эта цифра составляет чуть больше 8% (см. табл. 5).

Сопоставим Лондон и Москву только по одному кардинально важному параметру инфраструктуры — средствам общественного транспорта. Лондонский метрополитен располагает 275 станциями и перевозит около миллиарда человек в год. Московский метрополитен располагает 170 станциями и перевозит 3,3 миллиарда человек в год [Bowring, 2005–2006].

В более широкой сравнительной перспективе ситуация выглядит следующим образом. На 1 миллион жителей в Москве приходится менее 17 станций метро. В Париже — 111, Мадриде — 99, Милане — 65, Праге — 44, Лондоне и Берлине — 50, Вене — 60, Амстердаме — 69 станций. При этом московского метро не хватает и по километражу — в столице РФ на 1 миллион человек приходится 28 километров путей подземки. В Вене — 41, Лондоне — 49, Амстердаме — 57, Париже — 97 километров [Толкователь, 2011]. Более подробно эти сравнительные данные обобщены в табл. 4.

Как мы уже отмечали в разделе о глобальных городах, среднее время необходимое жителю города для того, чтобы добраться до работы, является одним из важнейших показателей экономической эффективности мегаполиса. Те города, где это время превосходит один час, считаются фрагментированными, что делает их экономически неэффективными [Bertaud, 2004]. Но именно экономическая эффективность считается главной причиной и оправданием существования мегаполисов со всеми их неизбежными человеческими, эмоциональными и экологическими издержками. Согласно недавним оценкам, среднее время, необходимое москвичу для достижения своего места работы, составляет 65 минут [Архангельская, 2008; Масюкевич, 2009]. Эта цифра, впрочем, даже не принимает в расчет жителей Подмосковья, составляющих значительную долю московского рынка труда (уже не говоря о некоторых жителях примыкающих областей)[16].

Для сравнения можно привести показатели для других европейских столиц и мегаполисов.

В Лондоне, худшем из европейских городов по данному показателю, среднее время составляет 45 минут. Средний показатель по городам Европейского Сою-

[16] Описывая феномен нового отходничества и «вахтовый метод» освоения столицы, Симон Кордонский замечает, что Москва втягивает в себя активное население на расстоянии до 500 километров [Кордонский, 2009].

за — 38 минут. В пятерку *худших* городов США входят Нью-Йорк (34,2 минуты) и Вашингтон (33,4 минуты) [Perception, 2009: 68–69; Масюкевич, 2009]. Причем этот показатель за последние годы немного снизился. Одним из наиболее удобных европейских городов в отношении транспортной доступности рабочих мест является Барселона, где 60% населения города живет на расстоянии не более 600 метров от станции метро [Dogan, 2004].

По уровню доходов

По некоторым оценкам, в Москве общий доход среднего москвича (который включает в себя заработную плату, рентные доходы, некоторые льготы) в 3–4 раза выше, чем на периферии [Мишура, 2011].

В большинстве более или менее развитых стран доход в столице несколько выше, чем на периферии. Например, в Вашингтоне средний доход на душу населения на 30% выше, чем средний по стране. Такую же закономерность мы обнаруживаем в ряде других стран, таких как Австралия, Канада, Бразилия и Великобритании. Однако этот доход далеко не всегда бывает самым высоким в стране, и с учетом уровня квалификации, стоимости жизни и налогов реальная покупательная способность «столичной надбавки» значительно снижается. Например, средний доход в Лондоне на 40% выше, чем средний доход по стране. Но с учетом налогов, доходы лондонцев больше всего на 26%. С учетом же стоимости жизни в Лондоне, столичная надбавка снижается до 10–12%. При этом Лондон создает 18% всех налоговых поступлений в бюджет и тратит только 14% [London, 2010].

Более высокий уровень дохода в столице ни в коем случае не является универсальным правилом для развитых стран. По крайней мере в семи странах Европы средний доход в столице *ниже*, чем доходы в других, более экономически развитых регионах. Так годовой

доход немца в среднем составляет не менее 17 тысяч евро, но средний житель Берлина получает только 15 тысяч, а средний житель Гамбурга — 23 тысячи евро в год. Брюссель также имеет меньшие доходы, чем города на фламандском севере: если средний брюсселец довольствуется в среднем 16 тысячами евро ежегодного дохода, средний доход граждан Фландрии составляет 20 тысяч евро. В Финляндии жители Хельсинки получают немногим более 15 тысяч евро в год, отставая на три тысячи евро от жителей Аландских островов. Доход в столицах Италии и Испании уступает доходам северных регионов (Эмилия-Романье и стране басков). Та же ситуация в Амстердаме и Вене, отстающих по уровню доходов от жителей Утрехта и городов Нижней Австрии [Кто в Европе самый бедный, 2011].

Таким образом, разрыв между российской столицей и регионами по уровню доходов являетя экстраординарным. Если в случае европейских стран этот показатель не превышает 30% (без учета более высокой стоимости жизни), то в России он достигает 250%. Если мы примем во внимание стоимость жизни — в Москве прожиточный минимум в полтора раза выше среднероссийского [Зубаревич, 2011], — то и тогда этот разрыв будет составлять не менее 100%. Этот показатель является чрезвычайным не только в европейских или американских страндартах, но и в стандартах развивающихся стран, и приближается по своему количественному выражению к разрыву в уровне доходов между некоторыми колониями и метрополией и сопоставим с уровнем регионального неравенства некоторых африканских стран [Remington, 2011].

По характеру внутреннего имиджа и мягкой власти

И в Великобритании, и во Франции существует определенное недовольство по поводу слишком высокой роли столицы в национальной жизни страны.

После Второй мировой войны правительства этих государств предпринимали некоторые меры по децентрализации и выводу некоторых функций за пределы столиц. Как и во многих других странах, жители столиц этих государств не являются любимцами провинциальной публики. В столицах высока концентрация социального неравенства и не самых популярных персонажей (*bête noire*) — банкиров, богатых сегментов населения, иммигрантов, инородцев и прочих маргинальных элементов. Однако в современных Великобритании и Франции нет того ярко выраженного враждебного отношения к столице, которое мы описали в случае Москвы. Жители этих стран не чувствуют себя обездоленными и обьеденными своими столичными городами. Подобное отношение, впрочем, никак не связано с национальной психологией и подобный уровень враждебности не был чем-то экстраординарным, скажем, в XVII–XVIII веках. Так Даниэль Дефо жаловался, что Лондон «как пиявка жадно высасывает все жизненные соки из страны» [Robertson, 2001: 5]. Сейчас эти слова воспринимаются скорее как неожиданный исторический курьез.

В Европе отсутствует или, во всяком случае, значительно менее выражен синдром отношения к провинциальным городам как к *захолустью*. У провинций есть свой идиллический и романтический ореол, который чувствуется, например, во французском и английском обозначении небольших городков — France Profunde и Merry England. В Японии существует давняя тенденция сентиментализации маленьких городков и сельской местности и массовая *досовременная* традиция туризма в глубинку, глубоко связанная с концепцией национальной идентичности, поисками утраченных корней и выраженная в концепции *фуруcато* (буквально старая деревня) [Siegenthaler, 1999]. Русская глубинка конечно тоже влечет романтиков своей патриархальностью и уютом уединения, но хля-

би, бездорожье, комары, отсутствие дружественной инфраструктуры и убогий быт делают ее гораздо менее привлекательной. Поэтому здесь она чаще ассоциируется с глухоманью и захолустьем.

Лондону, Парижу и Москве присущ свой стиль, колорит, этос поведения и даже, возможно, своя *soft power*. Англичане называют этот этос лондонизмом (*Londonism*), а французы — парижанством (*Parisiénisme*)[17]. И, кажется, они лишены тех негативных моральных коннотаций, часто приписываемых московскому стилю, который иногда называется «московщиной» [Можегов, 2006].

По характеру и степени глобальности

После крушения СССР глобальный статус Москвы как *сверхстолицы*, столицы всего социалистического лагеря или всего второго мира, заметно снизился. С исчезновением социалистического содружества с его многочисленными военными и экономическими международными организациями, размещенными или расквартированными в Москве (СЭВ, Варшавский договор и др.), бывшая столица СССР утратила многие признаки глобального центра, если под глобальностью понимать не только экономический вес страны, ее панэкономическую и технологическую роль в процессах глобальных трансформаций, сколько ее положение входных ворот (*gateway*) в огромный ресурсодобывающий регион мира в дополнение к статусу мощной военной сверхдержавы [Brade, Rudolph, 2004].

[17] В XIX веке термин «parisiénisme» использовался исключительно в дескриптивном смысле, для описания манер, стиля, ментальных привычек и поведения парижан. Гораздо позднее он приобрел некоторые негативные коннотации, связанные с тенденцией некоторых групп жителей столицы рассматривать все проблемы через призму парижских проблем и с точки зрения Парижа.

В немалой степени остающийся относительно высоким глобальный статус Москвы (группа *бета* глобальных городов)[18] обусловлен низкой плотностью других городов в стране и отсутствием заметных конкурентов в огромном ресурсодобывающем регионе мира. В противоположность этому, Лондон, Париж и Токио являются не только воротами в Британию, Францию и Японию, но прежде всего крупнейшими финансовыми, экономическими и инновационными центрами.

Возьмем только два показателя, определяющих вес городов, — роль их финансовых центров и инновационный потенциал. В списке международных финансовых центров Москва занимает 65-е место из 77 городов (Z/Yen Group, 2012). Лондон, Токио и Париж занимают в рейтинге соответственно 1, 7 и 8-е места. В этих городах расположены десятки штаб-квартир крупнейших транснациональных корпораций. Три столицы также занимают 14, 20 и 2-е места в индексе 100 наиболее инновационных городов мира. Помимо столиц своих стран в этот индекс попали 15 немецких, 8 французских, 4 японских и 3 британских города [Innovation Cities, 2010]. Из российских городов в списке оказались только два города, включая Москву на скромном 97-м месте (см. табл. 12). В 2011 году Москва уже не попала в этот список.

Значительные размеры Лондона, Парижа и Токио, таким образом, по отношению к территории и урбанистической системе своих стран в большей мере определяются *их гораздо более значимой международной ролью и местом в глобальном разделении труда* по сравнению с Москвой. Ни один из этих городов не сопоставим с российской столицей по количеству международных экономических, культурных, научных и общественных организаций, которые в них ба-

[18] В рейтинге 2010 Global Cities Index, составленном консалтинговой компанией A.T. Kearney и журналом «Foreign Policy», Москва заняла 25-е место в списке лидеров мировой глобализации.

зируются. Место этих столиц в глобальной системе определяется *не столько за счет*, *сколько в пользу* других городов этих стран[19]. Поэтому с точки зрения национальных интересов концентрация функций в этих городах гораздо более оправдана.

Напротив, Москва стяжает свои преимущества внутри российской урбанистической иерархии во многом *за счет* остальных городов, привлекая к себе национальные ресурсы. Во всяком случае так выглядит ситуация в глазах большинства россиян. Однако такой курс развития является весьма контрпродуктивным в том числе для самой Москвы, поскольку внутреннее соревнование городов в рамках одной урбанистической системы не является игрой с нулевой суммой. Увеличение удельного веса городов страны в различных сферах экономики, культуры и политики дает дополнительные преимущества ее столице, международный вес которой возрастает за счет увеличения значимости городов страны и государства, которые она представляет на международной арене.

Москва вполне может спорить с рассматриваемыми столицами за мировое лидерство в качестве глобального города, но именно неразвитость России как страны, за счет которой становится возможным участие Москвы в этом соревновании, как раз и ставит ее в неравные условия.

Выводы из сравнительного анализа

Вывод из проведенного сравнительного анализа состоит в том, что перечисленные столицы вряд ли могут служить удачной референтной группой для сопоставления с Москвой. Россия отличается от этих стран

[19] Историк Лондона Инвуд замечает, что авторы доклада Королевской комиссии по распределению промышленного населения 1940 года не смогли привести никаких доказательств того, что индустрия Лондона растет за счет других регионов или городов страны [Inwood, 1998: 428]

не только приведенными параметрами, но и в другом, более фундаментальном аспекте. В отличие от Великобритании, Франции и Японии Россия не является унитарным государством со сравнительно небольшой площадью. Она является крупным *федеративным* государством. Интересно однако, что как показывают примеры даже в своем унитарном качестве эти страны более децентрализованы и по большинству показателей уступают по уровню своей приматности Москве. Например, Шотландия может даже печатать свою валюту.

Тем не менее вопреки логике и фактам, градостроительные планы развития Москвы во многом ориентированы как раз на столицы именно этих унитарных государств, весьма далеких от России по своим параметрам. Такие крупные московские архитектурные и градостроительные проекты как концепция Большой Москвы, идея создания в Москве международного финансового центра, идея Москва Сити, организация города вокруг реки во многом вдохновлялись именно урбанистическими инновациями тройки крупнейших мировых городов. Имитация их внешних атрибутов и морфологических инноваций может быть вполне плодотворной в архитекурно-проектировочной и транспортной перспективе — это действительно современные города со зрелой инфраструктурой, прошедшие различные фазы эволюции крупного мегаполиса. Однако в целом, они вряд ли могут служить удачной и уместной моделью российской столичности.

Даже если бы Россия была ограничена только европейской частью территории, уровень концентрации ресурсов в Москве с учетом площади и масштаба страны уже никак не сопоставимы с Великобританией, Францией и Японией. Во всех государствах с площадью свыше 3 миллионов квадратных километров, кроме России, столицы располагаются не в самом крупном городе вне зависимости от их конституции. Гораздо более аутентичной моделью для российской столицы могут служить федеративные столицы англо-

саксонских государств (Канады, Австралии, ЮАР, Новой Зеландии или Германии), площадь которых хотя бы как-то соотносима с российской.

Другим кардинальным отличием Москвы от европейских городов с высокой стоимостью жизни является колоссальный разрыв между ценами на недвижимость, товары и услуги и стоимостью рабочей силы. Характер и порядок перенаселенности европейских столиц совсем иной, они не сталкиваются даже с толикой тех проблем, которые имеют жители российской столицы.

Таким образом, Москва по большинству своих характеристик — развитию инфраструктуры, плотности населения, структуры занятости, типа и плотности застройки, экологическим показателям, качеству товаров и услуг, источников городского бюджета — отнюдь не европейский город, а город гораздо больше имеющий общего с азиатскими и африканскими столицами развивающихся стран. При европейском характере демографического воспроизводства населения в России идут однонаправленные миграции в главный город страны, которые поддерживают высочайшие темпы его роста, характерные для отсталых развивающихся стран Африки, Азии и Латинской Америки с совершенно другими индексами демографических показателей и динамикой роста населения.

Важнейшим из указанных различий является сама модель отношений между столичными и нестоличными городами. С одной стороны, внешние экономические причины и устройство транспортной сети заставляют россиян приезжать в Москву в качестве мигрантов или транзитных пассажиров. С другой, в силу финансовых обстоятельств они не могут приезжать в свою национальную столицу *в качестве туристов* и пользоваться *на равных публичными благами*, диспропорционально сконцентрированными в столице. Все это создает эффект отчуждения от своей национальной столицы и имеет важные импликации для

нарушения принципа, который экономисты называют финансовой неэквивалентностью[20]. В противоположность этому чрезвачайно высокий процент британцев, французов, немцев и японцев имеют возможность приезжать в свою столицу, участвовать в важнейших национальных торжествах и церемониях, посещать столичные культурные мероприятия и музеи.

Если крупные европейские столицы вряд ли могут служить правильной референтной группой для сравнения с Москвой из-за вышеперечисленных факторов, быть может нам удастся найти аналоги российской сверхцентрализации в других странах. Предположим, что российская топологическая структура как-то оправдана обстоятельствами, связанными со специфической фазой экономического развития страны, и пребыванием в другом историческом или экономическом времени.

13. СРАВНЕНИЕ СО СТРАНАМИ БРИК

Возможно, сравнение Москвы со столицами европейских стран не является вполне правомерным и Россия вписывается в *альтернативный тренд развития*, который требует принципиально иной политической архитектуры и урбанистической иерархии. Можно предположить, что специфические потребности индустриального роста и фазы экономической экспансии диктуют необходимость более высокой централизации функций для обеспечения более интенсивных темпов роста для всей страны.

Считается, что по ряду социально-экономических характеристик Россия близка к трем странам — Бразилии, Индии и Китаю, которые вместе составляют

[20] Публичные блага (*public goods*) — музеи, театры, выставки, международные и национальные праздники — через систему налогов финансируются в равной степени всеми жителями страны, в то время как главными бенефициарами этих благ являются жители столицы.

группу стран БРИК. Если такая группировка стран не лишена оснований и Россия действительно входит в число динамически развивающихся стран, попробуем сравнить Россию с точки зрения проблемы централизации со столицами трех других стран этой группы — Бразилией, Китаем и Индией.

Как мы уже отметили, экономика Москвы составляет 23% от ВНП России. В противоположность этому во всех странах БРИК (заметим в скобках, что их темпы роста заметно превосходят темпы роста российской экономики) политическая значимость столицы уравновешивается экономической мощью и капиталом других крупных мегаполисов. В Бразилии столица Бразилиа уступает как по населению, так и по экономической значимости таким крупным промышленным центрам как Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. В Китае политическая мощь Пекина уравновешивается гораздо более экономически сильными Шанхаем и Гонконгом, а также такими важными экономическими центрами, как Гуаньчжоу, Шэньчжэнь, Харбином и десятками других городов миллионников, большинство из которых являются международными центрами промышленного производства. В Индии такие экономические центры как Мумбай, Бангалор, Ченнай значительно превосходят по своей экономической значимости столицу Нью-Дели, а десятки других международных (а не национальных) экономических центров вполне сопоставимы с ней. В Китае — 170 городов миллионников, в Индии — 37, в Бразилии — 14, в России — 12.

Доля столичной экономики в отношении к ВНП в странах БРИК следующие: Пекин составляет всего 3,1% ВНП Китая, Бразилиа — 3,75% ВНП Бразилии. Даже если мы возьмем весь большой Дели с пригородами, который значительно превосходит столицу Нью-Дели, его доля в национальной экономике составит всего 4,9% от индийского ВНП. В то же время доля Шанхая в экономике Китая — 4,5%, доля Сан-Паулу и

Рио в Бразилии — соответственно 12,26 и 5,54%, доля Мумбая в экономике Индии — 5,5%. Таким образом, ни одна столичная экономика не составляет даже 10% национальной экономики стран БРИК и экономические функции распределены по стране гораздо более равномерно.

Важно отметить, что в Индии и Китае столицы не являются местом самых высоких доходов населения. Доходы на душу населения в Шанхае выше, чем в Пекине, в Гоа или Кандагаре — значительно выше, чем в Нью-Дели. В Бразилиа доходы несколько выше, чем в Сан-Пауло и Рио, но вполне сопоставимы с ними, особенно учитывая более высокую стоимость жизни (бразильская столица занимает 33 строчку в рейтинге самых дорогих городов). К тому же по ВНП на душу населения Бразилиа уступает некоторым небольшим городам, например, городу Каскалхо Рико (*Cascalho Rico*)[21].

14. РОСТ СТОЛИЦЫ НА ФОНЕ ОСТАЛЬНЫХ ГОРОДОВ

Учитывая рост столицы и идущие процессы дезурбанизации в российском национальном масштабе [Толкователь, 2012], целесообразно привести данные по росту нестоличных городов в тех европейских и азиатских странах, которые мы обсуждали в предыдущих параграфах. В противоположность ситуации демографического роста Москвы на фоне убыли и экономического падения в других крупных и средних городах России, в этих европейских и азиатских странах многие крупные и мелкие города растут гораздо быстрее столичных.

Так все 8 главных городов Англии показывают достаточно солидный прирост населения с 2000 года. Например, Манчестер за последние 10 лет вырос на

[21] «Brazil lists 5 cities as top GDP contributors»; www.xinhuanet.com. 20.12.2007.

19%. Темп роста населения в Ньюкасле — 5% [The Economist, 2012]. Во многом сходную ситуацию мы наблюдаем во Франции. С 1999 по 2012 год Марсель стабильно рос на 2% в год. По темпам роста Марсель, правда, несколько опережает Тулуза, один из самых быстрорастущих городов в Европе. Еще быстрее растет небольшой Монпельер. В Японии темпы роста Фукуоки — 4,4% (средний годовой прирост в Токио с 1999 года — 0,77%).

Китайская стратегия на сегодняшний день направлена главным образом на развитие внутренних районов страны, которые противопоставляются прибрежным городам, где растут цены, скученность и классовое неравенство. В Чэнду, столице провинции Сычуань, развивается наземный и воздушный транспорт, связывающий город с приморскими провинциями и другими странами. Именно здесь, в глубинке, концентрируется китайский хайтек, в том числе и такие отнюдь не заштатные фирмы, как Cisco и Dell. Чунцин становится городом нового типа, центром внутренних провинций Китая. В международные промышленные и экономические центры вышли такие города, как Тяньцзинь, Далянь, Циндао, Наньцзин, Сучжоу и многие другие. Достаточно сказать, что на четырнадцать из китайских городов второго плана (second tier cities) — из этого списка исключены помимо Пекина и Шанхая также Гуанчжоу и Шэньчжень — приходится 54% импорта из США (U.S. Commercial Service, 2011).

В Индии стремительно развиваются Бангалор (где базируются гиганты хайтек, такие как Infosys и Wipro), Ахмедабад (душевые доходы в этом городе в два раза больше, чем в остальной Индии) и Ченнай (где только в 2012 году было создано 100 тысяч рабочих мест). Ключевые индустрии Индии — производство промышленных товаров, программного обеспечения и развлечений — базируются в этих городах.

В большинстве развитых стран, и во многих развивающихся сегодня, особенно быстро идет рост именно

«городов второго уровня» (*second tier cities*), которые значительно опережают по своей динамике столичные и приматные города. Наиболее примечательными примерами таких динамично растущих городов, которые стали предметом особого внимания экономистов и политологов помимо уже перечисленных, являются Сиеттл в США, Кампинас в Бразилии, Оита в Японии и Куми в Корее [Markusen, 1999].

Это сравнение с Россией можно сделать более точным и широким, если мы обратимся к уже упомянутому нами закону Зипфа. Если для стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития (в это число входят помимо большинства европейских стран Турция, Япония, Корея, Чили, Мексика, Израиль, Австралия, США и Канада) и для 28 переходных экономик медианная величина соотношения между населением городов второго уровня (*second tier cities*) и величиной, которую предсказывает закон Зипфа, составляет 0,98 (что удовлетворяет этот закон), то в России эта величина составляет всего 0,54 [World Bank, 2005; Nieuwkoop, 2012]. То есть Россия отстает от средней страны из этой группы по уровню централизации и концентрации урбанистической сети за счет ее унифицированности почти в 2 раза. Несколько примеров таких стран — США, Франция, Китай и Польша — отражены на рис. 5a–d.

Закон Зипфа «соблюдается» даже в очень централизованных Японии и Франции. Урбанистическая иерархия этих стран, как показали в своем исследовании большого отрезка истории этих государств Джонотан Итон и Цви Экстейн, только весьма незначительно отклоняется от этого закона, а крупные и мелкие города в них росли и растут единым темпом [Eaton, Eckstein, 1994; Brakman, Garretsen, Marrewijk, 2001: 202]. Несколько не хватает крупных городов в Великобритании, которая ближе в этом плане к России (см. рис. 5e, f), однако такая ситуация отчасти оправдывается положением Лондона в качестве донора страны

и столицы мира или во всяком случае одного из трех важнейших глобальных городов.

Экономисты подчеркивают, что причины подобных вариаций чаще всего следует искать не в области экономической географии (транспортные расходы и экономика масштаба), а в области политической экономии, в наследии плановой экономики, а также в уровне политических свобод, измеряющихся индексом Гастила.

15. ВЫВОДЫ ИЗ РАСШИРЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Несмотря на все приведенные факты, было бы неверно и несправедливо считать уровень централизации России и характер диспропорций между городами совершенно уникальными в мировой практике. В строгом географическом смысле Москва не входит в число моноцефальных государств, то есть таких государств, где более 20% городского населения проживает в одном доминирующем городе (хотя Москва, взятая с ее *фактическим* населением вместе с Московской областью, приближается к этому показателю). Но подобная ситуация моноцефальности наблюдается в странах с совершенно другими тенденциями рождаемости, с другой плотностью населения, с *несопоставимой площадью государств*. Большинство из этих моноцефальных стран имеют унитарную, а не федеративную конституцию и находятся в Латинской Америке или Африке (Уругвай, Перу, Мексика, Колумбия, Венесуэла, Аргентина). 50% Уругвая живет в Монтевидео, треть аргентинского населения — в Буэнос-Айресе, 18% населения Мексики — в Мехико, 22% населения Перу — в Лиме, 12% населения Колумбии — в Боготе. Большинство из этих стран не так давно встало на путь индустриализации и миграции населения в центральный город, за счет притока населения главным образом из сельской местности, где условия жизни значительно хуже, чем в крупных мегаполисах.

Если мы учтем все эти релевантные показатели, то уровень централизации в России действительно кажется практически беспрецедентным в общемировом масштабе.

Понимание этой уникальности, выраженной в том числе и в сравнительных цифрах, — наряду с множеством гораздо более субъективных и культурно-исторических факторов — во многом делают понятным популярность, вездесущность и необходимость дебатов о переносе столицы в современной России.

II. *Российские дебаты о переносе столицы*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОН ОБСУЖДАЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ

ПРЕДЫСТОРИЯ

В политической истории России переносы столиц случались неоднократно. Российская столица перемещалась из Новгорода (862–882) в Киев, из Киева (882–1243) во Владимир (1243–1389), оттуда в Москву (1389–1712), затем в Санкт-Петербург и обратно в Москву[1]. Более щепетильные и стремящиеся к точности историки добавляют к этому списку Старую Ладогу, Ростов и Ярославль — краткосрочные, временные и во многом условные столицы.

Идея переносов столиц имеет также глубокие корни в русской интеллектуальной и политической истории. Историк Сергей Соловьев в гегельянском духе видел перемещения столиц России как формы самопознания страны, народа и ее территории[2]. Константин

[1] В числе кратковременных столиц также называют Ростов Великий, который был столицей с 1212 по 1216 год при Константине Ростовском.

[2] Соловьев всячески подчеркивает непроизвольность и естественность этих переносов, которые вписывались в различные циклы самопознания народа через свою территорию, а также отсутствие конкуренции между русскими столицами. Позволим себе более развернутую цитату: «С детства в школах мы узнаем из учебников..., что у нас переносятся столицы из одного места в другое... Откуда это явление, отчего мы не видим его... в государствах Западной Европы? Причина уясняется при первом взгляде на карту. Чрезвычайная обширность государственной области, особенно при малочисленности населения и отсутствии цивилизации, необходимо условливала это явление. Как человек, находящийся в очень обширном помещении, не может, оставаясь неподвижно в

Леонтьев писал о «непоседности», то есть большой мобильности, русских столиц, считая их способами отыскания нового вектора развития и созидания нового культурного типа. Георгий Федотов писал о метафизике трех русских столиц (Киева, Москвы и Петербурга), в каждой из которых он находил особый метафизический принцип [Федотов, 1926].

Богатую родословную и множество интерпретаций получила мифологема Москвы как Третьего Рима, которую приписывают старцу Филофею. Хотя в этой формуле изначально имелась ввиду вся Россия, а не Москва.

Иван Грозный перенес столицу в Александрову Слободу, которая служила ему временной опричной столицей. Однако у него были более амбициозные планы, и он начал строительство долговременной *отчужденной столицы* в Вологде, где успел возвести крепость с 10 башнями. Вологда, вероятно, казалась ему более удобным местом для контроля над Новгородом. Строительство новой опричной столицы, однако, так и не было завершено [Скрынников, 1981].

Наибольший резонанс и значение в русской истории имел перенос столицы из Москвы в Петербург, осуществленный Петром Великим. Возведение Санкт-Петербурга на периферии империи пространственно-символически вдвинуло Россию на арену европейской политики и вывело российский урбанизм на мировые орбиты. Этот опыт приобрел мировое значение и впоследствии стал примером для подражания, по крайней

каком-нибудь углу, ясно обозревать всего помещения... и потому необходимо сосредоточивает свое внимание на одном каком-нибудь круге предметов, особенно ему нужных... и потом переходит на другое место, обратившее на себя его внимание... так и правительство чрезвычайно обширной страны принуждено переносить свое местопребывание... по мере прилива и отлива народных сил в ту или другую сторону, по мере сосредоточения народных интересов, народного внимания здесь или там; следовательно, это перенесение правительственных местопребываний не может являться в истории чем-то произвольным» [Соловьев, 1984: 132].

мере, для некоторых других государств. Петербургский проект дал российской культуре и государственности новое измерение и новый импульс развития. Культура Петербурга стала символом дневной России, символом западничества и просвещения. Москва осталась символом ночной России, православия и славянофильства. Однако интерпретация и оценки этого проекта Петра остаются и сегодня далекими от однозначности. На строительство нового города было согнано огромное количество людей из близлежащих русских губерний, многие из которых погибли во время возведения столицы Российской империи. Старообрядцы считали новую столицу апокалиптическим городом, связанным со смертью и несущей проклятие стране. Вся амбивалентность этих оценок вмещается в емкую характеристику, данную Николаем Карамзиным, назвавшим перенос столицы в Санкт-Петербург «блестящей ошибкой» Петра[3].

Политический вектор российской политики, особенно со второй половины XVIII века, был устремлен на юг, к теплоте и нежности южных морей. В связи с этим рассматривались различные сценарии создания новой южной столицы (Киев, Новороссийск, Екатеринослав), которая должна была расположиться ближе к театрам боевых действий, но ни один из них так и не был осуществлен. Частые неудачи на южном направлении (походы Петра, который когда-то рассматривал Таганрог в качестве возможной новой столицы, Индийский поход Павла и Крымская война, а также другие турецкие кампании) сублимировали черноморский драйв в движении на восток и на за-

[3] «Утаим ли от себя еще одну *блестящую ошибку Петра Великого*? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осужденных породою на бесплодие и недостаток. Еще не имея ни Риги, ни Ревеля, он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действо сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах» [Карамзин, 1991: 26].

пад. Движение на запад ознаменовалось основанием Санкт-Петербурга, движение на восток — перенесением южно-черноморской топонимики на сибирские пространства [Ремнев, 2004]. Далекоидущие замыслы новой южной столицы в Константинополе также вынашивала Екатерина Великая. К идее южной столицы императрицу подталкивал в том числе и ее многолетний корреспондент Вольтер, предлагая на эту роль кандидатуру не только Константинополя, но и Азова. Но все эти планы в конце концов так и не получили реального воплощения[4].

Интересно отметить, что Дени Дидро, гостивший у Екатерины Великой, представил ей особую записку «О столице и о подлинном центре империи. Сочинение слепца, который взялся судить о красках», в которой предлагал ей перенести столицу назад в Москву, считая такой шаг самым первым и наиважнейшим на пути реформирования страны. Его аргумент состоял в том, что, во-первых, Петербург, чуждый традициям государства, слишком эклектичен и космополитичен и, во-вторых, расположен слишком далеко от центра страны («весьма нецелесообразно помещать сердце на кончике пальца»). Свет просвещения и цивилизации гораздо быстрее и эффективнее сможет осветить необъятную империю, если он окажется ближе к ее центру: «Собирается ли Ваше Величество осветить обширное помещение одним-единственным факелом? Где следует ей поместить этот факел, дабы все окружающее пространство было освещено наилучшим образом?»

[4] Екатерина Великая весьма серьезно относилась к идее создания Великой Греко-российской восточной державы, и Константинополь стал конечной точкой притязаний екатерининской политики. Возможности возрождения русского Константинополя Екатерина связывала со своим внуком Константином. Новый Константин должен был продолжить миссию двух других Константинов — первого и последнего византийского императоров. Этой екатерининской идее русского Константинополя симпатизировал и писатель Федор Достоевский. См.: *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя. Толки о мире // Собр. соч.: в 15 т. СПб., 1995. С. 359.

СТОЛИЧНЫЕ ДЕБАТЫ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ XIX ВЕКА

В XIX веке было высказано несколько примечательных теоретических идей, связанных с перемещением российской столицы на юг или на восток. Все они имели в виду осуществление различных стратегий развития страны и были призваны способствовать реализации этих планов. Это теории декабристов, славянофилов и византистов (или византийствующих славянофилов) и географов-государственников.

Федеративный Славянск декабристов

Федералистская стратегия политического преобразования имелась в виду некоторыми группами декабристов. Многие участники декабристского движения видели перенос столицы вглубь страны важным этапом в проведении политических реформ. Санкт-Петербург не годился для этой роли в силу своего имперского характера и своей перенасыщенности немцами и чуждыми с их точки зрения культурными влияниями.

В своем проекте конституции Никита Муравьев (1795–1843), лидер одной из франкций движения, выдвинул идею нового национального государства с федеральной формой правления сходной с Соединенными Штатами Америки [Дружинин, 1933]. В новую федерацию должны были войти 13 «держав» и 2 области. Члены федерации, впрочем, мыслились не как национальные, а как территориально-экономические образования, каждое со своей столицей и двухпалатным парламентом. В качестве федеральной столицы Нижний Новгород — его предполагалось переименовать в Славянск — представлялся своего рода противовесом москвоцентризму и ордынско-византийской модели власти, которая закрепилась в Москве[5]. В этом выборе учитывалась роль Нижнего Новгорода как торгового города, его восточное месторасположение,

[5] См.: *Пестель П.И.* Русская Правда // Восстание декабристов. Документы. Т. 8. М., 1958. С. 113–168.

а также его патриотическая и освободительная роль в русской истории.

Особенностью федерации Муравьева было то, что она не строилась по принципу национального самоопределения, но опиралась на концепцию «естественных хозяйственных комплексов», подобных тем, о которых сегодня говорят такие разные политики, как Жириновский и Прохоров. Так столицей Балтийской державы в его Конституции становился Великий Новгород, а не Рига; столицей Финляндии оказывался Петербург; Кавказ присоединяется к южным губерниям.

В чем-то сходные идеи высказывались в гораздо более тоталитарном проекте нового государства, сформулированном в пестелевской «Русской Правде», во всяком случае, в отношении движения столицы на восток. Столица также должна была уйти в Нижний Новгород, но уже переименованный во Владимир (сам же Владимир становился Клязьминым). Здесь вероятно учитывалось то, что Нижний Новгород когда-то был образован на основе разделения Владимирского княжества. Предполагалось также переименование Петербурга в Петроград, что было действительно осуществлено, но гораздо позднее и по другой причине.

Константинополь как столица России

Новая стратегия имперского строительства отстаивалась Николаем Данилевским (1822–1885), знаменитым историком-славянофилом. В ознаменование ожидавшейся им скорой победы в русско-турецкой войне и для обьединения всех разрозненных поствизантийских славян в единое целое он предлагал избрать новой столицей России Константинополь. Такой шаг позволит России, считал он, выполнить свою вселенскую культурную миссию — создать Всеславянскую Федерацию, куда должны влиться все близкие культурно и духовно русским народы. Этот союз, считал Данилевский, послужит спасением цивилизации от гибельного доминирования Европы.

Идее новой столицы в Константинополе симпатизировали также — весьма активно и даже творчески — писатель-дипломат Константин Леонтьев и поэт-дипломат Федор Тютчев.

Константин Леонтьев (1831–1891), впрочем, отводил Царьграду роль только культурной, а не административной столицы. При этом в его планах город должен был стать личной собственностью императора, а не провинцией Российской империи. Обьединение в единое славянское государство Леонтьев — в отличие от Данилевского — не считал нужным. Тем не менее он полагал, что самой России необходима тотальная византинизация, для которой считал необходимым переезд политической столицы в Киев. «Две России будут неразрывно сплочены в лице государя: Россия-империя с новой административной столицей в Киеве, и Россия — глава Великого Восточного Союза с новой культурной столицей на Босфоре».

При этом роль Царьграда состояла в обеспечении единства православия и в эманациях визинтийской духовности, которые он считал противоядием относительно западного рационализма, плотно обосновавшемся в Петербурге.

> *Цареградская Русь освежит Московскую, ибо Московская Русь вышла из Царьграда; она более петербургской культурна; она менее рациональна и менее утилитарна, то есть менее революционна; она переживет петербургскую* (Письма о восточных делах: 28–29).

Поэтому, считает Леонтьев, чем быстрее Петербург превратится в провинциальный город — своего рода балтийский Севастополь или балтийскую Одессу, — тем будет лучше для России. В настоящий момент северная столица служит лишь рассадником чуждой культуры и символом западного разложения и эмансипации. История русской государственности приближается к тысячелетнему рубежу, и смена столицы должна оживить ее — дать ей свежий энергетический импульс, новую почву, новый культурный центр и новый вектор развития.

Киев как город, который гораздо ближе к Константинополю, казался ему более подходящей альтернативой для столицы, так как соединял политику с религией. Империя, извлеченная из лона православия — главный грех Петра, перенесшего центр государства из церковной Москвы, — должна была вновь соединиться с религией. Как пишет историк Константин Исупов, «нигилизм философа по отношению к столице на Неве был чисто *пространственным*. Новая столица, по его убеждению, разрушила единственную историческую опору, на которой строилось будущее русского государства — единство Веры, Власти и Красоты» [Исупов, 2002: 46–47].

Имперские планы Тютчева, связанные с переездом столицы, были гораздо более амбициозны, так как Царьград вырастал в его глазах не просто в православную столицу славянских народов, как у Данилевского, и не в культурную столицу, как у Леонтьева, но в *столицу всей пан-континентальной России, вбирающей в себя также и всю Европу*.

Историческим фоном для раздумий Тютчева о новой столице были революции 1848 года. В его представлении Россия со столицей в Константинополе становилась единственным спасением Европы, охваченной пламенем революционного пожара. Подобно тому как западная церковь небескорыстно заставила Византию, окруженную турками, подписать Флорентийскую унию (1439), теперь Россия сможет предложить свою помощь Европе, окруженной сатанизмом революций, и обьединить весь христианский мир вокруг Константинополя и православия, но уже на своих условиях. В его размышлениях присутствует и другой исторический подтекст. В духе более поздних евразийцев, полагавших, что татарское иго спасло Россию и православие от западных ересей, Тютчев замечает в набросках к трактату «Россия и Запад», что турки «заняли православный Восток, чтобы упрятать его от западных народов».

Предпосылкой физического и духовного спасения Европы от внутренних варваров Тютчев считает переезд нового русского Рима, Санкт-Петербурга, понятого именно

как город Святого Петра, из своего *временного северного пристанища* назад на Босфор [Цымбурский, 1995].

Концепция столицы Тютчева выбивается из всех собственно национальных российских систем координат и становится по сути идеей реконституции всей европейской цивилизации. Ее, видимо, стоит воспринимать как чрезвычайно радикальную ревизию широко известных планов обьединения восточной и западной церквей, а также как гальванизацию идеи интеграции всего христианского мира под эгидой единого императора, планы, которые пестовали еще императоры Священной Римской империи [Nedrebø, 2012]. Главным вожделением для большинства из них был Рим, критическая точка для создания такой христианской империи.

Тютчев хорошо знает этих императоров и их планы, но рассматривает их не более как попытки *узурпации*. Главный спор за первородство ведется Тютчевым с Австро-Венгрией, главной наследницей и новой инкарнацией Священной Римской империи, в том числе и на ниве международной дипломатии, которой профессионально занимался русский поэт. При этом аннексия Австро-Венгрии будет означать, с его точки зрения, конец необоснованных самозванных притязаний Европы на Римское наследие.

Здесь Тютчев выступает в качестве нового гибеллина, предлагающего обьединить церковь на основе новой тысячелетней христианской империи, которой будет подчинена и понтификальная власть. Новый, уже православный папа, по мысли Тютчева, должен стать подданным русского царя. Матрица российско-византийской власти и новая география христианской Державы накладываются здесь на старый католический средневековый интеллектуальный субстрат. Таким образом, новая столица Тютчева подчинена решению сугубо *экстранациональных* историософских задач.

Москва как центр Земли: Аксаков

На фоне таких грандиозных планов просто мелким чудачеством казались призывы вернуть столицу в

Москву, которые высказывали славянофилы. Хотя одни славянофилы считали отделение Москвы, как души России, от имперского государственного центра весьма благоприятным и плодотворным (Хомяков), другие — настаивали на необходимости вернуть столицу в Москву[6]. Мысль о необходимости переноса столицы обратно в Москву высказывал неоднократно Константин Аксаков (1823–1886). Впервые он излагает ее в статье «Семисотлетие Москвы», опубликованной в «Московских ведомостях» в 1846 году. Такая мысль в то время считалась крамольной, и редактор получил за нее выговор. В 1856 году он пишет для государя особую записку «Значение столицы» на эту же тему, где еще более тонко аргументирует свою позицию [Аксаков, 2000]. Суть его прошения сводилась к тому, что если Петербург является окном в Европу, то Москва — окном в саму Россию (хотя он и не пользовался этими терминами). Москва лучше служит связью с Землей и земством и потому представляет русские общенациональные интересы; Петербург же послужил разрушению этой исконной связи с землей. В период наполеоновских войн отчужденная от народа власть только с помощью Земли смогла спастись от опасности и вновь должна соединиться с землей и народной душой в Москве. Восстановление Москвы в ее исконных правах будет означать соединение политического и земского начал, которые лежат в основе русской жизни.

> *Когда Москва осталась «средоточием народным» и перестала быть «столицей государства», когда высшим администратором стал Петербург, Россия получила внутреннюю язву, жестоко терзавшую страну и постепенно увеличивавшуюся. Дошло до тяжкого поражения Империи в Крымской войне* [Володихин, 2010].

Эту программу — возвращения столицы в Москву — разделял также и брат Константина Аксакова — Иван

[6] Интересное изложение и подробный анализ славянофильских дискуссий по поводу российских столиц, главным образом в связи с Петербургом и Москвой, содержится в статье Володихина [Володихин, 2010].

Аксаков, который считал миссию Санкт-Петербурга в русской истории, положительную на начальных этапах, окончательно исчерпанной. Петербург должен «оказать последнюю, но высшую услугу, собственным отрицанием самого себя, как правительственного средоточия русского государства». Он выражал уверенность, что Москва «как прежде была столицей русской земли, так и снова будет» [Аксаков, 1862].

Екатеринбург: между демографией и географией

Стратегию экономического развития регионов имел ввиду в своем предложении о миграции столицы русский географ и путешественник Петр Семенов-Тян-Шанский (1827–1914). Одной из мер по балансированию географического центра страны он считал подъем его демографического веса и экономического потенциала до уровня центра. Эти воззрения во многом опирались на концепции учителя Семенова-Тян-Шанского, Дмитрия Менделеева[7]. Наиболее радикальным способом решения этого вопроса он считал *перенос столицы империи в Екатеринбург*.

Впрочем, переезд с целью уравновешинивания демографических и территориальных ресурсов империи казался ему слишком дорогостоящим и сложным делом. Поэтому перемещение столицы он считал все-таки крайним решением. Альтернативой ему он полагал создание нескольких точек роста за Уралом, которые буквально называл «пунктами форсированного развития». Эти шаги, по мнению Семенова-Тян-Шанского, могли бы позволить преодолеть главный недостаток российской континентальной империи — растянутость территории и ее деление на развитый центр и сравнительно отсталую колонизируемую периферию [Семенов-Тян-Шанский, 1915: 23].

[7] Дмитрий Менделеев, уроженец Тобольска, также придерживался этой точки зрения: «Государство достигнет наивысшего расцвета, когда три его центра: демографический, экономический и географический сольются воедино». *Менделеев Д.* К познанию России. М., 2002.

Полярная столица Николая Федорова

В самом начале XX века концепции южной, центральной и восточной столицы дополняются концепцией новой *северной столицы* на Северном Ледовитом океане. Автором этой концепции был оригинальный русский философ Николай Федоров (1829–1903), изложивший ее в небольшой заметке «О полярной столице» (1902). В этой романтической идее нового города, который должен был расположиться на полуострове Рыбачий (Кольский) на границе с Атлантикой и Гольфстримом, можно выделить две главных темы и лейтмотива, метафизический и транспортный.

Метафизическая линия его аргументации основывается на идее *борьбы и противостояния слепым силам природы*, ключевой в философии Федорова. Сам холод новой столицы наделяется русским философом моральным смыслом и содержанием — этот холод будет носить воспитательное значение и служить задачам нравственного очищения. «Перенесение столицы за полярный круг, это движение от теплой страны к холодной, от легкого к трудному, не слепой прогресс, а выражение сознания, противодействующего чувственному влечению» [Федоров, 1997: 394]. Вообще, обьясняя смены российских столиц, Федоров обращается к соображениям своего рода моральной гигиены, мотивам преодоления и освобождения от скверны старых центров. В случае Москвы эта скверна состояла во «*внешнем благочестии*». В случае Санкт-Петербурга она состоит в «*петербургской моральной летаргии*».

Вторая — и более рациональная — линия обоснования необходимости переноса столицы на Ледовитый океан связана с дистанцированием России от зоны нестабильности на востоке и на юге и императивом превращения *Севера в зону сотрудничества и примирения Запада и Востока* на основе общей братской борьбы со злыми стихиями. Новая полярная столица должна оказаться в центре панконтинентальной железнодо-

рожной транспортной системы, которая станет альтернативой и новой инкарнацией Великого шелкового пути. Внутри России эта система свяжет два важнейших порта — на крайнем севере и крайнем востоке России — в транспортное полукольцо через северное ответвление транссибирской магистрали, которому Федоров придавал огромное значение. Во времена Федорова Северный морской путь еще не был судоходным, но он предвидел постепенное замыкание его дополнительным морским полукольцом [Задорожнюк, 2010: 89–90]. В глобальном же масштабе речь шла о визионерском плане железнодорожных магистралей и «кругоокеанской дороги», которые должны были связать все континенты с *северной столицей*, находящейся на переднем фланге борьбы — или даже тотальной войны — с холодом [Федоров, 1997: 384–385].

В такой необычной и мистифицированной форме Федоров здесь по сути дела предвосхищает концепцию Североцентрического мира XX столетия. Он предлагает механизм интеграции России с другими северными державами за счет «обхода с тыла» юга и востока, имманентно склонных к конфликту и войне. С точки зрения Федорова главные моменты русской истории как раз связаны с противостоянием агрессивно наступающим с юга и востока туркам, магометанам и кочевникам. Этот проект по сути *прямо противоположен несколько позднее возникшим евразийским идеям*, потому что как раз предполагает союз с англичанами, американцами, голландцами и другими европейцами (а возможно и с Японией, которую Федоров даже называет «Азиатской Британией»).

На данный момент западные народы склонны к предательским альянсам с востоком и югом против России, считает Федоров, но такова ситуация только на сегодняшний день. Судьбы мира и возможности умиротворения зависят от «примирения латино-германского и греко-славянского племен», которое он как раз и связывает с *основанием новой русской полярной*

столицы и общими усилиями по противостоянию холоду. Общение двух расколотых христианских миров было прервано захватом Константинополя турками и должно вскоре возобновиться на Севере, в новой полярной столице.

XX ВЕК: ОТ КИЕВА ДО МОСКВЫ

Следующий предложенный сценарий переноса был связан уже не с севером, а с югом. В период Первой мировой войны с идеей переноса столицы в Киев выступил российский национал-либерал Петр Струве (1870–1944). Эту идею, по некоторым свидетельствам, горячо поддерживал также Петр Столыпин (и якобы был близок к тому, чтобы начать предпринимать первые шаги к ее реализации накануне своего убийства). Петр Струве писал в этой связи:

> *Для создания великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Черного моря, то есть все европейские и азиатские страны, выходящие к Черному морю. Здесь для нашего неоспоримого хозяйственного и экономического господства есть настоящий базис: люди, каменный уголь и железо. На этом реальном базисе может быть создана экономически могучая великая Россия... В последнюю эпоху нашего дальневосточного расширения мы поддерживали экономическую жизнь юга отчасти нашими восточными предприятиями. Отношение должно быть совершенно иное. Наш юг должен излучать по всей России богатство и трудовую энергию. Из черноморского побережья мы должны экономически завоевать и наши собственные тихоокеанские владения... Экономические отношения России повелительно требуют передвинуть столицу к югу. Из южнорусских городов только Киев как по своим историческим, так и политическим соображениям может быть столицей Российского государства* [Струве, 1908: 67].

Как Струве, так и Столыпин видел в Киеве также надежную базу для интеграции вновь присоединенных западных губерний и самой Малороссии, а также для экономического освоения пространств юга России и Причерноморья, на которых был сосредоточен вектор российской геополитики в XIX веке. Идея Киева в качестве новой столицы высказывалась и до этого и не только Константином Леонтьевым. Иван Аксаков специально полемизировал в своей статье с автором одного из таких предложений [Аксаков, 1862][8].

В 1918 году Ленин и Троцкий принимают решение о переносе столицы обратно в Москву, чтобы отодвинуть ее от фронта боевых действий. Троцкий писал тогда в «Правде», что «Совету Народных Комиссаров невозможно больше оставаться и работать на расстоянии двухдневного перехода от расположения германских войск». Некоторые историки усматривают в этом жесте также страх мятежа и контрреволюции, естественной социальной почвой для которых мог стать Санкт-Петербург как место концентрации старых элит и эксплуататорских классов. Москва и бедное крестьянство центральной России казались большевикам более лояльной базой по сравнению с богатыми и независимыми Сибирью и югом России, что впоследствии подтвердилось в ходе гражданской войны [Жариков, 2012].

Конец петербургского периода русской истории и переезд столицы обратно в Москву послужил прологом советской сверхцентрализации. В 1920-е годы происходит взрывной рост Москвы на фоне демографического упадка Санкт-Петербурга, население которого уменьшилось почти в 3 раза.

Во время Второй мировой войны часть столичных функций были временно сосредоточены в Екатеринбурге и Куйбышеве, хотя правительство оставалось в Москве.

[8] *Аксаков И.* Заметки о хозяйственном положении России // Русский Вестник. 1862. Сентябрь.

В послесталинский период вопросы сверхконцентрации в Москве заботили Никиту Хрущева. В этой связи он рассматривал сразу несколько городов на предмет переноса туда части столичных функций и профильных министерств — Владимир, Екатеринбург, Новосибирск, Самара (Куйбышев) — с целью децентрализации государства, необходимость которой была ему очевидна. Однако этих планов он осуществить не успел.

МЫШЛЕНИЕ СТОЛИЦАМИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

В начале 1990-х годов начинается свежий виток дискуссий о новой столице, которые, впрочем, поначалу носили довольно маргинальный характер. Определенная перспектива возникновения нового столичного города сложилась в 1993 году в ходе конфликта Ельцина и Верховного Совета. Тогда лидеры Сибири — Леонид Полежаев и Аман Тулеев, губернаторы Омской и Кемеровской областей, — предложили Верховному Совету переехать в Новосибирск и сформировать новую административную столицу Сибирской Республики, которая постепенно должна была перерасти в общенациональную столицу [Цымбурский, 1995]. В 1994 году Владимир Липицкий, депутат Государственной Думы, предложил Новосибирск в качестве новой столицы и организовал конференцию по этому вопросу в городе-кандидате. В этом же году с идеей переноса столицы в Санкт-Петербург выступил директор Института политики Владимир Миронов [Миронов, 1994]. В конце 1990-х годов Борис Немцов также предложил сделать Санкт-Петербург новой столицей России. Но с появлением «питербургской команды» в Кремле дискуссия о Санкт-Петербурге, безусловно, не могла не приобрести нового смысла, обертонов и политических импликаций.

В начале 2000-х годов в связи со сменой политического руководства интерес к теме переноса столицы оживился. Ожидалось, что начало правления Путина может быть ознаменовано переносом столицы в другой город и по этому поводу даже высказывались некоторые предложения [Мичурин, 2001]. Наталья Бехтерева, директор Института мозга РАН, выступила с идеей переноса столицы в Петербург, который, по ее мнению, уже обладает необходимым корпусом зданий, административных площадей и инфраструктурой для принятия столичных функций. Она ссылалась на упадок северной столицы и выражала уверенность в том, что возвращение городу столичных полномочий сможет помочь ему восстановить свой колоссальный историко-культурный потенциал [Бехтерева, Бунимович, 2002]. За перенос столичных функций в Санкт-Петербург выступил также Зураб Церетели, глава Российской Академии Художеств.

В 2004 году Валерий Гальченко, депутат Государственной Думы от партии *Единая Россия*, внес на рассмотрение палаты проект Федерального закона «О столице РФ», в котором предлагал забрать у Москвы некоторые ее столичные функции и перераспределить их по региональным центрам. В 2005 году депутат Госдумы от ЛДПР Николай Курьянович выступил с идеей законопроекта о переносе столицы в Новосибирск. Возникали идеи, продиктованные текущей коньюктурой политических игр и административных противостояний. Так губернатор Евгений Россель предложил перенести столицу к себе в Екатеринбург, а губернатор московской области Громов в противостоянии Юрию Лужкову предложил перенести ее в Санкт-Петербург.

Возникают также довольно популярные интернет-сайты, где пропагандируются идеи о переносе столицы. Один из таких сайтов (vsevsibir.ru) отстаивал идею новой столицы в Сибири. Другой — идею переноса столицы из Москвы — от лица обеспокоенных проблемами города коренных москвичей[9].

[9] Коренные москвичи за перенос столицы. <http://perenosstolitsy.ucoz.ru/index/0-12>

В последние несколько лет, начиная с 2009 года, обозначился новый, более фундаментальный цикл в развитии этой дискуссии. Возникли более детальные и продуманные предложения по поводу переноса российской столицы [Крупнов, 2009; Бабаян, 2011; Хайтун, 2012; Масленников, 2012; Галкин, 2012; Делягин, 2012; Караганов, 2012; Жарков, 2012; Шмелев, Федоров, 2012; Замятина, 2012]. Возник интернет-альманах «Четвертый Рим», который курирует Петр Мирошник, ставший форумом для обсуждения различных сценариев смены столицы и урбанистических проблем России в целом.

Увеличилась также популярная поддержка этой идеи. Если, согласно опросам ВЦИОМ, в 1999 году идею поддерживало только 8% населения, то к 2010 году число ее сторонников выросло до 15% (см. табл. 2). В дебатах по этому вопросу приняли участие ученые, политики, бизнесмены, администраторы, военные, архитекторы, девелоперы, писатели, интеллектуалы и другие группы населения. Интересно отметить, что среди участников дискуссии и сторонников переноса были представители практически всех российских политических партий. Более активны в обсуждении этой идеи были представители оппозиционных партий — СПС, ЛДПР, НБП, «Справедливой России« и даже КПРФ (депутат Государственной Думы Александр Кравец). С подобными предложениями выступили несколько депутатов от правящей «Единой России» (Виктор Зубарев, Олег Морозов и др.). Было создано несколько популярных интернет-сайтов и блогов, где активно обсуждались сценарии и возможности переезда столицы.

В конце нулевых годов начал происходить слом некоторых стереотипов. Если с начала постсоветского периода предложения подобного рода воспринимались как экстравагантные и нереалистические, то к концу нулевых они практически входят в мейнстрим.

Драматическая смена сентиментов по этому вопросу может быть проиллюстрирована сравнением двух опросов — конца 1990-х годов и 2010 года: опроса российских знаменитостей и публичных интеллектуалов, проведенного газетой «Коммерсант» в 1999 году и инспирированная предложением Бориса Немцова о переносе столицы в Санкт-Петербург, и аналогичного опроса, проведенного журналом «Итоги» в 2010 году (Итоги, 2010; Коммерсант, 1999). Интересно, что некоторые фигуры, принимавшие участие в обоих опросах, — артисты, политики, писатели, — были теми же самыми.

В 1999 году большинство опрашиваемых находили идею переноса столицы необычной, эксцентричной или даже абсурдной и пытались приписать само возникновение этой темы молодому возрасту Бориса Немцова, предложение которого послужило формальным поводом для публичных дебатов. При этом многие чиновники восприняли саму тему крайне враждебно. Так, губернатор Санкт-Петербурга Матвиенко (в настоящее время спикер российской Думы) сочла ее «крайне вредной для обсуждения», а вице-мэр Москвы Владимир Ресин квалифицировал эту мысль как вздорную и даже «сумасшедшую» (Коммерсант, 1999). К 2010 году главным предметом дискуссии стал не вопрос о *легитимности*, *уместности* и *своевременности* обсуждения этой темы, а вопрос о возможных кандидатах на роль новой столицы и ее *месторасположении*. Противники миграции столицы составляли в этом опросе уже незначительное меньшинство.

Проблема смены столицы заняла постоянное место в политической повестке дня и стала предметом оживленной полемики. Она активно обсуждалась на валдайском форуме, красноярском экономическом форуме, в столыпинском и московском евразийском клубах, а также на центральных телевизионных каналах. Позиция по поводу переноса столицы стала одним из важных вопросов в период думских и пар-

ламентских выборов, важной частью предвыборных программ некоторых политических партий (например, «Другая Россия» и «Родина: здравый смысл»), а также электоральной полемики.

ШЕСТЬ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕНОСА

ПЛАН ОБСУЖДЕНИЯ

На последующих страницах мы по возможности кратко опишем несколько планов и стратегий в том виде, в котором они были артикулированы в текущих российских дебатах. В частности будут выделены шесть стратегий, которые обсуждаются российскими аналитиками и политическими деятелями. Все они както перекликаются с историческими стратегиями, которые мы обсудили в другой книге [Россман, 2013], и часто соотносятся с различными географическими направлениями в соответствии со своими политическими ориентациями. Хотя в конкретных выступлениях не всегда можно строго провести границу между этими различными позициями, и они могут выступать в гибридных формах, обычно их можно легко опознать по акцентам в программах и степени артикуляции различных проблем, сценариев и сюжетов. Хотя эти позиции не всегда присутствуют в чистом виде, их выделение имеет смысл хотя бы в аналитических целях.

Проекты переноса столицы на Восток часто имеют в своей основе три разных стратегии: экономического развития регионов, имперского строительства или нового позиционирования страны.

Имперские стратегии часто воплощаются в планах *внедренной* столицы — в них акцентируются *военно-стратегические* преимущества и недостатки кандидатов на эту роль. Во многих случаях они имеют в виду экспансию на Восток страны, но могут распространяться и на Запад и часто сопряжены с притязаниями на какие-то суверенные территории.

Цели преодоления региональных дисбалансов особенно подчеркиваются в экономически мотивированных проектах, которые акцентируют освоение главным образом восточных районов страны. Этот круг авторов отдает предпочтение Сибири (Красноярску или Новосибирску) и предлагает создание новой *авангардной* столицы (*forward-thrust capital*).

Та же самая проблематика акцентируется в более радикальной экономической стратегии нового *экономического позиционирования* страны. Идеалом этих авторов является *периферийная* столица на Дальнем Востоке, которая позволит интегрировать страну в этот регион мира с наивысшей динамикой роста и развития.

Помимо этих стратегий обсуждаются также стратегии федерализации, политической реконструкции и либерализации страны, которые часто имеют в виду перенос столицы России в сторону западной границы страны. В качестве кандидатов здесь предлагаются Новгород, Псков, Санкт-Петербург. Этот выбор также часто подразумевает расположение нового города между двумя важнейшими мегаполисами страны. Отсюда выбор альтернативных кандидатов на эту роль — Тверь, Вышний Волочек, Бологое.

Далее будет обсуждена концепция *линейной столицы*, которая, во-первых, деконструирует саму концепцию центра и, во-вторых, предлагает новые *технологические* решения столичной проблемы через создание новых транспортных и коммуникационных сетей.

Наконец, мы обсудим концепцию подмосковной *столицы-спутника*, которая мотивирована прежде всего *административно* и не предполагает глубокой национальной реконструкции. Эта концепция получила воплощение в том числе и в широко дискутируемых планах Медведева по расширению Москвы, которые уже начали осуществляться.

Наконец, в конце данного раздела мы разберем позиции критиков переноса столицы, которые обсужда-

ют эту тему как с технико-рациональных, так и с консервативно-охранительных и религиозных позиций.

1. ИМПЕРСКИЕ ПРОЕКТЫ НОВОЙ СТОЛИЦЫ

Особое место среди сторонников переноса заняли имперские проекты, многие из которых вдохновлялись идеями новой идеологии евразийства. В большинстве случаев кандидаты на роль новых имперских столиц находятся или на территории других суверенных государств и национальных автономий (Татарстан и Украина) или на территориях непосредственно к ним примыкающим (Казахстан) или демонстрирующим, по крайней мере, в глазах авторов этих проектов, серьезные сепаратистские тенденции (Дальний Восток и Сибирь).

Авторы этого круга в основном обращают внимание на военные аспекты проблемы и вопросы национальной безопасности, которые они связывают со сменой конфигурации российского пространства после коллапса Советского Союза. Это прежде всего сближение политического центра с западной границей России в результате потери прибалтийских союзных республик, а также оголенный и уязвимый юг Западной Сибири.

Такое понимание проблем страны определило главное географическое направление поисков этих имперских проектов — *движение столицы на Восток России*, в особенности на территорию Сибири. Главным мотивом этих проектов была идея о необходимости склеить российское пространство с помощью новой точки на пересечении азийских и европейских пространств страны. Именно на Востоке, считали евразийцы, живут народы более конгениальные и сопричастные русской культурно-политической стихии и судьбе. Столица на востоке позволит России лучше справляться с проблемами страны. Кроме того, такое перемещение центра тяжести государства послужит дружествен-

ным жестом в отношении братских азиатских народов, что позволит политически закрепить русскую евразийскую идентичность.

Не менее, а может и более важным с точки зрения многих сторонников восточной столицы, будет и символическое значение этого шага в отношении европейцев, которым будет указано на их скромное и незавидное место в русской политике и экономике, лишний раз подчеркнув независимость российской политики от европейских ценностей, стереотипов и представлений.

Идеи новой столицы на Востоке также часто сопрягаются с идеалами потенциальной экономической автаркии России. Но главным образом они подпитываются представлениями о военной угрозе, исходящей от войск НАТО, расширяющихся в Восточной Европе, и других угрозах национальной безопасности. Необходимость столичного маневра обосновывается ссылками на геополитические мотивы, которые, как кажется кругу этих авторов, дают более строгие ориентиры и императивы для российской внутренней политики. Проект строительства и реконструкции империи на руинах СССР, считают они, нуждается в серьезных коррективах, не последнюю роль среди которых должна сыграть новая имперская столица. Хотя доминирующим направлением имперского развития является восток страны, некоторые авторы предлагают различные координаты и сценарии имперской реконструкции на западе.

Казань

Примером такого евразийского имперского мышления являются работы философа и политолога Александра Дугина. Его идея необходимости нового имперского центра разъясняется в небольшой книге «Третья Столица» [Дугин, 2000]. В ней Дугин предлагает Казань, столицу Татарстана, на роль новой российской столи-

цы в духе стратегии *внедренной столицы*, которую мы обсудили в числе прочих имперских стратегий [Росман, 2013]. Перенос столицы в Татарстан, по мнению Дугина, должен закрепить славянско-тюркский этнический союз, подчеркнуть исторические связи православия и ислама, а также дистанцировать евразийскую политику от Европы и европейских ценностей. Дугин безосновательно приписывает планы переноса столицы в Казань Ивану Грозному. Более точно мотивация этого предложения передается в книге «Основы геополитики», где он говорит об опасности сближения Татарстана и Башкирии и тюркско-исламского сепаратизма. Для препятствия развития такого сепаратистского национального самосознания, он считает необходимым поощрять русскую миграцию в Татарстан [Дугин, 1997: 330].

Интересно, что кандидатуру Казани поддержал также вице-спикер Государственной Думы Олег Морозов, уроженец этого города. Не менее примечательно и то, что эта идея была немедленно и безоговорочно отвергнута политическими лидерами и активистами Татарстана.

Аркаим

Коллеги Дугина из движения *Молодая Евразия* предложили сделать новой политической столицей город Аркаим. Этот древний и загадочный мегалитический город на Южном Урале, недалеко от Челябинска, раскопанный археологами в 1980-е годы, должен подчеркнуть принадлежность России к числу древнейших человеческих культур и цивилизаций[10]. Павел Зарифуллин, лидер евразийского союза молодежи (ЕСМ), назвал Аркаим с его улицами в виде сакральных рунических кругов «сакральным и энергетическим центром мира» (Эксперт, 2006).

[10] Аркаим, который привлек к себе огромное внимание российских мидиа, описывался как древнейший центр арийской цивилизации, а также как город Мандалы и Свастики.

Его коллега по движению, художник и архитектор Алексей Гинтовт, предложил превратить этот город в полностью деревянный, с небоскребами на окраине, Кремлем в центре и русскими теремами. «Именно такой была архитектурная концепция Москвы, одобренная Иосифом Сталиным, но так и не реализованная полностью в середине XX века», считает Гинтовт (Идея, 2006).

В случае переноса столицы в Аркаим, поясняет свою мысль и ее импликации Зарифуллин, Казахстан должен будет стать частью России. Причина такой необходимости состоит в том, предупредил глава ЕСМ, что новая российская столица окажется в слишком опасной близости от границ Казахстана. Но и это тоже, согласно Зарифуллину, только дополнительный «геополитический плюс».

Южная Сибирь

Идеи по поводу размещения столицы в Южной Сибири иногда увязываются с ростом сепаратистских настроений в сибирском регионе и опасностью геополитического раскола страны[11]. По словам корреспондента «Русского Репортера», в Сибири «подрастает второе поколение граждан России, которые в столице своего государства никогда не были... Съездить в Китай им дешевле, чем добраться до Москвы» [Антипин, 2011]. В то же время очень немногие москвичи бывают в Сибири. Только 11% москвичей хоть раз в жизни были за Уралом и не более 20% — на Волге. Таким образом, физическая и человеческая связанность территории, ее «усвоенность», уступает политическому конструированию и национальному воображению в деле обеспечения единства страны. Некоторым российским геополитикам кажется, что перенос столицы в Сибирь сможет географически обеспечить полити-

[11] Имеется в виду, например, Сибирский Державный Союз Александра Будникова.

ческое единство территории. Именно в этом контексте следует воспринимать развернутую теорию перемещения столицы на основе геополитического анализа, предлагавшуюся философом Вадимом Цымбурским.

После падения Советского Союза, считает Цымбурский, страна оказалась окруженной странами-лимитрофами и этническими группами, превращающими российское пространство в настоящий Остров, отрезанный от мировых процессов. Лимитрофы описываются им при этом как геополитически нестабильные пространства между цивилизационными платформами (под ними подразумеваются главным образом бывшие союзные республики). Это новое — по сути островное — географическое положение страны требует радикального пересмотра геополитических вех и стратегии России, в которой новой столице отводится центральное место. Положения этой новой доктрины излагаются Цымбурским в статье о *Зауральском Петербурге: альтернативе для русской цивилизации*. [Цымбурский, 1995].

Любая здравая геополитическая стратегия России, считает Цымбурский, должна исходить из понимания *трехсоставной сущности русского пространства* и необходимости их интеграции в единое целое. Среди этих трех специфических географических зон им выделяются Евро-Россия (Европейская часть России), Урало-Сибирский регион и Дальний Восток.

В Евро-России пространство естественным образом организовано по оси север—юг, а в двух других зонах — по оси восток—запад. В этой ситуации Сибирь служит *естественным связующим звеном* между двумя частями страны. Критическая важность и ключевой характер этой территории определяются не просто наличием природных ресурсов, но главным образом положением этого региона, скрепляющим и обеспечивающим единство страны. Однако несмотря на эту естественно-геополитическую роль в сегодняшних стратегиях Сибирь подчинена исключительно

экономическим императивам российской политики, которая упускает из виду ее колоссальный интеграционный потенциал. Такая ситуация характерна не только для сегодняшнего дня, но и для исторических форм освоения Сибири. Вопреки чисто экономическим стереотипам восприятия, эта территория имеет ключевое значение для российской геополитики — соединяет европейскую Россию с Дальним Востоком, дает ей выход к океанам и к транспортным и коммуникационным артериям страны через Транссиб.

Критическую важность в новых условиях, считает Цымбурский, приобретает Южная Сибирь [Цымбурский, 1995]. Ее значимость вытекает, прежде всего, из уязвимости волжского региона, который расположен в опасной близости к потенциально нестабильным этническим регионам — тюркским автономиям и Средней Азии. Южная Сибирь дает России альтернативный выход в Азию в обход Урала. Именно поэтому этот регион должен быть усилен и укреплен за счет переноса туда российской столицы.

С другой стороны, Москва, по мнению Цымбурского, давно потеряла свой статус национальной столицы в глазах большинства россиян. Она является только выходом в Евразию для транснационального финансового капитала и международных корпораций. Замкнутая пределами Садового кольца, московская элита потеряла связь с народом и почвой страны.

> *России нужен центр или группа центров, представляющих нашу цивилизацию, наш мир. Москва — больше не душа России. Если в ней и живет эта душа, то замутненная и помраченная* [Там же].

Поэтому стране необходимо поворачиваться не к Европе, а к нереализованным возможностям, которые открываются на Востоке. Именно такая возможность смены ориентации открывается через смену столицы [Там же].

Во всех относительно недавних проектах переноса, считает Цымбурский, в центре внимания была *идея интеграции отдаленных и разрозненных районов*

стран, которые его осуществляли, — Северного Казахстана, лесов и сельв Бразилии, социалистической ГДР, Малой Азии в случаях Казахстана, Германии и Турции соответственно. В противоположность этому, российские элиты подводят под эти проекты фундамент из своих специальных интересов — личных или региональных, имеющих в виду перераспределение естественных ресурсов в пользу своего региона. Однако перенос необходимо сделать рычагом стратегии нового правительства, которое должно начать политику контрреформ, которые бы скомпенсировали тот ущерб, который принесли стране рыночные преобразования и либерализация. Перенос столицы может стать результатом обьединенных региональных элит против диктата Москвы [Цымбурский, 1995; 2007] и против либерального проекта в целом.

Другим имперским сторонником плана переноса столицы в Сибирь был политолог Александр Панарин (1940–2003), теоретик, близкий по своим антизападным взглядам к Дугину и неоевразийству. Как и Цымбурский, Панарин был озабочен возможностью разьятия России по цивилизационным швам. Среди прочих вдохновений его концепция новой столицы была навеяна и пророчествами Шпенглера об особой *новой русско-сибирской цивилизации*. В Сибири, считал Панарин, сосредоточены носители особой трудовой этики, близкой, судя по его описаниям, к протестантской и основанной на моральных представлениях старообрядцев. В число добродетелей, характерных для сибирского месторазвития и полезных в деле трансформации незавидных путей России, входят аскетизм, трудолюбие, особая дисциплина, которые необходимы для масштабных экономических преобразований [Панарин, 1998: 177–178].

Различные варианты имперских стратегий, продиктованные имперскими военно-стратегическими соображениями, мы видим также в политических программах и стратегиях переноса столицы Эдуарда Лимонова и Владимира Жириновского, также отдающих пред-

почтение Южным Сибири и Уралу, особенно тем его районам, которые тесно примыкают к территории Казахстана. Их видения новых властных центров могут рассматриваться как варианты *внедренных столиц*.

Лимонов считает, что новая столица должна расположиться в Южной Сибири, в районе Омска. Необходимость смены столицы, считает он, диктуется расширением НАТО на Западе и угрозой Китая на юго-востоке. Новая столица должна стать центром новой мобилизации творческих ресурсов и собирания русской нации, а также утверждения ее неевропейской или даже анти-европейской идентичности [Лимонов, 2008]. Идея новой столицы в Южной Сибири видимо находится в тесной связи с его прошлыми ирредентистскими планами превращения Алтая в плацдарм для завоевания северного Казахстана с его последующим присоединением к России.

Примерно этот же регион кажется Владимиру Жириновскому наиболее многообещающим и идеально подходящим для основания новой столицы. Он поддержал кандидатуру Оренбурга, противопоставив этот город разжиревшей Москве (Аргументы, 2010). Учитывая корни Жириновского, который родился и вырос в Казахстане, и его политическую позицию, этот выбор места для новой столицы явно находится в русле его идей реинтеграции северного Казахстана в российское пространство. Интересно отметить, что именно Оренбург в 1920-е годы был столицей Казахстана. Северную часть этой страны Жириновский считает «просто южно-сибирскими степями», лишенной всякой казахской идентичности (тезис, из-за которого он в 2005 году был обьявлен казахским правительством персоной нон грата).

Дальний Восток

Идея новой столицы Владимира Юровицкого несколько отличается от прочих евразийских проектов географически, но она также носит вполне имперский,

милитаристический и ксенофобский характер. С евразийцами его сближает крайне враждебное отношение к Европе и Западу в целом. Отрезанная от морей, Черного и Балтийского, в результате распада СССР, Россия нуждается в новой морской столице. Она должна быть построена на Тихом Океане, чтобы воздвигнуть барьер против возможной военной угрозы со стороны КНР и этнической экспансии китайцев. Воздвижение нового города на Охотском море, считает он, будет воспроизведением стратегии Петра Великого в новых условиях. Такая акция позволит маргинализировать Европу, одновременно наказав и подвергнув остракизму страны Прибалтики, которые угнетают этнических русских и экспортируют в Европу российские природные ресурсы [Юровицкий, 2005; 2008].

Приведем развернутую цитату из Юровицкого, иллюстрирующую его интерес к военному удержанию территорий и подчеркивающую предполагаемую роль новой столицы в деле разрешения потенциальных международных конфликтов:

> *Дальний Восток есть наиболее тревожное место, в котором и необходим постоянный присмотр. Без такого присмотра в течение кратчайшего срока он будет колонизирован китайцами и может наступить такой момент, когда большая часть жителей Дальнего Востока даже и знать не будет русский язык, а тогда проведение референдума по вопросу об отделении его от России и присоединении к Китаю станет делом техники. Не исключен и более горячий вариант по типу чеченского, путем вооруженного мятежа. И если армия не смогла усмирить Чечню, то усмирить весь дальний Восток будет вообще невозможно. Предотвратить китайскую колонизацию Дальнего Востока, японскую — Курил и Сахалина возможно только переносом столицы России на Дальний Восток... Одновременно отпадет и разговор о возможности уступок Японии Курильских островов. Ведь эти острова становятся, фактически, рекреационной зоной правящей элиты страны и очевидно, что отдавать их просто никак нельзя* [Юровицкий, 2008].

Пикантной деталью здесь является то, что новую столицу Юровицкий остроумно предлагает назвать Владимироградом, «чтобы отдать дань всем тем Владимирам, которые внесли свой вклад в величие России» [Юровицкий, 2005: 67], видимо рассчитывая на благосклонность современного российского политического руководства.

К этим же идеям тесно примыкает романтическая идея столицы на Курильских островах, сформулированная группой «Нация Свободы» [Вельтман, 2012]. В этом предложении также нагнетается милитаристкая героика и подчеркивается важность широкого геополитического жеста: «Новую столицу защитят не пространства ровной земли (что такое несколько тысяч километров для межконтинентальной ракеты?), а мощная ПРО, обновленный и усиленный Тихоокеанский флот, батальоны морской пехоты, авиаполки и вертолетные эскадрильи корабельного базирования. И миллионы граждан новой России, которые почувствуют себя не обитателями захолустья, но соучастниками великой национальной экспансии — Натиска на Восток» [Там же].

Киев

Идея переноса столицы России в Киев предполагает смену всего формата империи и переориентацию его на запад и на славянское единство. Примером такой позиции может служить развернутая статья политолога Андрея Окары, который озабочен перспективами новой интеграции России и Украины [Окара, 2000]. Проект национального государства кажется Окаре слишком мелким и никудышним в условиях глобального мира, где национальные государства больше не могут играть никакой роли. Поэтому ему кажется крайне важным вернуться к мессианской идентичности и имперской перспективе для украинцев и русских. Но на этот раз проект новой империи должен

осуществляться без излишней русификации и централизации, которые были характерны для прежних совместных русско-украинских имперских проектов, петербургского и советского. Киев должен стать новой столицей империи как «срединная земля» восточных евразийских территорий, а также по праву первородства как город с акцентом на жреческом аспекте общей идентичности. В посылах своих публицистических статей Окара явно имеет в виду важную роль Киева как Нового Иерусалима[12].

> *В царствования Александра I, Александра II и Николая II существовали достаточно серьезные планы переноса столицы Российской империи в Киев, которым не суждено было сбыться. Не исключено, подобный шаг мог бы кардинальным образом повлиять на всю отечественную историю. Похожим образом судьбу СССР мог изменить перенос из Москвы в Киев патриаршего престола — удачной в символическом отношении датой могло бы стать празднование 1000-летие христианства на Руси. Однако и этот шанс был упущен: СССР просуществовал после юбилея немногим более трех лет* [Окара, 2000].

Кандидатура Киева в качестве столицы России предлагалась также несколькими другими политиками и учеными, в основном российскими (например, такую позицию когда-то высказывал директор института проблем глобализации Михаил Делягин, который с тех пор сменил свои предпочтения). В 2010 году Евге-

[12] Сторонники «киево-иерусалимской идеи» противопоставляют Москву как Третий Рим Киеву как Новому Иерусалиму. В мифологии Киева Днепр предстает новым Иорданом, а собор Святой Софии — новым иерусалимским храмом. Подобно тому, как Богородица предоставила свою утробу для Боговоплощения, Киев становится обителью Бога Живого. Киевские книжники мыслили Киев не только «иконой» исторического Иерусалима, но и образом таинственного «Нового Иерусалима», который возникнет в конце времен. Идеалом Руси здесь предстает не идеал последней империи, а идеал святости.

ний Федоров, депутат Госдумы от «Единой России» и глава комитета по экономической политике и предпринимательству, выступил с неожиданной инициативой об обьединении трех славянских республик на основе общей столицы в Киеве, даже разослав депутутам украинского парламента соответствующее письмо. Предложение нашло поддержку немногих членов Рады, хотя соответствующие идеи высказывались и на Украине.

Альтернативный план, предполагающий отказ от старой столицы в пользу столицы в Украине, озвучил московский краевед и историк Москвы Рустам Рахматуллин. Его кандидатом на эту роль стал Севастополь. Только в контексте восстановления союза всех славян, считает он, можно говорить о переносе столицы из святой Москвы. Союз с Украиной играл бы центральную роль в этом славянском союзе. Севастополь, бывший русский город, оказавшийся на территории Украины, в названии которого Рахматуллин прочитывает религиозную анаграмму (*всесвят*), мог бы спаять славянское единство [Рахматуллин, 2011].

Интересно отметить, что практически все имперские проекты основываются на представлениях о кольце врагов, окружающих Россию, и мотивированы прежде всего военно-стратегическими соображениями. Европа и Запад в целом, как правило, мыслятся авторами этих проектов как чуждые и враждебные России цивилизации. Главная задача этих проектов — предотвратить дальнейшую дезинтеграцию империи или предложить новые основания и координаты для расширения имперского строительства. Если идеология евразийства служит идейной скрепой для обьединения пространства, предоставляя доказательства его культурного, языкового и ментального единства, то новая столица должна стать его *физической и политической скрепой*.

Выбор города в восточной части страны среди прочего подается как не слишком дружественный геогра-

фический жест в отношении стран Европы и как утверждение неевропейской культурной идентичности России. Переезд столицы на новое место описывается как своего рода рассерженный хлопок московской дверью, уходящей из Европы России. В противоположность этому, члены следующей группы, которую мы обсудим, в гораздо большей степени озабочены проблематикой экономического развития территорий и освоения огромных российских просторов.

2. ТОЧКИ РОСТА НА ВОСТОКЕ

В отличие от первой группы авторов, которые видят в переезде столицы в Южную Сибирь инструмент укрепления или изменения формата империи, сторонники концепций точек роста более сосредоточены на вопросах экономического развития территорий. Также в противоположность авторам из предыдущей группы, которые акцентировали элементы ксенофобии и синофобии, для сторонников точек роста более характерно подчеркнутое уважение к странам АТС и АСЕАН. Главным образом они озабочены экономическими вопросами и региональными дисбалансами, часто справедливо усматривая в них опасность политических расколов, видя в переносе столицы в Сибирь одну из форм преодоления дисбаланса в нынешней территориальной структуре хозяйства и расселения страны.

На данном этапе главной заботой государства, с их точки зрения, должно стать развитие территорий и населения регионов России за Уралом, особенно в Сибири, которая, будучи кормилицей России и местом сосредоточения природных ресурсов страны, много лет находится в небрежении. Их особое беспокойство вызывает депопуляция региона-донора, особенно масштабные постсоветские миграции населения из Сибири в центральную Россию. В русле этих тенденций они часто говорят о формировании новой сибирской идентичности, которая связана среди прочего со своего рода

дезинтеграцией, вызванной отсутствием физической мобильности населения. Из-за внутренних монополий на авиаперелеты сибирякам стало проще и дешевле бывать в азиатских странах, чем в Москве. В результате в ходе последней переписи многие жители Сибири записались не русскими, а сибиряками [Антипин, 2010].

Перенос столицы в Сибирь, считают эти авторы, позволит более тесно интегрировать сибиряков в страну. Попутными целями переноса обьявляется инкубация новых элит в жестких северных условиях, чем-то напоминающая идеи Федорова о войне с холодом, борьбе с коррупцией и «реструктуризации правительства», под которой подразумевается сокращение количества чиновников [Третьяков, 2007].

В 2012 году Сергей Шойгу, новый губернатор Московской области и многолетний глава МЧС, предложил перенести столицу в Сибирь, вероятно в рамках ранее предложенной им идеи «Корпорации Сибирь», направленной на интенсивное освоение и обживание районов этого огромного региона.

Михаил Делягин, директор российского Института проблем глобализации, видит главную задачу переноса в создании импульсов для экономического развития и роста. В своих многочисленных выступлениях он обосновывает важность выбора для столицы небольшого города, предлагая в качестве кандидата на эту роль город Енисейск [Третьяков, 2007; Делягин, 2012]. По его словам, «переезд московских чиновников в крупные города с уже сложившейся инфраструктурой не даст нужный толчок развитию региона, а будет лишь сменой декораций» [Делягин, 2012].

Решением вопроса многим из авторов этой группы кажется создание *полюсов роста* (*growth pole theory*) (этот термин, впрочем, ими употребляется редко) в Сибири. Одним из главных полюсов роста, по их мнению, могла бы стать новая столица. В этом контексте столичность трактуется как своего рода индустрия, которая через мощные финансовые вливания федерального правительства и частного капитала может

встать в авангарде экономического развития страны (более подробно о полюсах роста в контексе столичности см.: [Россман, 2013]).

Именно эту позицию недавно старались обосновать директор и заместитель директора Института Европы РАН — Валентин Федоров и Николай Шмелев. В своем выступлении они высказали предположение, что новая столица в Сибири также поможет России в освоении Арктики [Шмелев, Федоров, 2012; Федоров, 2008].

Своего рода «русскую Америку» видит в Сибире Александр Аузан, директор института национальной стратегии, также ссылаясь при этом на особый этос и особую — по истокам старообрядческую — трудовую мораль, характерную для этого региона [Крупнов, 2009].

Идею многофункциональных точек роста на основе новой столицы в Новосибирске предлагали российский олигарх Олег Дерипаска и политтехнолог Глеб Павловский. Эта же кандидатура была поддержана Виталием Третьяковым, который помимо экономических преимуществ усматривает в этой акции мощный антибюрократический контекст [Третьяков, 2000]. С точки зрения экономиста Романа Вишневского внедрение концепции точек роста поставит перед страной задачу распределения федеральных полномочий между несколькими региональными центрами, в том числе и глубоко на востоке страны [Вишневский, 2010].

В некоторых случаях предлагаются даже особые индустрии, которые смогут послужить альтернативной экономической базой для развития сибирских точек роста и вокруг которых будет формироваться новый политический центр. Так Григорий Томчин, бывший депутат Государственной Думы от партии Гайдара, говорит о новой столице в контексте открытия Северного морского пути[13]. По его мнению, новая столица в

[13] Северный морской путь является альтернативным транспортным каналом для доставки товаров из Китая в Европу. Маршрут из Шанхая до Гамбурга через Северный морской путь, проходящий от Берингова пролива на востоке до Новой

Западной Сибири станет важным перевалочным пунктом и торговым центром на пути транспортировки китайских товаров в Европу. Поэтому новая столица, считает он, должна быть непременно основана в непосредственной близости к территории транзита между Китаем и Европой, «в местности где-то в центре Северной Евразии». Здесь Россия могла бы зарабатывать десятки миллиардов долларов за провоз и обработку грузов, следующих из Китая в Европу. В настоящее время, замечает Томчин, средняя скорость передвижения контейнера по российским железным дорогам с Дальнего Востока до границы с Евросоюзом составляет 9,5 километров в час. При увеличении этой средней скорости всего до 22 километров в час перевозка грузов из стран Юго-Восточной Азии в Европейский Союз становится рентабельнее и быстрее по железной дороге через Россию по сравнению с морским путем через Суэцкий канал [Пряников, 2011]. Перенос столицы, таким образом, здесь ставится в перспективу точной математики доходов и скоростей.

Восточный сценарий поддерживает также Марат Гельман, предложивший перенести столицу в Пермь, что, по его мнению, позволит развить транспортную систему России. Пермь удалена от Дальнего Востока, но Гельман, тем не менее, связал расположение новой столицы с четырьмя азиатскими тиграми (Итоги, 2010).

3. НОВОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СТРАНЫ В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Более радикальной интерпретацией и развитием теориии точек роста и экономической мотивации переноса кажется идея *альтернативного позиционирования*

земли на западе, на 6400 километров короче южного. В связи с таянием ледников этот альтернативный путь привлекает все больший интерес китайского бизнеса. По некоторым оценкам, Арктика может стать судоходной уже к 2020 году, что сулит хорошие перспективы экономике Сибири и северным портам.

страны. Здесь перенос столицы становится органической частью попыток вписать российскую политику и экономику в мир стран Азии — в особенности страны АТР — с их особой динамикой и тенденциями роста. Геополитическая доминанта дискуссии, заметная в предыдущих проектах, здесь заменяется своего рода приматом *геоэкономики*.

Наиболее последовательно эту идею отстаивает Юрий Крупнов, один из заметных энтузиастов темы переноса столицы, лидер Движения развития и председатель Наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития. Он предлагает более глубокую и всеобъемлющую программу переориентации страны в континентальном пространстве, которая во многом опирается на его концепцию новой столицы. Идеальным кандидатом на эту роль он считает район космодрома Восточный на Дальнем Востоке. Подъем стран Азиатско-Тихоокеанского региона, по мнению Крупнова, диктует необходимость России выступить с новым амбициозным проектом новой столицы, который призван повторить эксперимент Петра Великого в новой экономико-политической ситуации [Крупнов, 2006].

Стратегия, которую предлагает Крупнов и некоторые его единомышленники, опирается на теоретическую идею весьма распространенную в XIX веке — идею Тихого океана как «Средиземного моря будущего». В своем интересном историческом обзоре историк Валерий Постников показал значимость этой концепции в трудах западноевропейских, американских и российских геополитиков, военных теоретиков и социальных мыслитетей XIX — начала XX века [Постников, 2011]. Он, в частности, указывает на место этой концепции в трудах и теоретических воззрениях таких разных и даже противоположных по своим политическим симпатиям и темпераменту интеллектуалов и политических деятелей, как Карл Маркс, Алексис де Токвиль, Чарльз Лиленд, Александр Герцен и адмирал Колчак.

Теоретические основы этой теории были заложены, по-видимому, русским географом и социологом Львом Мечниковым, изложившим ее в своей книге о поступательном движении цивилизаций от великих рек к огромным океанам [Мечников, 1995].

Согласно Мечникову, траектории и фазы развития мировой цивилизации первоначально связаны с акваториями великих рек. Затем центр тяжести мировых цивилизаций перемещается к великим морям. В эпицентре развития цивилизации Запада оказывается сначала Средиземное море, затем центр тяжести смещается к Атлантическому океану, вокруг которого формируется мировой рынок и возникают мощные европейские и американские цивилизации. Следующим шагом в развитии цивилизаций должен стать великий Тихий Океан со своим особым номосом. Фазы перехода цивилизаций от рек к морям и океанам также сопряжены со сменой технологий, военных стратегий, типов торговли и даже с эволюцией нравственных представлений [Там же]. В 1990-х годах баланс мировой торговли, измеряемой общей стоимостью грузов, действительно сместился с Атлантического к Тихому океану и идеи Мечникова и других теоретиков подтвердились экономическими реалиями сегодняшнего дня. Во многих статьях и книгах конца 1990-х годов обсуждались в связи с этим особенности тихоокеанского капитализма, отличного от капитализма атлантического, где подчеркивалась значимость конфуцианских и коммунитарных ценностей.

Следует подчеркнуть, однако, что если для многих старых теоретиков, упомянутых ранее, идея тихоокеанской цивилизации ассоциировалась с развитием сотрудничества между Россией и США, современные российские теоретики гораздо больше акцентируют идею сотрудничества с Китаем и четырьмя дальневосточными драконами. Перенос столицы видится ими как инструмент такой культурной и экономической переориентации. Российская экономика должна ин-

тегрироваться в экономики тихоокеанского региона. Смена столицы позволит вдвинуть страну в регион, известный самыми высокими темпами экономического роста, и заявить о себе как о мощном новом региональном игроке.

В концепцию Юрия Крупнова встроен и новый *солярный миф* о столице. Она не только разрешит пространственную проблему, но и сможет регулировать проблему времени и часовых поясов. Столица как солнце будет всходить на востоке, пробуждая к новой жизни всю страну и создавая более правильный круговорот времени и рабочего распорядка [Крупнов, 2006].

Известный российский политолог Сергей Караганов представляет более детальный, фундированный и экономически конкретизированный анализ интеграции страны в восточный экономический регион. Идея переноса столицы является органической частью его программы, которую он условно называет «проектом Сибирь». Речь здесь опять идет о присоединении страны к «азиатскому экономическому локомотиву», новому освоению Сибири и Дальнего Востока через развитие инфраструктуры, создание производств по глубокой обработке сырья и леса, а также сельского хозяйства, «ориентированного на бездонные рынки Азии» [Караганов, 2012]. Этот проект, считает Караганов, должен идти с широким привлечением иностранного капитала из США, ЕС, Китая, Японии, других стран Азии, с предоставлением ему максимальных льгот и гарантий.

Для экономического поворота России к поднимающейся Азии нужно что-то похожее на прорубленное Петром Первым с соратниками «окна в Европу» через Санкт-Петербург. В рамках этих проектов должны формироваться инновационные кластеры и происходить коренная экономическая переориентация на рынки Китая и поднимающейся Азии. Караганов предлагает концепцию трех столиц: политической и военной сто-

лицы в Москве, экономической — во Владивостоке и культурной — в Санкт-Петербурге [Караганов, 2012].

Идея Караганова — в том числе и его концепция трех столиц — была адаптирована клубом «Валдай» и озвучена за неделю до начала саммита АТЭС во Владивостоке в сентябре 2012. В докладе клуба в частности говорится:

> *Оптимальным представляется перенос столицы непосредственно на берег Тихого океана, и здесь район Владивостока является наиболее предпочтительным. В этом случае фактор столицы как «океанской витрины» России будет использован в полной мере. Начавшееся масштабное строительство в связи с саммитом АТЭС может послужить хорошим стартом. Сейчас же Москва фактически высасывает лучшие человеческие ресурсы из всей страны, ослабляя ее развитие.*

Альтернативное позиционирование страны в этой группе проектов, таким образом, прежде всего, связано не с Сибирью, а с Дальним Востоком, не с замкнутостью, а с разомкнутостью, но уже не на Запад, а на спасительный Восток.

Одной из причин восточных поисков новой столицы — как в дальневосточном, так и в сибирском варианте — кажется является желание найти новую культурно-цивилизационную принадлежность и идентичность, даже в тех случаях, когда в программе артикулируются исключительно экономические факторы. Одиночество России в Европе и неудачи российской внешней политики, особенно в нулевые годы, побуждают авторов этих проектов конструировать новую российскую макрорегиональную идентичность, тем самым косвенно поддерживая представления по поводу азиатского пути России и возможностей поиска новых друзей на Востоке. Однако даже в этих восточных чаяниях и поисках часто чувствуется прежде всего озабоченность реакцией и позицией Европы.

4. КОНЦЕПЦИЯ ЗАПАДНОЙ СТОЛИЦЫ: ОТ ИМПЕРИИ К РЕСПУБЛИКЕ

В противоположность авторам из первой группы защитники республиканских идеалов, во-первых, принципиально возражают против имперского устройства России, и во-вторых, исповедуют принципы русского европеизма, описывая курс развития современной России как чистую азиатчину, истоки и корни которой они обычно приписывают как раз исторической линии Москвы. *В противоположность авторам второй группы*, перенос столицы мыслится ими как инструмент фундаментальной переориентации русской политики не на Азию, а на Европу и на глубокую и фундаментальную деимпериализацию России.

Многие политики и интеллектуалы, составляющие ядро этой группы, озабочены политическими импликациями сверхцентрализации, которые искажают реальные пропорции управления страной [Штепа, 2003; Широпаев, 2001]. Им кажется, что сложившаяся политическая архитектура России укоренена в исторических формах правления Москвы. *Сама структура российской столичности задает формат и параметры российской политики, сверхцентрализацию и отсутствие свободы*. Перенос столицы, считают они, позволит предоставить большую самостоятельность регионам, создать сильные региональные идентичности и переформатировать внутреннюю российскую политику в реальную систему федерации или в конфедерацию наций. Эта перспектива позволяет им также по-новому взглянуть на русскую историю, в которой они находят различные формы подавления Москвой старинных русских княжеств и бросить на нее свежий взгляд с общероссийских, но умышленно и подчеркнуто немосковских позиций.

Москвоцентричность русской истории, считают они, не позволяла до сих пор понять роль Москвы как предательницы общерусских интересов, например, в ходе противостоянии России татарам. Исторические

формы правления Москвы в их представлении включали в себя жесткое подавление русских княжеств и внедрение азиатских — прежде всего монгольских форм управления. За Москвой тянется шлейф татарской жестокости, помыкания русскими землями, хитрых манипуляций и каверзных политических интриг. Опять же в противоположность авторам предыдущей группы, большинство этих авторов ищут новую столицу не на Востоке, а на Западе, которая должна не дистанцировать Россию от Европы, а повернуть ее к ней и еще крепче к ней привязать.

Некоторые из этих авторов, заметное место среди которых занимает лидер Национал-Демократического Альянса историк и писатель Алексей Широпаев, склонны демонизировать роль Москвы в русской истории. Они подчеркивают сервилистские причины подъема этого города и его постоянное сотрудничество с ордой. Некоторые важные эпизоды русской истории, считают они, известны сегодня большинству россиян только в пристрастной московской редакции[14]. Например, легенда о граде Китеже с их точки зрения имела в виду не противостояние татарам, а изначально была

[14] Некоторые исследователи видят негативные антимосковские коннотации даже в знаменитой формуле Филофея Москва — Третий Рим. Так Дмитирий Стремухов (1902–1961), профессор русской истории в Сорбонне, пытался доказать, что в Пскове, где эта формула впервые возникла, она первоначально указывала на бестиальность Москвы и имела одним из своих идейных источников текст более поздней III Псковской летописи о взятии Пскова в 1510 году, крайне антимосковской по своей направленности. На Русь здесь опрокидывается библейская историософия из Апокалипсиса о шестом звере-царстве, после которого приходит Антихрист (Откр. 17, 10). Первые пять империй в такой интерпретации — Вавилонская, Персидская, Македонская, Римская и Византийская. Москва представляет здесь шестое царство. *Стремоухов Д.* Москва — Третий Рим: источник доктрины. Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 425–441.

написана против Москвы[15]. Они пишут также об *идеологическом контроле* московских князей над русскими княжествами. Так, по словам Широпаева, «Повесть о взятии Рязани Батыем» долгое время была своего рода «самиздатом русского средневековья». Москва в изложении этих авторов несет основную ответственность за авторитарные формы правления и подчинение старинных русских княжеств — Тверского, Рязанского и Нижнегородско-Суздальского в эпоху татаро-монгольского ига и Новгорода и Пскова в эпоху Ивана Грозного [Широпаев, 2001].

Перенос столицы предстает в их описаниях, таким образом, освобождением от московского ига, от *внутренней колонизации* и многовекового рабства, порожденных московским правлением.

При этом *Новгород и Псков*, которые видятся колыбелью российских традиций свободы и демократии, часто называются представителями этой школы в качестве *желательных новых столиц* из-за их демократического культурного капитала и республиканских политических ценностей, которые они воплощали. Новые столицы, расположившись в этих городах, свяжут исторической нитью новую Россию с ее собственными автохтонными и самобытными традициями демократии [Можегов, 2006]. Новая столица должна возродить республиканское прошлое русской государственности, похороненное Москвой.

[15] Широпаев ссылается на исследование историка-слависта Комаровича, который рассматривая Китежскую легенду, показал, что слово «татары» использовалось в ней в качестве цензурной зашифровки Москвы. Легенда отразила перипетии противостояния Нижегородско-Суздальского княжества Москве, которая захватывала город за городом и устанавливала в них новые порядки. При этом нижегородские князья как раз ориентировались на монголо-татар в противостоянии князьям московским и приняли участие в нападении Тохтамыша на Москву в 1381 году [Комарович, 1936]. Подобным же образом в «Песне о Роланде», согласно историкам, воспоминания о реальном противостоянии басков Карлу Великому облеклись в форму повествования об их мифической битве с сарацинами.

Алексей Широпаев рекомендует на роль новой столицы Новгород, который когда-то был членом ганзейской лиги городов. Этот город, считает он, может стать символом интеграции России с Европой. Возвращение к традициям Новгорода видится им как антидот и противоядие прививкам азиатчины и монгольских политических традиций, полученным от Москвы [Широпаев, 2001].

Здесь Широпаев, по-видимому, следует одной устойчивой антимосковской традиции в русской историографии и политической мысли, в широком смысле совпадающей с западничеством. Эта антимосковская и антисамодержавная традиция была связана с именами Курбского, Радищева, декабристов, Герцена, Тургенева и Георгия Федотова, которые отождествляли подъем Москвы и, в частности, политические процессы в эпоху правления Ивана III, с утверждением традиций русского рабства. Именно Иван III, с их точки зрения, в дополнение к возвышению политического статуса Москвы привнес в российскую государственность византийские амбиции (он был женат на Софье Палеолог) и окончательно подавил тенденции независимости русских княжеств. В наиболее ярком и недвусмысленном виде эта *мысль о тождестве Москвы и русских традиций самодержавия и политической несвободы* была сформулирована Александром Герценом в статье «Россия и Европа» (1850–1851):

> *Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установления самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия. Россия была спасена; она стала сильной, великой — но какой ценой? Это самая несчастная, самая порабощенная из стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив всё, что было свободного в русской жизни...* [Герцен, 1956: 403–404].

Об этом же писал Георгий Федотов в своей статье «Россия и свобода», поминая и «моральную тяжесть Москвы», и антихристианские и бесчеловечные черты

в политических идеалах «московского человека» или «московита», как особого русского национального типа.

Российский публицист Вадим Штепа также подчеркивает необходимость антиимперской реконструкции новой столицы России, которую он предлагает назвать Китежем по имени города в известной русской легенде, сюжет которой обессмертил Римский-Корсаков. Интересной оборотной стороной этой легенды является то, что в ее изначальной версии Китеж, вопреки более поздней замене [Комарович, 1936], пал не под давлением татар и хана Батыя, а под натиском Москвы [Корнев, Штепа: 2000].

Владимир Можегов видит республиканский дух древнего Новгорода отчасти воплощенным в Санкт-Петербурге. Поэтому он предлагает распределить столичные функции между теми несколькими древними русскими городами, где традиции свободы были лучше развиты [Можегов, 2006].

Интересно отметить, что такая форма рассуждения, наверное, была бы не чужда и академику Дмитрию Лихачеву, который также видел Петербург именно новым воплощением Новгорода и продолжением его миссии. В качестве характерной особенности русских столиц он отмечал их близость к границам государства и связанность с торговыми путями. «Киев и Новгород возникают на важнейшем в X–XI веках европейском торговом пути, соединяющем север и юг Европы, — на пути *из Варяг в Греки*…» [Лихачев, 2006: 195]. С точки зрения Лихачева Петербург как бы возрождает этот транзитный путь из варяг в греки, разрушенный многими годами татарского ига [Там же: 379, 384–385]. Западные столицы России — в лице Новгорода, Киева или Петербурга — открывали Россию внешним культурным, политическим и экономическим связям, тем самым подтверждая ее скандовизантийский, то есть связующий цивилизации, характер.

Идея о символической важности движения столицы на Запад оказалась принципильной также для некоторых представителей СПС. Борис Титов, глава «Деловой России», называет Тверь и Новгород наиболее желательными будущими кандидатами на роль новой столицы в связи с их республиканскими традициями. Превращение одного из этих городов в политический центр с его точки зрения стало бы «торжеством исторической правды».

> *Многие историки считают, что если бы Тверь победила, то страна пошла бы по европейскому пути развития, а так как одолела Москва, то Россия пошла по азиатскому пути* [Закатнова, 2009].

Дополнительные преимущества Твери связываются с ее промежуточным положением между Москвой и Петербургом и интегрированностью в основные транспортные артерии страны. Это обстоятельство позволит сократить финансовые издержки на это дорогостоящее мероприятие.

К вышеперечисленной группе авторов тесно примыкают несколько других заметных сторонников перемещения столицы. В противоположность первым их больше интересует не вопрос об эстафете исторической преемственности между новой столицей и старыми, во многом мифическими, русскими демократиями древности, а вопросы функционального удобства и рачительного использования государственных средств. Кроме того, они далеко не всегда разделяют резкие антимосковские аргументы и исторические реконструкции и редко настаивают на географическом и символическом приоритете запада. Однако с «западниками» всех этих авторов роднит неприятие московской гигантомании, традиций самодержавия и авторитарной власти.

Гавриил Попов, бывший мэр Москвы и ректор Международного университета, предложил создать небольшую новую столицу в городе Жигули. По мнению Попова, новая политическая столица не должна

быть слишком громоздкой. Главная ее задача — служить нейтральной точкой по отношению к другим городам и регионам. В новой столице не должно быть корпораций, чтобы предотвратить развитие коррупции и лоббизма. Моделью для такой новой столицы, согласно Попову, может служить Вашингтон в США [Попов, 2000].

Кандидатуры волжских городов рассматриваются и другими участниками дискуссии. Эти города лишены сырьевой базы для своего хозяйственного развития, но могли бы служить точками интеграции с экономическими пространствами Сибири, будучи как бы на пути между демографическим центром России и ее природными богатствами. Эти районы страны — по большей части депрессивные на данный момент — могли бы приобрести особую значимость как центры роста и коммуникаций [Милов, 2010]. На эту же приволжскую область указывает журналист и автор нескольких статей на данную тему Алексей Алексеев, выдвигая кандидатуру Медведево в Марий Эл, небольшого города, на базе которого можно построить политическую столицу [Алексеев, 2008].

Политолог Станислав Белковский обращается к концепции *южной столицы*, но и на юге она подбирается в согласии с принципами экономности. На эту роль Белковский выдвигает кандидатуру Сочи, который уже получил огромные инвестиции от федерального правительства в связи с проведением Олимпийских игр. В числе аргументов в пользу этой кандидатуры он сослался на хороший климат, относительно небольшие размеры города и возможность снижения расходов на собственно строительство за счет уже вложенных средств в здания, инфраструктуру и другие олимпийские обьекты, которые можно будет конвертировать в правительственные службы [Белковский, 2011].

Политические ориентрации авторов в этой группе очень отличаются друг от друга в спектре позиций: от либеральных до крайне националистических (с акцентом на этническое определение нации). Однако

несмотря на существенные различия в политических ориентациях, их основная мысль состоит в том, что они хотели бы видеть столицей России достаточно скромный город, который бы служил противовесом привычкам имперской грандиозности и продолжал бы европейские республиканские традиции *договорного* государства равных субьектов. Хотя далеко не все из них эксплицитно подчеркивают федеративные обоснования своего выбора, их предложения учитывают реалистические потребности коммуникации, человеческий фактор и в основном ориентированы на демографический центр России.

Тем не менее в декларациях и федералистских выводах некоторых авторов этой группы заметна тревожная тенденция мистификации существующих проблем политической системы России и их переинтерпретация в качестве сугубо московских проблем. В такой интерпретации проблемы политической системы России трактуются как проблемы, вызванные Москвой, москвичами и московской политической традицией. При этом антимосковская интерпретация русской истории в некоторых случаях сочетается с акцентуацией особых негативных *моральных качеств* москвичей, с которой сопрягается сама эта порочная традиция российской государственности. Тем не менее существующая политическая пирамида, вероятно, гораздо теснее связана с устройством самой власти, формирующей урбанистический ландшафт, чем с устройством Москвы и москвичей, паразитирующих на остальной стране. На взгляд автора, дискуссия могла бы стать более конструктивной, если бы она была освобождена от антимосковского пафоса.

5. ФУТУРИСТИЧЕСКАЯ ГЕОМЕТРИЯ НОВОЙ СТОЛИЦЫ

Некоторые идеи и проекты построения новой столицы приобрели футуристические черты. Архитекторы Илья Лежава и Михаил Шубенков, профессора кафе-

дры планирования городов МАРХИ, выдвинули идею *линейного столичного города*. Они ссылаются на своих предшественников, архитекторов, которые отстаивали эту идею уже в 1960-х годах.

Планировщики обращают внимание на возможности технологических, архитектурных и транспортных решений существующих урбанистических и политических проблем столичного города. Авторы считают, что причинами неудач Москвы в качестве столицы и глобального города стали ее струкутура и системы транспорта и коммуникаций. Москва, как и вся страна в целом, опирается на отсталую и отжившую свое время радиально-кольцевую инфраструктуру, которая и создает большинство проблем, но при этом не отвечает современным вызовам. Эта структура фрактально воспроизводится во всех регионах и точках российского пространства. Сама морфология городского пространства, построенная на этом принципе, противоречит идее полицентричного города и препятствует возникновению полноценных альтернативных центров.

Многие текущие проблемы, считают авторы этого проекта, могут быть решены с помощью новых транспортных решений и в частности с помощью *линейной организации города*. Она не только поможет справиться с внутригородскими проблемами, но и ослабит существующие общенациональные модели взаимоотношений между центром и периферией и урбанистические иерархии. Речь идет о построении нового поколения городских сетей, опирающихся на новую транспортную инфраструктуру.

Лежава и Шубенков полагают, что радиально-кольцевая структура не только создает логистические проблемы доступности правительственных офисов, но и лежит в основе политических проблем и дисбалансов в отношениях центра и периферии. Новая концепция *города-трубы* деконструктивирует саму дистинкцию между центром и периферией. Высокоскоростные поезда подобные поездам-пулям в Японии (сапсанам)

смогут связать всю страну в сеть городов, расположенных вдоль единой транспортной магистрали. Новая столица сменит прежний разбросанный характер поселений в России, и города вытянутся вдоль единой транспортной артерии.

> *Новая столица заменит те функции, которые выполняли миллионные города России в XX веке. Кроме того, линейная столица будет, в отличие от старых городов, доступнее десяткам миллионов людей. С ее появлением, должно исчезнуть понятие «провинция». Все города будут элементом столичного региона* (Лежава, Шубенков, 2009).

Дисперсное, рассредоточенное, хаотичное расселение людей, наблюдаемое в стране в настоящее время, может быть заменено сосредоточением населения непосредственно в зоне действия *русел расселения*. Это уникальное решение ориентировано на специфическую ситуацию России — огромные территории с неблагоприятным климатом и дефицитом жителей.

> *Процесс концентрации населения вдоль транспортных артерий уже наблюдался в России в начале прошлого века, когда был построен Транссиб. Новая железнодорожная трасса, соединяющая Европу с Тихим океаном, стала притягивать к себе людские и экономические ресурсы. Стремительно разрослись города Екатеринбург, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Чита, Благовещенск, Хабаровск и Владивосток. Множество новых городов и поселков «прилепилось» к железнодорожной трассе, «притянув» население. Процесс дальнейшей консолидации России, как мы ожидаем, произойдет с появлением Сибстрима* (Там же).

Размыкание традиционной геометрии власти, воплощенной в радиально-кольцевой структуре, в комбинации с новой транспортной системой, считают архитекторы, позволят городам стать полицентрическими центрами, открытыми остальной стране. Авторы проекта верят, что система городов парабол и труб сможет ослабить противостояние и дистанцию между

центром и периферией, разрушит центрированность и специфичность столицы и создаст возможности для равного участия городов в развитии страны. Таким образом, в основе предлагаемого плана лежит новая геометрия транспортной системы, которая предлагает инновационный тип социально-политической организации страны.

Следует отметить, что эта красивая теория оставляет без ответа слишком много социальных и политических вопросов. В ней нет собственно политических компонент, относящихся к национальному строительству, и она сводит столичную проблему к транспортно-коммуникационной тематике. По сути дела столичная проблема здесь превращается в функцию скорости и пространственной доступности, а наличие политического центра оказывается своего рода предрассудком общества низких скоростей. Даже при решении фундаментальной проблемы транспортной связанности огромной территории, охватывающей множество часовых поясов, проблема локализации власти оказывается здесь не только нерешенной, но даже непоставленной. Даже в случае самого успешного развития этого проекта, он имеет в виду перспективу слишком далекого будущего и вряд ли может восприниматься в качестве способа разрешения современных острых проблем, стоящих перед страной.

Тем не менее эта идея, на взгляд автора, безусловно, ставит на повестку дня проблему управления в огромной стране, решение которой имеет важнейшие политические импликации в качестве дополнения к иному и более фундаментальному решению вопроса.

6. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТОЛИЦА: ГОРОД-СПУТНИК ПОД МОСКВОЙ

Сходство сторонников административной столицы с предыдущей группой состоит в сосредоточенности на административно-технических аспектах проблемы ги-

перцентрализации. Сторонники идеи города-спутника исходят главным образом из соображений разгрузки Москвы и редко обсуждают общенациональные контексты этой большой темы.

Большая часть из них видит решение проблемы в создании административной столицы на расстоянии 50–100 километров от Москвы. Подобное решение, состоящее в обьединении Москвы и области, уже давно предлагали некоторые российские социологи (Игорь Бесстужев-Лада), архитекторы [Пряников, 2007] и экономисты [Балацкий, Гусев, Саакянц, 2006].

Не так давно эта идея была без публичной дискуссии и коллегиальных форм принятия решений взята на вооружение правительством Дмитрия Медведева. Решение предполагает присоединение к Москве огромного куска земли Московской области. Одной из основных целей проекта обьявляется разгрузка Москвы от заторов и пробок. Некоторые сторонники проекта высказываюся за превращение Кремля в музей, что позволит сделать этот важнейший исторический и культурный памятник доступным миллионам россиян и международным туристам. В планы включается также серия других компонент, в том числе строительство в непосредственной близости от правительственных офисов международного финансового центра. Строительство комплекса зданий, связанного с этим центром, как ожидается, позволит поднять статус России как мирового финансового центра. Многие авторитетные российские урбанологи видят в этом решении первый шаг в направлении создания федерального округа и агломерации Москвы, которые давно стоят на повестке дня [Глазычев, 2007]. Новые транспортные магистрали и новый тип территориальной организации, согласно сторонникам этого проекта, должны создать условия строительства новой транспортной сети и разгрузить московские улицы.

В известном смысле эта идея родилась в ответ на широкую критику урбанистами и общественности

проблем Москвы, одной из которых является отрыв собственно города от московской агломерации. В силу существующих административных делений Москва и ее естественная агломерация находятся в разных юрисдикциях, в результате чего крайне осложнено принятие решений по вопросам, касающимся жизненно важных для обеих субъектов проблем — прежде всего организации транспортной системы, мусора и санитации территории. Эти административные деления также препятствуют органическому росту города и естественным для крупных городов процессам субурбанизации. По замыслу авторов проекта присоединений кусок земли должен создать или компенсировать недостатки уже *фактически* существующей агломерации, снизить нагрузку на транспортные артерии Москвы, а также уничтожить существующие искусственные административные барьеры по линии МКАДа.

Истоки идеи столицы — спутника Москвы лежат опять же в 1960-х годах, когда группа российских архитекторов под руководством Евгения Пхора предложила перенести министерства и ведомства в группу новых административных городов-спутников, которые предполагалось построить. Тогда же Кремль предлагалось превратить в национальный музей. Все посольства также должны были переехать в эти подмосковные города из Москвы (Хазанов, 2011). В духе такого решения проблемы выступали Михаил Хазанов. По поводу столицы-спутника в подмосковном Внуково говорил Сергей Станкевич [Бабаян, 2011].

Летом 2011 года планы были приняты правительством Медведева, который поручил разработку деталей рабочей группе, в которую вошли мэр Москвы Сергей Собянин и губернатор Московской области Борис Громов. 12 апреля 2012 года президент подписал указ о переводе госорганов на территорию «большой Москвы». По сути, речь сегодня идет о строительстве нескольких «правительственных деревень», в которых разместятся чиновники. Самым отдаленным

от остальных объектом, согласно проекту, является президентская администрация: резиденция главы государства должна расположиться в конце Рублево-Успенского шоссе.

Критики этих планов отмечают, что расширение Москвы привлечет новых мигрантов из регионов и тем самым усугубит демографические проблемы и гиперцентрализацию: она только увеличит приматность Москвы и дисбаланс с регионами [Белковский, 2009]. Расширение площади Москвы, понижая стоимость земли, тем самым замедлит насыщение факторов производства в Москве, которые могли бы стимулировать бизнесы к поиску новых точек для своего развития и способствовали бы их выводу из Москвы. В этой связи Юрий Крупнов, наверное, справедливо замечает: «Москва — причина и, одновременно, заложник деградации страны. Подобный диагноз верен уже несколько десятилетий, но прошлогоднее решение о расширении и утроении Москвы возводит гиперцентрализацию в целенаправленно организуемое и узаконенное безумие, планируемое самоубийство» (Крупнов, 2012).

Вопреки заверениям чиновников о «бесплатности» новой спутниковой столицы, Татьяна Субоч, директор Института международной отчетности (ДипИФР), показывает, что расширение Москвы в обозначенных параметрах обойдется федеральному бюджету в сумму более 50 миллиардов долларов (1,5 миллиарда рублей), *причем без учета стоимости самой земли* (Институт, 2011).

Некоторые критики усматривают в идее столицы-спутника чисто коммерческий проект по продаже заранее скупленной земли государству близкими к правительству чиновниками и девелоперами (Белковский, 2011).

Другие критики усматривают в осуществлении правящим классом планов расширения Москвы, и даже в самой активизации дискуссий о смене столицы, более хитроумную и зловещую повестку дня, скрытую от большинства наблюдателей. План города-спутника в

их интерпретации становится чрезвычайно близким *отчужденным столицам*, как мы описали их в первой части книги.

Экономист и лидер партии Михаил Делягин прямо называет медведевскую схему «сепаративным планом» [Делягин, 2012]. Согласно его точке зрения, новая административная столица позволит новому богатому классу и чиновникам дистанцироваться от беспокойной Москвы, где возрастают протестные настроения, а также улучшить свои удобства и жизненные стандарты в удалении от крупного мегаполиса с загрязненной средой за счет бюджетных средств. Критики также считают, что под предлогом каких-то мифических удобств для населения и разгрузки Москвы в реальности это элитное решение ставит своей целью дистанцирование власти от креативного и прочих чуждых социальных классов [Башкатова, 2011]. Новая столица сможет тесно опекать мегаполис и держать Москву на коротком поводке, подобно старым королевским и отчужденным столицам, одновременно минимизируя риски беспорядков и массовых протестов в непосредственной близости к физической инфраструктуре власти.

Кроме того, считают критики, риторика федерального округа позволит властям ссылкой на мировой опыт и ситуацию в США законсервировать существующую практику — избавиться от выборного мэра и использовать нужного назначенца в новой административной столице.

Критики также справедливо считают, что сама идея концентрации вокруг Москвы трех городов-спутников, в которых будут сосредоточены административные, научные и финансовые полномочия, только усугубит доминантность российской столицы в масштабах страны. Все эти три новых центра во многом заменяют решение реальных проблем национального строительства, децентрализации и *нормального* развития науки и финансов на мегапроекты и имитации.

Вместо развития науки и *регулярного* и достойного ее финансирования номинируется флагман российской науки (Сколково), в который стягиваются все ресурсы. Вместо повышения надежности, правовой защищенности и авторитета российских банков и финансовой сферы в целом создается физическая инфраструктура для такого центра в максимальной приближенности к самой власти. Вместо децентрализации власти продолжается стягивание ресурсов страны в московский регион, который драматически расширяется, становясь магнитом для новых мигрантов из быстро депопулирующейся страны. Все эти действия *подменяют* реальные процессы и действия в этих областях государственными мегапроектами, имеющими в виду прежде всего частные интересы. Тесная привязка к Москве делает все эти проекты проблематичными как в плане развития территорий, так и в плане развития самих сфер, которые этот проект призван поднять.

Важно отметить, что сторонники идеи столицы-спутника видят проблему нового политического центра не в русле национальных реформ и реогранизации территориальной системы России и создания новых типов отношений между пространством и властью, а только в узком ключе решения проблем самой Москвы, организации ее внутреннего пространства или его расширения. Можно также отметить, что перенос столицы в администартивный город вряд ли сможет решить какую-то из проблем национального строительства, которые обсуждались другими авторами и которые мы обсудим более подробно в следующих главах — диспропорции в развитии регионов, кризис национальных символов и др.

Тем не менее несмотря на все вышесказанное, в проекте развития ближнего Подмосковья, который называется проектом столицы-спутника, есть не только здравое зерно, но даже и свой категорический императив, связанный с немедленной необходимостью нормализации процессов агломерации и су-

бурбанизации, а также уничтожения искусственных административных барьеров. Планета Москва — вне всякой зависимости от того, куда в дальнейшем переедет столица и переедет ли она вообще — нуждается в устранении бросающихся в глаза аномалий развития агломерации. Она нуждается в организованных орбитах для своих многочисленных спутников и прочих попутчиков, полицентризма, развития конурбации, возникновении новых центров силы и точек роста *внутри московского региона* для преодоления моноцентрической и чрезвычайно болезненной ситуации с концентрацией бизнесов, власти и культурных памятников в одной и той же части города. Москва остро нуждается во внутренней децентрализации. Помимо административной воли, для решения этой проблемы потребуются новые транспортные, урбанистические и архитектурные решения, решения творческие и неординарные. Жаль, что для решения этих проблем понадобилась риторика столичного округа и что проблемы агломерации оказались заложниками нужд власти и приближенных к ней коммерческих структур.

Консервативные противники переноса: апология Москвы

Консервативные противники переноса обычно апеллируют к идее *избранности* Москвы и потому любые разговоры о возможности ее переезда в другой город кажутся многим из них кощунственными. Например, Наталья Самовер, координатор общественного движения Архнадзор, и некоторые православные фундаменталисты усматривают опасность в любой смене столицы, которую они заочно видят «ударом по национальной идентичности».

Концепция *Москвы — Третьего Рима* вполне серьезно воспринимается еще немалым количеством российских социальных теоретиков, которые обращаются к ней в своей критике проектов переноса сто-

лицы. В их глазах у Москвы, как у столичного города, есть как конституционная и историческая, так и трансцендентальная легитимация. В противоположность Петербургу, столице созданной человеком, на Москву ложится свет и сияние третьеримской власти. В этой связи Москва часто предстает в описаниях этих авторов как сакральный и боговдохновленный город, что делает его *естественной* или сакральной столицей России.

В этой интерпретации Рим берется в библейском смысле как последяя империя, вселенские задачи которой позволяют «удерживать» мир и предохранять его от конца света. Поэтому Рустам Рахматуллин, известный москвовед, называет Москву *обетованным городом* [Рахматуллин, 2008: 15–16]. В его классификации, которую он заимствует у старообрядцев, Петербург представляется как город профанный, а Москва, напротив, — как город святой. Он говорит о сакральных основаниях российской столичности: «Столице нужно обетование, то есть обещание, открывающее надчеловеческий Замысел, а не человеческое умышление о городе» [Там же].

Консервативный публицист Дмитрий Володихин связывает неправомерность разговора о переносе столицы из Москвы с фундаментальностью православия, лишь *придатком* которого является политическая власть. «Главной ценностью российской цивилизации является христианство по православному обряду... Пока православие является несущей конфессией страны, Москва как духовная и сакральная столица будет оставаться ее сердцем... администрация президента, разнообразные министерства и федеральные агентства должны рассматриваться как административный придаток православной цивилизации, а не наоборот» [Володихин, 2006].

Ему вторит Кирилл Фролов, пресс-секретарь союза православных граждан, приравнивающий москвофобию к русофобии и провозглашающий Москву «без-

альтернативной столицей России». Одновременно он ратует за перенесение резиденции патриарха в Патриаршии палаты Кремля [Фролов, 2006].

Священник Александр Шумский, который считает себя уполномоченным говорить от имени всех русских и всех православных, утверждает, что планы переноса столицы вынашивают враги России и православия, в том числе коррумпированные чиновники, сионисты и сторонник сибирского шаманизма Шойгу, которые мечтают о разъединении государства и Церкви и о растворении русского народа в Азии [Шумский, 2012]. Спайка государства и православной церкви — единственная сила, которая обеспечивает существование русского народа и способная создать русскую империю:

> *Без Москвы, сохраняющей статус столицы, Россия и русский народ просто растворятся в Евразии... без Москвы, без московских святынь, которым нет аналога, никакую империю не построишь, ни пятую, ни десятую... У меня складывается впечатление, что за идеей переноса столицы скрываются чисто коррупционные интересы. Кто-то снова хочет хорошо заработать и списать за счет всяких глобальных переносов свои старые грешки* [Там же].

В идеологии этих радетелей ультраконсервативного православия большую роль играет также концепция Москвы как Нового Иерусалима. По мнению многих исследователей, в мифологии Москвы претензии на регалии Иерусалима были даже более сильно артикулированы, чем римские притязания [Rowland, 1996]. Например, историк архитектуры Михаил Кудрявцев в своем исследовании древней планировочной структуры, ландшафтов и композиции города подчеркивает иерусалимские смыслы и реминисценции в тексте древней русской столицы [Кудрявцев, 2007]. Москва, считает он, устроена «по образу и подобию Небесного Града Иерусалима», и в ней находятся соответствия всем символам библейского города. В его описании,

основанном на анализе исторических источников и символики древнерусского зодчества, Красная площадь, например, предстает как Храм под открытым небом, воспроизводящим Соломонов Храм, а Лобное место — как Голгофа. В духе средневековых хроник события Нового Завета как бы заново воспроизводятся в истории Москвы и в новой русской истории [Лебедева, 2005]. Подобно тому, как новозаветные сказания предвосхищались в Ветхом Завете, Евангелия только предвосхищают события истории России и самой Москвы[16].

В консервативно-религиозном мировоззрении, таким образом, Москва обьединяет в себе новые Рим и Иерусалим, воспроизводя в своих топологических структурах оба великих города[17]. Сакральность Москвы дает ей особые права и легитимизирует ее политические притязания на статус столицы, которые не могут быть оспорены ни другими городами, ни какими-то экономическими или просто рациональными аргументами. Идеи критиков переноса часто окрашены в религиозно-мистические тона и основаны на концепции богоизбранности или богохранимости

[16] Последователи нарративной техники прообразов склонны к отождествлению исторических событий и личностей для легитимизации статуса. Так, например, апостол Петр является праобразом митрополита Петра, который перенес кафедру митрополита в Москву, что в глазах сторонников московского мифа еще раз подтвердило тождественность Москвы Риму.

[17] Многие столицы новых и средневековых европейских государств претендовали на роль нового Иерусалима. Примерами здесь могут служить такие разные города, как Вена, Нюремберг, Киев и Великое Тырново в Болгарии, хотя их претензии на этот статус характеризовались разной степенью интенсивности и последовательности. В Нюремберге как одной из столиц Священной Римской империи как бы воспроизводятся некоторые элементы топографии Иерусалима (например, Масличная гора). То же самое относится к Киеву. *Stupperrich R.* Kiev — das zweite Jerusalem // Zeitshrift fur slavische Philologie. 1935. S. 12.

города. Не удивительно, что такие критики все дискуссии о переносе столицы склонны воспринимать крайне враждебно, в том числе и как попытку подрыва ценностей русской православной цивилизации.

Всю серьезность и бескомпромиссность этой идеологии демонстрирует Аркадий Малер, председатель Византийского Клуба и основатель группы *Северный Катехон*. Приведем только одну цитату этого автора без дополнительных комментариев: «Москва является столицей России не потому что так кому-то хочется, а потому что других вариантов здесь быть не может: это естественный, органический, цивилизационный центр России… сама Москва делает любую власть подлинно легитимной — это закон русской политической географии» [Малер, 2007]. В этой жесткой формулировке как будто содержится и полная характеристика мышления носителей подобного рода идей — любовь к формулам, нелюбовь к компромиссам и безапелляционность суждений.

Консервативные критики правы в том, что Москва действительно первоначально выполняла функции религиозной столицы России и только позже, не в последнюю очередь в связи со своим религиозным статусом, получила прерогативы политического центра государства. Такое развитие событий во многом предугадал Иван Калита, который привлек в Москву из Владимира кафедру митрополита в 1326 году (до конца XIII века престол митрополита находился в Киеве). Московские князья использовали новый религиозный статус города как рычаг для стяжания политического признания. Их расчет, вероятно, состоял в том, что если Москва станет духовной столицей, то это сплотит вокруг нее русские княжества, что позволит ей со временем предъявить свои права на новый политический статус. Через 100 лет после переезда кафедры митрополита, в 1426 году, Москва стала политической столицей государства. Введение на Руси патриаршества (1589) еще более укрепило сакральный статус Москвы и ее претензии на столичность.

С превращением Москвы в политическую столицу теряется равновесность урбанистической системы России, религиозный рынок монополизируется, а духовный центр теряет свою автономность[18]. Религия постепенно подчиняется государству и в свои права входит византийская идея симфонии властей. В дальнейшем — с переездом столицы в Москву — религиозные дела переходят под еще более тесную опеку государства, оказываясь в ведении Синода. Религия и нация становятся, таким образом, не столько аспектами идентичности народа, со своими автономными пространственными центрами, сколько инструментами контроля в перспективе государственного строительства. Отсутствие автономных или относительно автономных религиозных центров в России подобных Кентерберийскому собору, где находится кафедра архиепископа и примаса всей Англии, или Реймсу, где происходила церемония миропомазания французских королей, по-видимому, также должно свитедетельствовать о высоком уровне государственного контроля.

Полезно упомянуть еще несколько примеров тех стран, в том числе государств достаточно централизованных, славянских и православных, где произошло пространственное отделение религиозных и политических центров, священства и царства, которое так страшит некоторых православных клерикалов. Сантьяго-де-Компостелла в Испании, Мцхета в Грузии, Эчмиадзин в Армении, Старая Уппсала в Швеции, город Ниш в Сербии (резиденция митрополита Сербской православной церкви), Гнезно и Познань в Польше (здесь традиционно располагалась резиденция примаса Польши, архиепископа Гнезненского) стали

[18] Интересно отметить, что Париж первоначально также был религиозным центром: он был связан с культом Святого Дионисия и аббатством Сен-Дени, которое служило некрополем для большинства французских королей. Но с приобретением политических полномочий город постепенно уступает свой статус главного религиозного центра Реймсу.

отдельными от столицы религиозными центрами, отделенными от центров политической власти. В этих странах сакральность вряд ли могла бы служить основанием для требований особого политического статуса для города, который является религиозным центром. Скорее наоборот, в глазах верующих такой политический статус создавал бы угрозу трансцендентальным основаниям авторитета сакрального города.

Хотя далеко не все критики прямо апеллируют к идее сакральности Москвы, некоторые из них столь же бескомпромиссно отвергают все кандидатуры на эту роль кроме московской и склонны фетишизировать Москву.

В интересной статье философа пространства Сергея Королева ставится под сомнение возможность решения системных социальных проблем страны (духовного возрождения, дебюрократизации или борьбы с коррупцией), связанных с кризисом российской государственности, средствами переноса столицы. Он считает, что не будучи порожденными способом организации российского пространства, эти проблемы не могут быть устранены посредством его реорганизации [Королев, 2000]. В своих оценках кандидатов Королев обращается к геополитическому противопоставлению сухопутных и морских империй, атлантических и континентальных цивилизаций, следуя дугинским геополитическим категориям. В этой перспективе наиболее опасными ему кажутся планы переноса столицы в Петербург, который принадлежит к атлантистскому *римленду* в противоположность континентальному *хартленду*, находящемуся в Москве. Континентальный характер колонизации России — в противоположность морской колонизации от побережья, характерной для атлантистских стран, — также исключает перенос столицы вглубь страны. Любой перенос столицы из Москвы как «имманентного центра русских земель», считает Королев, будет создавать ситуацию внутренней неустойчивости и возможного раскола, вечную опас-

ность двоецентрия. Несмотря на сложный интеллектуальный инструментарий, Королев приходит примерно к тем же тривиально-консервативным выводам, что и сторонники идеи сакральности Москвы:

> *Столице России нужна абсолютная, бесспорная моральная санкция. Урюпинск или Моршанск столицей России быть не могут по определению, просто потому, что речь идет о России. Случайно избранное местоположение делегитимирует всю совокупность государственных институтов. Власть, локализованную в тихой и милой, хотя, возможно, духовно здоровой, неиспорченной провинции, в России будут воспринимать как провинциальную власть* [Королев, 2000].

В России, считает Королев, речь может идти о «переналадке» естественной москвоцентрической модели за счет укрепления властной вертикали, — вывод, который он связывает с императивами геополитики, — но не о «трансляции столичности». Эта идея исходит из особости России и ее политической конституции, которые жестко привязывают ее к московской схеме.

Аргумент Королева кажется, впрочем, не только надуманным, но и логически и практически неверным. Его аргумент предполагает изоморфность причины ошибки и способа ее разрешения. Из своего уже не вполне и не всем очевидного утверждения, что проблемы России не были порождены пространственной организацией страны, он делает вывод, что они не могут быть решены пространственным способом. Однако не существует никакой логической связи между источником проблем и способами их разрешения. Известно, что многие экономические и политические вопросы как раз решались пространственным способом. Юридические проблемы часто также успешно решаются экономическим путем. Технологические решения позволяют решить или ослабить многие политические, географические и социальные проблемы.

В русле подобных консервативно-охранительных представлений кажется находится и ответ на вопрос о

возможности переноса столицы, данный Владамиром Путиным в одном из интервью (2003), построенный на ничем не обоснованной декларации: «В России может быть только один глава государства, один председатель федерального правительства и одна столица — город-герой Москва».

Кроме того, романтизированные и книжные представления о Москве консервативных противников смены столицы и ее противопоставления Санкт-Петербургу, которыми часто оформлены рассуждения об исторической роли русской столицы и почерпнутые из славянофильских и прочих исторических сочинений, часто не имеют никакого отношения к сегодняшней российской столице. Много ли в Москве сохранилось того патриархального обаяния, уютной прелести, запахов яблони и елового дерева, колокольного звона, раздолья, свободы и простора интеллектуальной жизни (лишь скупо питаемой сегодня живительной влагой рыночной экономики), за которую как раз и ценили Москву ее многочисленные поклонники и панегиристы? Коммерциализация Москвы, ее реальный облик и ритм города составляют разительный контраст тем елейным образам, которые мы находим в статьях о вечной и неизменной исторической миссии Москвы как цитадели рссийской государственности и православия.

Другие критики планов переноса столицы

Большинство критиков этих проектов, тем не менее, не обращаются к консервативным аргументам. Их скепсис по этому поводу связан главным образом с политическими импликациями этих идей и с высокой стоимостью этого проекта (в больших подробностях мы обсудим этот аргумент ниже в специальном параграфе).

Некоторые эксперты также полагают, что в России уже идет естественный процесс регионализации и диверсификации, который постепенно приведет к оттоку бизнесов и человеческих ресурсов из Москвы.

Они ссылаются на естественные тенденции роста других российских крупных городов с населением свыше 1 миллиона, экономическое развитие которых будет постепенно снимать давление с Москвы и привлекать к себе крупные финансовые инвестиции [Вите, 2010]. Рост этих мегагородов будет служить *естественным* контрбалансом для бесконтрольного роста главного российского мегаполиса. Кроме того, эти эксперты полагают, что сторонники искусственных мер неправомерно экстраполируют сегодняшние тенденции на будущее. С их точки зрения, нет необходимости в том, чтобы как-то стимулировать этот процесс искусственно за счет проведения децентрализации сверху [Глазычев, 2005].

В качестве решения проблемы предлагаются также альтернативные стратегии — деволюция и децентрализация вне контекста смены столицы. О них говорили и писали Вячеслав Глазычев, социолог Ольга Крыштановская, политик Сергей Станкевич [Козулин, 2011; Бабаян, 2011; Глазычев, 2005].

Известный российский географ Георгий Лаппо также обращает внимание на наличие других альтернатив переносу столицы. Будучи чрезвычайно дорогостоящим решением проблемы, считает Лаппо, сторонники переноса не учитывают удобства Москвы в плане транспортных и коммуникационных критериев. Для достижения целей разгрузки Москвы и преодоления ее «усилившегося западного эксцентриситета» он предлагает избавление города от рядовой промышленности, создание системы макрорегиональных центров и новой широтной экономической полосы вдоль проектируемой Северной Сибирской магистрали [Лаппо, 2002]. Многие из критиков также чрезвычайно негативно оценивают опыт переноса столиц в других странах [Глазычев, 2005].

Многие урбанологи и специалисты по системам транспорта также указывают на различные возможные решения транспортных проблем внутри Москвы,

которые должны снизить социальное напряжение в городской системе и сделать разговоры о необходимости переноса столицы менее актуальными и злободневными. С их точки зрения, различные инновационные морфологические и транспортные решения, которые уже были взяты на вооружение в крупнейших мегаполисах мира — таких как Токио, Лондон и Париж, позволят Москве преодолеть свой транспортный и инфраструктурный кризис, среди них, к примеру, создание линий-хорд, связывающих различные, в том числе и отдаленные районы города, минуя его центр, создание системы надземных скоростных поездов, а также дорог и поездов, которые свяжут в единую систему всю *реальную* московскую агломерацию — оптимизируют инфраструктуру города, снизят нагрузку на автомагистрали и решат проблемы пробок. Эти технологические решения предлагается дополнить серией дополнительных институциональных и муниципальных решений [Вучик, 2011; Блинкин, 2010]. Вопросы связанные с решением проблем пробок и скученности обсуждали и отстаивали такие урбанисты и эксперты в области организации транспортных систем как Уэндел Кокс, выступивший консультантом и комментировавший обсуждаемый проект переноса столицы в Индонезии, Вукан Вучик, а также — в контексте Москвы — Киитиро Хатаяма, сын японского премьер-министра. Многие урбанологи указывают на возможности *оптимизации самой территориальной структуры города* за счет более рационального использования и выведения промышленного производства за пределы Москвы.

В более циничном или реалистическом ключе некоторые критики приписывают страсти в вопросе о новой столице предвыборным кампаниям, популистским лозунгам и выражают опасение, что все преимущества связанные с этим проектом, если он когда-нибудь осуществится, достанутся чиновникам, девелоперам и строительным компаниям, близким к власти.

Валерия Новодворская считает, что перенос столицы не может принести никаких реальных политических изменений. Экономист Евгений Ясин свел эту тему к сфере спекуляций и назвал ее обсуждение «попытками заполнить идеологический вакуум». Философ Александр Ципко отнес обсуждение этой проблемы к числу компонентов в риторике псевдореформ, которая характерна для сегодняшней социальной атмосферы. В русле этого курса лжереформ реальные изменения и реформы подменяются псевдомодернизацией, имитацией политических преобразований, а также политикой смены названий существующих институтов и организаций (например, полиции). Дискуссии о перемене столицы, согласно Ципко, являются органической частью такой риторики [Бабаян, 2011], своего рода фантомной модернизацией.

Географ Владимир Каганский считает, что «темой переноса столицы занимаются даже не отдельные маргинальные группы, а отдельные маргиналы», хотя часто и очень яркие. Актуализацию этой «периферийной темы» он связывает с двумя причинами: реальной или кажущейся неразрешимостью проблем самой Москвы и своего рода рессентиментом или завистью со стороны жителей периферии и российских провинций, замешанной на густой москвофобии, «присущей большей части населения России». Такая ситуация в свою очередь связана с тем, что вся *Россия, в функциональном смысле, превратилась в своего рода Подмосковье* и стала придатком Москвы. Носители этого провинциального сознания «Москву очень не любят, и поэтому хотят лишить ее привилегированного статуса, что вполне понятно... Провинциально-периферийное сознание хочет растождествить Москву и Россию... и построить некую не централизованную Россию с новой маленькой столицей» [Каганский, 2010].

Другой причиной сгущения и акцентации этой темы Каганский считает рабочий распорядок и чин чиновников, которым нужно периодически выходить

с какими-то инициативами, выдвигать и обосновывать какие-то проекты.

Перенос столицы кажется Каганскому чреватым расколом страны, который покуда был искусственно заморожен, а пребывание столицы в Москве — гарантом ее единства и символической целостности:

> *Постановка проблемы переноса столицы не актуальна. Наше пространство в высшей степени пространство символическое. И в этом смысле Москва является практически синонимом России. Взять хотя бы такой расхожий на Западе термин, как «рука Москвы»... Российское символическое пространство это пространство московское. Исторические связи, вся символика, в чем бы она ни выражалась, от денежных знаков... до мифологемы Москва — Третий Рим... Москва, конечно, находится не в географическом центре территории России, но она находится в функциональном центре. За полтора столетия железнодорожного и автодорожного строительства, Москва создала вокруг себя паутину путей сообщения и оказалась в ее центре. Все дороги ведут в Москву. И, наконец, существующая Россия и Москва хорошо пригнаны друг к другу. В этом смысле страна со столицей в другом месте может оказаться другой страной. Предложение перенести столицу в другой город, тем более удаленный от Москвы, — а близко переносить нет смысла, — это фактически предложение расколоть страну. Потому что, как только столица будет перенесена, например, в Новосибирск, у нас появится две России: Новосибирская Сибирская и Московская; Восточная и Западная... Невозможно иметь сильное централизованное государство без чрезвычайной роли и привилегий Москвы* [Каганский, 2010].

Таким образом, согласно Каганскому, Россия так плотно вросла в Москву своим символизмом, системой транспорта и прочими инстинктами, что перенос столицы неизбежно поставит больше проблем, прежде всего проблем интеграции, чем будет в состоянии решить. Востребованность и социальный запрос на сильное централизованное государство уже выполня-

ется Москвой, и попытки нарушить сложившееся равновесие могут привести к потере такого государства и такой централизованности, на которую в России есть огромный спрос. Альтернативой радикальным шагам в виде переноса столицы Каганский считает эволюционный путь постепенной передачи Москвой некоторых своих неглавных функций другим городам. В число тех ресурсов, организаций и функций, которыми Москва может поделиться, входят штаб-квартиры некоторых крупных корпораций, связанных с нестоличным производством, функции сертификации и тому подобное. Другим важным шагом на этом пути он считает «восстановление бюджетного паритета между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов федерации» [Каганский, 2010]. Также выражена надежда, что «технологическая сложность и дороговизна этого шага приведет к тому, что этот проект никогда не будет осуществлен».

Существуют и вполне макиавеллиевские интерпретации возможных импликаций переноса столицы. Некоторые критики считают, что перемещение столицы позволит властям «подморозить» главный город страны и уменьшить в нем уровень ВРП на душу населения. Эта точка зрения опирается на теорию известного американского политолога Адама Пшеворского, который пришел к выводу о том, что протестные настроения возрастают в тех обществах, где среднедушевые доходы начинают превосходить 12 тысяч долларов [Przeworski et al., 2000]. Так как причина протестных настроений усматривается в перекормленности москвичей, то возникает соблазн понизить их доходы путем переноса столицы. Избавление Москвы от столичных функций, считают авторы, позволит урезать доходы москвичей в 2 раза (до 10–11 тысяч долларов) и тем самым сделать их более лояльными и сговорчивыми [Толкователь, 2012].

Политологи Владислав Иноземцев и Сергей Дьячков также усматривают в разговорах о переносе столи-

цы конспирологичский замысел, а постоянное «вбрасывание» этой темы обьясняют особыми интересами или бюрократическими играми чиновников.

> *Чем более замедляется поступательное развитие страны, тем активнее выдвигаются умопомрачительные по своим масштабам проекты... Но Олимпиады, саммиты, мосты в никуда и тоннели из ниоткуда меркнут перед по-настоящему масштабной затеей — переносом столицы из Москвы* [Дьячков, Иноземцев, 2012].

В этой идее они видят попытку законсервировать регрессивный вектор в движении России, изолировать страну в глубине континента, а также закрепить ресурсный характер ее экономики путем передачи столичных полномочий сырьевым территориям. Политологи противопоставляют Россию как естественную нацию «искусственно сформировавшимся нациям» таким как США, Канада и Австралия, для которых переносы столиц имели какой-то иной смысл. Для естественной нации, то есть русских, это решение кажется им неэффективным и неприемлемым. С этими идеями, правда, входят в противоречие их же тезисы о том, что московская бюрократия железной цепью привязана к своим московским активам недвижимости и прочей собственности, которую в случае переезда на новое место не окупят никакие возможные материальные преимущества [Там же]. Альтернативой перемещению столицы им представляется усиление регионализма и постепенное оттягивание у Москвы как властных полномочий, так и финансовых ресурсов.

Иные критики, — например, Ирина Хакамада — высказались в том духе, что хотя перенос может быть частью системы реформ, в ситуации тотальной коррупции такой проект может служить только краже государственных средств в особо крупных размерах (Итоги, 1999).

Обобщение результатов дискуссии

Изложенная дискуссия позволяет сделать несколько наблюдений о стереотипах мышления, систематических ошибках и недоговорках или не всегда обоснованных посылках, на которых основываются аргументы ее участников. В зачинающейся дискуссии по этому вопросу обмен репликами в скороговорке публицистической полемики часто подменяет систематическое обсуждение аргументов в каком-то едином формате.

Наиболее важными параметрами в дискуссии выступают географическое расположение новой столицы, ее размер, обьем функций (особенно роль будущей столицы в экономических процессах), близость к старому политическому центру, транспортная и коммуникационная связанность (*connectivity* и *nodality*), а также положение по отношению к уже существующим городам и регионам, в том числе и ее символическая география. Важным параметром выступает также вопрос о новизне столицы — должен ли это быть вновь спланированный город или один из уже существующих городов. В этом вопросе различие мнений определяется противоположностью экономических и символических предпочтений участников дискуссии (см. табл. 1).

Бросается в глаза, что кардинальные географические направления в пространстве страны приобретают явные политические коннотации. Движение столицы на запад соответственно контаминирует с идеологией западничества и политическим либерализмом. Движение столицы на восток чаще всего ассоциируется с различными евразийскими проектами. В некоторых изводах этой дискуссии заметно возрождение анахронизмов, будь то предложения о внедренных имперских столицах или столицах как сакральных центрах, которые плохо совместимы с политическими процессами и практиками современности.

В некоторых случаях идеи о месторасположении мотивируются не только географическими координатами и кардинальными направлениями, но и соображениями сокращения издержек на этот проект за счет использования уже существующей инфраструктуры или транспортных узлов — в Твери, Санкт-Петербурге или Сочи (Громов, Бехтерева, Белковский, Титов).

Среди городов-кандидатов, судя по опросам и мониторингу общественного мнения, нет явных и безусловных лидеров. Из «западных» столиц чаще других городов предлагаются Тверь и, в качестве компромисса между Петербургом и Москвой, другие небольшие города в этом районе (Торжок, Вышний Волочок, Бологое). Среди городов Сибири наибольшей популярностью пользуется Новосибирск. С ним конкурируют кандидатуры Тобольска, Красноярска и Иркутска. Омск является наиболее популярной кандидатурой из городов Южной Сибири. Из городов Зауралья чаще других на эту роль предлагаются Екатеринбург и Пермь. На Дальнем Востоке относительно популярным выбором является Владивосток. Но, как уже было сказано, нет ни одного города, который был бы отмечен исключительной общероссийской харизмой и который можно было бы назвать безусловным лидером списка.

Выбор осложняется еще и тем, что в перспективе *стратегии компромисса* неясно, каким образом могут быть удовлетворены притязания множества регионов, через которые проходят линии потенциальных разломов. В этих условиях трудно выбрать один из легко локализуемых и решающих швов, который необходимо склеить для сохранения единства страны и который мог бы быть признан таковым всеми субъектами федерации.

Важно обратить внимание на то, что заметная часть участников дискуссии озабочена не столько социальными импликациями существующего положения дел — драматическим уровенем регионального не-

равенства, политическими рисками и экономической нерациональностью — сколько геополитическими спекуляциями, военными угрозами и проблемами воссоздания империи, с одной стороны, и внутренними проблемами Москвы, с другой. Таким образом, в пропорции значительно более важное место в общественном сознании занимают проблемы имперского, а не национального и государственного строительства.

Перенос столицы нередко видится вне стратегий и вне систематического контекста различных мероприятий, которые позволяют достичь поставленных национальных или всеобщих целей. По мере движения от первой к последней стратегии сужается видение целей такого переноса: от реконституции империи и решения цивилизационных и геополитических и геоэкономических задач к преодолению проблем московских пробок и возможного транспортного коллапса. Авторы идеи о городе-спутнике чаще всего даже не видят этот вопрос в качестве общенационального.

Либеральные и консервативные участники дискуссии часто занимают две крайние позиции. С одной стороны, мы видим веру модернистов (назовем их этим словом) в способность переносом столицы решить все или большинство фундаментальных проблем, основанную на том, что центральное правительство способно политически решить все социальные и экономические вопросы. Таким образом, решение проблемы централизации реализуется в вере в централизм власти. Без сильной власти, не обязательно авторитарной, курс на смену столицы крайне сложно осуществить. Позже мы более подробно разберем вопрос о том, есть ли здесь действительно противоречие.

С другой стороны, либеральные критики часто склонны преувеличивать способность рыночного механизма противостоять тенденциям сверхцентрализации и кажется недооценивают гравитационное притяжение Москвы, сила которого имеет обыкновение искажать те самые рыночные механизмы, которые,

как ожидается, должны решить проблему централизации. Либертарианцы считают вмешательство государства недопустимым и опасаются дирижизма и государственной интервенции, очевидно, ошибочно считая существующие урбанистические иерархии и экономические сети результатом действия стихийных рыночных сил и естественных механизмов.

Однако в условиях политической гиперцентрализации рыночные механизмы нарушаются и теряют свою способность выполнять регулирующую функцию. Как показывает анализ международного опыта переносов столиц в глобальной перспективе, вес столичного статуса искажает работу этих механизмов даже в не самых коррумпированых странах [Ades, Glaeser, 1995]. В ситуации всеобьемлющей и многослойной коррупции вера в такие естественные регулирующие механизмы кажется наивной и нереалистичной. Причастность рыночных систем к современной конфигурации урбанистической иерархии, очевидно, требует более критической оценки.

Большинство участников дискуссии ставят на повестку дня *вполне реальные и насущные проблемы*. В каждой из стратегий заостряется одна или несколько из этих проблем — проблемы этнических отношений, управления в огромной и растянутой на множество часовых поясов стране, неблагоприятные демографические процессы, региональные дисбалансы, многоуровневость процессов управления в мегаполисе, риски сверхцентрализации ресурсов и политического управления. Но эти проблемы часто получают мистифицированное воплощение в этих стратегиях.

Геополитические спекуляции, идеи о метафизике истории и цивилизационных платформах часто маскируют незнание и отсутствие интереса к экономическому, социальному и политическому анализу ситуации. Они подменяют собой научные подходы, основанные на статистическом, географическом и историческом анализе, изучение в сравнительной

перспективе различных форм федеративности и реальных практик переноса столиц и понимание их последствий. В большинстве случаев предложения не учитывают или недостаточно учитывают опыт других стран и богатую литературу по этим вопросам. При этом описания их часто имеют крайне односторонний или импрессионистский характер и далеко не всегда основаны на каких-то строгих аналитических методологиях. Интерпретация мирового опыта переносов столиц часто зависит от актуальных политических пристрастий авторов этих проектов, повестки дня, и редко имеет в виду систематический анализ данных. Декларации и обвинения оппонентов занимают в их статьях и тезисах гораздо более важное место.

Понимание системно-динамического подхода, перспектив человеческой экологии, междисциплинарных теорий сетей и урбанистических сетей могли бы значительно обогатить такого рода анализ [Lee, Choi, Park, 2005; Berry, 2008; Theborn, Ho, 2009; Theborn, 2002]. Особенно важными кажутся методологии, в основе которых лежат принципы пространственной экономики, в частности анализ экономических и социальных издержек урбанистической приматности [Henderson, 2005; Krugman, 1995; Moomaw, Alwosabi, 2004; Zimmerman, 2012]. Они позволяют лучше понять дисфункциональный и непродуктивный характер существующей урбанистической иерархии, а также соотнести внутренние и внешние издержки сверхцентрализации. Важен также учет федералистских политических перспектив, в особенности сравнительных федералистских исследований [Nagel, 2011], и теорий национализма.

Отсутствие четких теоретических и методологических ориентиров также приводит к засилию дилетантских, шарлатанских и метафизических аргументов в дискуссии, что дает критикам основание и повод рассматривать проекты переноса как прожектерство и упражнения в сочинении экстравагантных и экс-

центричных идей. В результате такой теоретической невнятности и размытости посылок проводятся поверхностные аналогии между столичными городами и выявляются сомнительные референтные группы для сравнения с Москвой. Возникают проекты сакральных, отчужденных и имперских столиц, которые казалось бы давно стали анахронизмом в международной практике.

Паранаучные подходы

В дополнение к проблематичным и спорным новомодным геополитическим спекуляциям, некоторые сторонники переноса обращаются к околонаучным, астрологическим и оккультным формам рассуждений. Они также нередко задействуют целый спектр сомнительных и малопродуктивных методов и лженаук, зачастую смешивая их в разной пропорции с околонаучной фразеологией, — сакральную географию, мистицизм пространства, нумерологию, анаграмматическое чтение топонимов, мифологию смены эонов или политических реинкарнаций старых столиц, и даже геометрические упражнения с циркулем[19]. Многие из этих представлений базируются на мифологизированных номосах конкретных городов — своего рода *градософиях*, основанных на идеях предустановленности, естественности и богохранимости столиц.

Для иллюстрации и для полноты картины приведем несколько примеров таких псевдонаучных подходов, которые я оставил за пределами своего анализа в основной части работы.

Например, один из авторов этого рода, автор дотошный и трудолюбивый, написал целую большую

[19] Один из авторов такого рода анализа, например, установил, что только по отношению к Владимиру европейские и азиатские столицы лежат как бы на окружности, которая сама указывает на центральность этого города не только в российской, но и мировой системе.

книгу, где, обсуждая возникновение новых центров различных государств мира, обращается к теме «шагов столиц», своего рода константам расстояний между старыми и новыми столицами, руководствуясь в своем анализе поэтической интуицией русского поэта-авангардиста Велимира Хлебникова (1885–1922). В своей брошюре «Учитель и ученик» (1912), первой его опубликованной книге, поэт среди прочих прозрений высказал мысль о том, что новые и старые столицы Европы разделяют математически точно рассчитанные расстояния, которые всегда кратны определенным числам (Хлебников, 1986). Владимир Патраков заимствует у Хлебникова эту мистику расстояний и кладет ее в основу всей книги, полагая поэтическую интуицию более точным инструментом, чем скучные политические теории [Патраков, 2008; 2011]. Интересно отметить, что таинство совпадений служило Хлебникову одним из главных мотивов его творчества, и ремарки, которые он сделал по поводу столиц, прекрасно иллюстрируют эту мистику.

Приведем цитату из Хлебникова, отдавая дань уважения красоте его слога и поэтическому изяществу самой концепции, а также трудолюбивой работе Владимира Патракова, развернувшего эту цитату в многостраничный, с математическими уточнениями и поправками, манускрипт:

> *Я нашел, что города возникают по закону определенного расстояния друг от друга, сочетаясь в простейшие чертежи, так что лишь одновременное существование нескольких чертежей создает кажущуюся путаницу и неясность. Возьми Киев. Это столица древнего русского государства. На этом пути от Киева кругом него расположены: 1) Византия, 2) София, 3) Вена, 4) Петербург, 5) Царицын. Если соединить чертой эти города, то окажется, что Киев расположен в середине паутины с одинаковыми лучами к четырем столицам. Это замечательное расстояние города-средины до городов дуги равно земному полупоперечнику, деленному на 2π. Вена на этом расстоянии*

> *от Парижа, а Париж от Мадрида. Также с этим расстоянием (шагом столиц) славянские столицы образуют два четырехугольника. Так, столицы Киев — С.-Петербург — Варшава — София — Киев образуют одну равностороннюю ячейку, а города София — Варшава — Христиания — Прага — София — другую славянскую ячейку. Чертежи этих двух великих клеток замкнутые. Таким образом, болгары, чехи, норвежцы, поляки жили и возникали, следуя разумному чертежу двух равносторонних косоугольных клеток с одной общей стороной. И в основе их существования, их жизни, их государств лежит все тот же стройный чертеж. Не дикая быль, а силы земли построили эти города, воздвигли дворцы. Не следует ли искать новые законы их постижения? Людскому порядку не присуща эта точность, достойная глаз Лобачевского. Верховные силы вызвали к жизни эти города, расходясь многоугольником сил* [Хлебников, 2008: 218].

В основе этой поэтической мифологии столичности лежит представление о *естественности* столиц, с одной стороны, и представление о магическом совпадении расстояний между новыми и старыми столицами, с другой. Подобно тому как трагедия рождается из духа музыки, новые столицы рождаются из духа математической гармонии. Романтическое предположение о симметричности новых и старых столиц предопределило необходимость нумерологических просчетов и калькуляций исторического коэффициента отклонений от стандарта расстояний между ними [Патраков, 2008].

Двойник Патракова, Олег Доброчеев, директор центра прогнозов Института экономических стратегий, в не менее спекулятивном ключе пытается установить уже не пространственные константы, а временные, между «пассионарными циклами турбулентности», которые ведут к возникновению новых столиц государства. В случае России такой цикл оказывается равным 320 годам [Доброчеев, 2000; 2012].

Историк Москвы Рахматуллин видит своего рода знамение и подсказку в анаграмматическом чтении

названия города Севастополь (*всесвят*), которое в его понимании должно быть прочитано как анаграмма святого характера этого города [Рахматуллин, 2004]. Различные прогнозы по месту и времени смены столицы также давали известные астрологи — Владимир Ледовский и Павел Глоба. Первый говорил в связи с этим о Бологое, второй — о Нижнем Новгороде.

Эти странные идеи окрашивают дебаты в иррациональные тона и дискредитируют сам спор и саму идею смены столицы. Однако святое семейство подобных методологий, конечно, заслуживающее место скорее в курсе российской культурной антропологии или кунсткамере идей, чем урбанистики, интересны не только в качестве курьезов и любопытных интеллектуальных казусов. Эти пестрые и порой забавные аргументы указывают на резонанс и широкий интерес к этой теме со стороны разных слоев населения, озабоченность ею в разнообразной социальной среде, на интеллектуальную многоукладность, присущую дискуссии и постсоветскому духовному пространству в целом. Они указывают также на многообразие ментальных образов мира, в том числе и весьма архаичных, которые находят свое воплощение в этой дискуссии и которая через них — и в некотором смысле благодаря им — приобретает более общенародный характер.

В некоторых изводах этих дебатов — особенно в позиции консервативных критиков переноса — обнажаются также традиции политического мышления, укорененные в определенной школе консервативно-охранительной русской мысли. Это мышление пронизано и парализовано идеями монизма и единого центра и неприятием дуализма. Важный момент, который характеризует такое восприятие идеи столичности, связан с властецентрическими концепциями государственности. Столица предстает в такого рода консервативных концепциях не как политический институт, а как особого рода персонификация идеи власти как таковой. В таком понимании столичный

город представляет образ власти, санкционированной свыше, легитимность которой определяется не волей народа и не рациональным решением, а судьбой и избранностью. Главными характеристиками такой власти становятся единоначалие, централизация и иерархичность. При таком видении власти любая попытка дистанцироваться от старых центров воспринимается как проявление нелояльности. Верность такой власти тождественна верности столице, которая становится своего рода религиозным фетишем.

Некоторые из вышеперечисленных аргументов противников смены столицы требуют специального и более подробного обсуждения.

III. *Критерии оценок и возражения критикам*

РАЗБОР НЕСКОЛЬКИХ ПОПУЛЯРНЫХ ВОЗРАЖЕНИЙ

Здесь уместно высказать несколько предварительных соображений, преимущественно критического характера в отношении уже существующих проектов и дискуссий. Некоторые из обсуждаемых аргументов кажутся наиболее принципиальными и убедительными: тяжелое финансовое бремя переноса столицы, коррупционность страны и наличие альтернативных способов децентрализации. Попробуем рассмотреть эти аргументы и несколько сомнительных или весьма спорных посылок, которые лежат в их основе, более детально.

Финансовый аргумент

Существует несколько оценок стоимости проекта переноса столицы в России. В свое время мэр Лужков ссылался на цифру в 150 миллиардов долларов (дело было в 2002-м). В недавнем выступлении экономист Иосиф Дискин, член Общественной Палаты и сопредседатель Совета по национальной стратегии, уже сослался на цифру 300 миллиардов долларов. Зубаревич назвала цифру примерно в 8–9% бюджета в течение нескольких лет [Зубаревич, 2011].

Помимо того, что эти цифры пока ничем не подкреплены и приведенные данные из других стран позволяют говорить о не столь высокой цене (см. табл. 10, где стоимость новых столиц соотносится с валовым национальным продуктом тех стран, где они были осуществелены), в аргументе заложено несколько важных посылок.

Во-первых, сам этот аргумент предполагает, что источником всей или большей части обозначенных сумм должны стать средства госбюджета, для которого она неподъемна. Во-вторых, здесь неявно предполагается расходный характер этой статьи. В-третьих, цитируемые конкретные цифры задают особый масштаб и сообщают конкретный характер новой столице, — стандарты комфортов, тип архитектуры, размер и тому подобное, — который не обязательно соответствует представлениям, которые могли иметь в виду авторы концепций переноса столицы.

Все три эти презумпции кажутся ошибочными и нуждающимися в серьезных оговорках и квалификациях.

Проект перемещения не относится к расходным статьям бюджета — противоположное мнение является одной из наиболее частых ошибок в дискуссиях о переносе столицы. При всем законном недоверии к экономике мегапроектов, критики этого проекта часто преувеличивают реальные затраты и говорят о соответствующих мероприятиях так, словно речь идет о строительстве какого-то огромного развлекательного учреждения, а не о строительстве новых публичных пространств, общественных зданий, жилых домов, мостов, дорог, эстакад, транспортных узлов, развязок, новых символов государственности, а также нового этоса и новых социальных институтов, которые, конечно, абсурдно относить к чисто расходным статьям. Перенос необходимо рассматривать *не в качестве очередной расходной статьи, а в качестве инвестиции и капитального проекта*, который кроме всего прочего имеет внутренний ресурс финансирования.

При условии, что бюджет переноса не будет хищнически и бесконтрольно разворован, экономическая эффективность этого проекта в долгосрочной перспективе не будет уступать его политической важности, а возможно и значительно ее превзойдет (последняя, впрочем, вообще вряд ли поддается ко-

личественному учету). Москва многократно увеличивает себестоимость и делает нерентабельными самые элементарные бизнес-проекты и бизнес-модели, которые легко работают в других городах. Это значительно затрудняет возникновение новых предприятий и создание новых рабочих мест. Свежие возможности, современная инфраструктура и невысокая стоимость недвижимости в новой столице, вероятно, привлекут туда пассионариев и дадут толчок новому витку социальной мобильности.

На основе анализа мирового опыта здесь можно упомянуть, по крайней мере, несколько возможностей финансирования.

В числе не самых желательных, но неизбежных последствий переноса столицы окажется и передислокация в новую столицу большого числа крупных бизнесов, которые привлекут в новый город значительные инвестиции, что можно видеть на примере практически всех международных прецендентов (Малайзии, Казахстана, Бразилии и других стран). С целью привлечения дополнительных средств может быть также использована стимулирующая инвестиции налоговая политика. В период затяжного финансового кризиса такой публичный проект в духе кейнсианской экономической модели дал бы дополнительные стимулы российской экономике (и такие прецеденты уже существуют в экономических практиках других стран).

Административные здания в Москве также может быть выгодно продана частному бизнесу. Дополнительной возможностью является залоговый принцип обеспечения финансирования строительства, когда город расплачивается продажей освобождаемой недвижимости.

Перенос столицы может также стать поводом для значительного сокращения расходов на содержание огромной армии чиновников за счет понижения стоимости ее содержания и сокращения кадрового состава министерств и ведомств.

В этом плане дополнительные преимущества России дает и многообразный опыт других государств, в том числе, и не в последнюю очередь, их отрицательный опыт. Уже сегодня мы можем идентифицировать лучшие практики в области переноса столиц, оптимальные сроки и параметры, состав команд, наиболее эффективные юридические мероприятия, политические стратегии и тому подобные меры и показатели.

Помимо этого в самом бюджете Москвы существуют серьезные резервы, которые можно использовать для этого проекта. Со времен Юрия Лужкова в московском бюджете сохранились проблематичные и удивительные статьи расходов, перечисленные нами ранее, которые по международным меркам выглядят весьма экстравагантно. Эти средства, кажущиеся явным излишеством на фоне бюджетов регионов, без заметного ущерба для Москвы можно было бы перенаправить на более приоритетный национальный проект.

Кроме того, критики переноса по-видимому не всегда учитывают, что *поддержание статус-кво отнюдь не является бесплатным*. Существующие тактические планы поддержания порядка и перепланировки разрастающейся во все стороны Москвы чрезвычайно дорогие. Например, последний Генплан, который, по признанию самих авторов, даже не ставит задач приведения города в соответствие с минимальными критериями и нормативами европейских городов, предусматривает выделение 3 миллиардов долларов на реструктуризацию. На расширение транспортного кольца уже было потрачено около 4 миллиардов долларов. Эти суммы уже вполне сопоставимы с суммами, потраченными на весь проект во многих странах, или даже превосходят их (см. табл. 7). Стоимость необходимой широкомасштабной и настоящей реконструкции Москвы, несомненно, будет сопоставима или превзойдет стоимость строительства нового города, но такая реконструкция вряд ли сможет решить острые проблемы общенационального строительства, стоящие перед страной.

Диспуты в российской периодике также показывают, что участники дискуссии часто имплицитно имеют в виду под новой столицей какой-то грандиозный и дорогой город, соответствующий, вероятно, в их представлении национальной гордости великоросса. На мой взгляд, речь ни в коем случае не должна идти о строительстве какого-то нового Версаля, или города будущего с помпезными циклопическими зданиями или двойника Москвы. Это должен быть респектабельный и построенный «на вырост», но достаточно скромный город, соразмерный ВНП, конструктивно приспособленный для исполнения столичных функций. В такой интерпретации построение новой столицы должно вызывать меньше возражений критиков, настаивающих на дефиците бюджета.

На ложность финансового аргумента косвенно указывает и то, что на этот шаг сочли возможным пойти десятки государств, никак не превосходившие Россию по уровню своих богатств. В том числе и совсем бедные государства в африканских странах.

В общем и целом финансовый аргумент против переноса столицы — вне зависимости от чисто экономических возражений, которые были приведены выше, — напоминает ситуацию тяжелобольного человека, который отказывается от курса лечения, ссылаясь на дороговизну лекарств. Поэтому ссылки на высокую стоимость следует оставить в качестве аргумента против этого стратегически значимого проекта как несостоятельные.

Арифметический аргумент

Один из аргументов, эксплицитно или имплицитно присутствующий в дискуссии, сводится к тому, что от перестановки мест слагаемых сумма не меняется. Этот аргумент часто резюмируется словами басни Крылова: «А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не го-

дитесь». С точки зрения этих критиков, смена столицы будет только воспроизводить и дублировать родимые пятна и недостатки старой системы на новом месте.

В действительности внимательное изучение проблемы приматности показывает, что перемена мест способна оказывать самое непосредственное влияние на политическую и экономическую ситуации в стране в целом. В новой сумме есть приращение нового качества, так как *расположение* в отличие от математических обьектов является одним из слагаемых общей суммы, и его — то есть географию, никак нельзя принимать за нулевую величину. Математический аргумент указывает на непонимание этих базовых факторов — географического и символического.

Кроме того, речь во многих случаях идет о строительстве абсолютно нового спланированного города, который привносит совершенно новое качество в уравнение. По сути дела сама политическая архитектура России является важнейшим социальным институтом, который позволяет организовать социальные практики и финансовые потоки определенным образом. В контексте новых отношений между экономическими и политическими центрами многие вопросы будут ставиться принципиально иначе.

На наш взгляд, другая ошибка в этом рассуждении состоит в том, что смена столицы мыслится здесь как единичное механическое мероприятие, вырванное из контекста различных стратегий развития страны, которые мы обсудили. Вне последовательной стратегии развития, включающей в себя множество компонентов, или в контексте развития по сценарию отчужденной столицы, перенос, безусловно, может стать просто перестановкой слагаемых.

Коррупционный аргумент

Критики идеи переноса справедливо обращают внимание на то, что в существующей атмосфере тотальной

коррупции существует почти стопроцентная вероятность, что большая часть фондов от такого широкомасштабного проекта может быть самым вульгарным образом разворована чиновниками. Формат любого без исключения мегапроекта несказанно повышает риски расхищения средств в коррумпированной среде. Вероятно, пессимистический вариант такого сценария уже был заложен Лужковым и Дискиным в их мрачных многомиллиардных прогнозах (к сожалению, они не расшифровали компоненты и составляющие этой предполагаемой суммы) (см. табл. 4).

Коррупционный аргумент является, на взгляд автора, наиболее сильным и существенным аргументом против переноса столицы, как, впрочем, и против любого крупного проекта, осуществляемого под эгидой коррупционной власти. Масштаб российской коррупции действительно таков, что он может погубить самый здравый и реалистичный проект.

Например, стоимость прокладки одного километра дороги в России обходится в 17,6 миллиона долларов. В США аналогичный показатель составляет 5,9 миллиона, в ЕС — 6,9 миллиона, в Китае — 2,2 миллиона. Получается, что российские дороги дороже американских почти в 3 раза, европейских — в 2,5 раза, китайских — в 8 раз. В то же время в странах с близким России климатом — и климатические условия, безусловно, оказывают влияние на стоимость, — таких как Финляндия или Канада, дороги все равно оказываются гораздо дешевле, несмотря на большую разницу в стоимости рабочей силы. Финские автотрассы стоят меньше российских в 3,5–6 раз, а канадские — в 2,5–7 раз (Институт экономики города, 2010). Если исходить из этих показателей, а также сделать большую скидку на нерациональную организацию строительства и труда, то коррупционная наценка в России составляет, по-видимому, не менее 100–200%.

Такая ситуация, безусловно, является главным препятствием для самой постановки вопроса о переносе

столицы. Эффективность любого проекта, в том числе и реорганизация урбанистической сети, определяется прежде всего эффективностью политического режима, который его осуществляет. Коррупционный аргумент не специфичен для идеи переноса столицы и потому не имеет абсолютного смысла. Примеры таких стран как Сингапур и Грузия указывают на возможности борьбы с коррупцией в относительно короткие сроки. Можно только надеяться, что если в будущем к власти в стране придет более национально-ориентированное правительство, то коррупционную составляющую и коррупционные риски, которые существуют и в гораздо более демократических режимах, удастся минимизировать. Для этого, безусловно, потребуются, экстраординарные и систематические антикоррупционные мероприятия.

Следует также подчеркнуть, что коррупционный «налог» уже включается во всю систему ценообразования на территории Российской Федерации, но никто не предлагает на этом основании заморозить всю повседневную экономическую жизнь граждан и все существующие строительные проекты — в том числе строительство дорог, мостов, реставрацию зданий, включая другие мегапроекты, где коррупционная составляющая также чрезвычайно высока (см. табл. 7). Предотвращение коррупционного фактора поэтому следует рассматривать в качестве *отдельной* и уже очень давно остро стоящей на повестке дня задачей, с решением которой связаны не только гигантские проекты, но и сама повседневная жизнь. Фундаментальная целесообразность проекта переноса столицы, если он будет признан *жизненно важным* для решения других национальных задач, не может быть поставлена под сомнение только из-за коррупционного аргумента. Финансовая защита бюджета в этом случае, возможно, потребует особой организации: например, она может быть поставлена под прямой контроль между-

народных организаций и осуществляться с помощью привлечения зарубежных строительных концернов. Возможно тогда вышеназванные оценки стоимости переноса, явно уже учитывающие коррупцию, удастся скорректировать.

Коррупционность также создает круг в обсуждении этого вопроса. Перенос столицы, который призван отчасти оздоровить моральную атмосферу страны, разделить чиновников и бизнес и тем самым разрушить почву, которая является питательной средой коррупции, сам не может осуществиться внутри этой замкнутой на коррупцию системы.

Аргумент о естественном развитии регионов

Некоторые критики, например, Олег Вите, бывший эксперт Фондов эффективной политики и Законодательных Инициатив, высказал мнение, что в России естественным образом уже давно идут процессы регионализации и квалифицировал всякие разговоры о переносе как свидетельство некомпетентности авторов этих идей [Вите, 2010].

Цифры, однако, никак не подтверждают регионализации и не обнаруживают текущих процессов децентрализации, указывая лишь на небольшое укрупнение некоторых близких к ресурсам региональных центров. До сих пор не было заметно также тенденций переезда крупных бизнесов в регионы или на периферию.

По итогам переписи 2010 года, коэффициент общего прироста населения столицы составил 6,7% против 5,1% в 2009 году. В нулевые годы столичный регион стабильно растет на 100–130 тысяч человек в год за счет межрегиональных мигрантов. Из 83 субъектов Российской Федерации 70 на протяжении последних 10 лет являются убыточными. Сюда входят, например, даже такие регионы как Якутия с ее алмазами, нефтью и газом, Оренбургская область — с крупней-

шим в России газоконденсатным месторождением, великолепными урожаями хлеба и сохранившимися машиностроением и оборонной промышленностью. За последние 8 лет количество городов-миллионеров снизилось на один (из 13 осталось 12). Но при этом многие города, чтобы сохранить свой «миллионный» статус, вынуждены были присоединить окрестные территории (как произошло в Волгограде). При этом во многих регионах с убывающим населением скорость этого убывания увеличилась по сравнению с 2009 годом [ТТП-Информ, 2012].

Косвенным свидетельством процессов дерегионализации могут служить и цифры, связанные с авиаперевозками. Только 10% внутренних авиаперевозок не происходит через Москву или Санкт-Петербург [Андреева, 2012]. С 1996 по 2009 годы доля аэропортов Московского авиационного узла в общем объеме авиаперевозок на территории России выросла с 25 до 50%. Эти цифры приводятся в Федеральной программе «Развитие транспортной системы России на 2010–2015 годы». Если не подразумевать под регионализацией экономическую и культурную автаркию, то эти цифры свидетельствуют скорее об усилении роли центра. Мерой регионализации, на взгляд автора, является не просто рост местных банков и точечный рост предприятий, но национальная интеграция и рост связанности регионов в масштабах макрорегиональных экономических связей, которые отражаются и в системе коммуникаций. Поэтому описанные процессы и цифры вряд ли поддаются описанию в терминах регионализации.

В условиях ресурсной ренты, которая питает центр и поддерживается центром, остальным городам сложно поддерживать и формировать свою конкурентоспособную экономическую базу естественным путем. Естественные потенции для такого роста — рыночные законы, выключенные центром, или проведение независимой политики — весьма ограничены.

Следует также отметить, что предлагаемые альтернативные каналы децентрализации (деволюция, налоговые льготы и другие) действуют слишком долго и медленно и, как показывает международный опыт, не всегда приводят к желаемому результату. Огромные усилия Франции по децентрализации и деволюции, которые были начаты еще в 1960-е годы, дали определенные положительные сдвиги, но до сих пор не привели к решающим результатам [Keating, 1983]. Многие альтернативные способы децентрализации также чрезвычайно дорогостоящи и часто сопоставимы по своей стоимости со строительством нового столичного города (см. например, табл. 9, где представлен список нескольких относительно недавних мегапроектов, в том числе и проектов, связанных с реконструкцией Москвы, и оценка их стоимости).

В принципиальных уточнениях нуждается и применимость аргумента о естественном росте регионов к проблеме смены столицы. Он может служить подобным аргументом только в рамках стратегий децентрализации и равномерного экономического развития. Но наличие альтернативных форм децентрализации не может служить аргументом и заменить перенос столицы, если главными задачами такого переноса обьявляются национальное строительство, смена символов, федерализация и моральная реконструкция общества.

Совокупная инерционная сила описанных политических и экономических стихий, а также эффект колеи не дают надежды на то, что дисбаланс между центром и регионами может быть в обозримом будущем преодолен естественным путем, даже при условии активного содействия политического руководства. Тем не менее альтернативные способы децентрализации и государственные программы, предлагаемые различными авторами [Пряников, 2007; Ремчугов, 2011; Николаев, 2011; Дьячков, Иноземцев, 2012; Лаппо, 2002], безусловно, крайне важны и даже необходимы

в качестве дополнительных и вспомогательных мероприятий по оздоровлению урбанистической иерархии страны.

Представление об изоморфизме причин и следствий

С предыдущим аргументом часто логически связано представление об изоморфизме причин и следствий. Противники переноса столицы полагают, что так как существующая ситуация не была вызвана какой-то искусственной реорганизацией в области урбанистической структуры, то она не может быть и решена переносом столицы из Москвы [Королев, 2000]. Это представление имплицитно предполагает, что если причины, постоянно подпитывающие и воспроизводящие сверхцентрализацию (авторы редко уточняют, какой именно комплекс причин имеется в виду), будут устранены, то столица естественным образом рассосется, и люди уедут в провинциальные города.

Этот аргумент, однако, логически и практически проблематичен.

Физические патологии людей, как и прочие патологии, практически никогде не лечатся просто устранением непосредственной причины болезни. Нередко возвращение физиологических процессов в нормальное состояние требует различного рода дополнительных инвазивных процедур и прочих мер — от физиотерапии и смены образа жизни до хирургического вмешательства. При этом больной вовсе не обязательно возвращается в норму тем же путем, каким отклонился от нее. Так для человека, страдающего сутулостью или сколиозом — вовсе недостаточно *перестать сутулиться*. В деле выздоровления комплексы упражнений, иногда весьма радикальные — физиотерапия и расслабляющий массаж, никак не связанные с причиной заболевания, работают гораздо более эффектив-

но. То же самое, видимо, относится, хотя бы отчасти, к проблеме сверхцентрализации всех функций в одном городе и другим социальным недугам.

Презумпция баланса между географией и демографией

Многие аргументы также исходят из представления о необходимости баланса между географией и демографией, что предполагает перенос столицы в восточные регионы страны.

Однако в переносе столицы за пределы европейской части России — наиболее густозаселенной части страны и исторической цитадели российской государственности — нет никакой обьективной необходимости. Идея переброса столицы на восток исходит из ложного императива баланса между географией и демографией, «сбалансированности территории и управленческих ресурсов». Авторы таких аргументов исходят из того, что перенос столицы позволит перебросить большие массивы населения на восток страны.

Тем не менее следует отметить, что такой баланс нигде не является показателем или критерием эффективности и, вопреки мнениям некоторых участников дискуссии, не представляет собой уникального российского явления. Этот дисбаланс существует в таких странах как Дания (если учитывать Гренландию), Канада и Австралия, но никак не беспокоит датчан, канадцев и австралийцев и не препятствует высоким темпам роста и общему экономическому и социальному благосостоянию и развитию этих стран. Драматический дисбаланс демографии и экономики существует также в Китае, что не мешает Китаю показывать высочайшие показатели темпов экономического роста.

Но особенно важно здесь то, что в России в настоящий момент отсутствуют не только кадры, но и необходимые человеческие ресурсы для освоения огром-

ных пространств Сибири и Дальнего Востока, и такие ресурсы вряд ли появятся в ближайшее время. Климат Сибири и состояние инфраструктуры не позволяют говорить о миграции туда значительных массивов населения. Кроме того, учитывая реалистические потребности коммуникации и характер российской бюрократии, было бы опрометчиво располагать столицу в такой значительной пространственной удаленности от района компактного проживания основного населения страны. Следует учитывать также, — и это действительно важно, — что сама средняя полоса России еще не достаточно освоена в экономическом и культурном плане и во многих отношениях представляет собой экономическую и политическую целину.

Сосредоточенность всех важнейших функций в Москве как будто свидетельствует о недоосвоенности даже европейской части России. Освоение средней полосы, — хозяйственное, политическое и культурное, если подойти к делу серьезно, займет десятилетия. В запустении находится большинство городов в нечерноземной полосе, причем даже в областях непосредственно примыкающих к Москве. Стоит ли говорить о деревнях. 30 тысяч из почти 168 тысяч населенных пунктов в России до сих пор не имеют телефонной связи, а свыше 39 тысяч не имеют и жителей. Значительная часть этих населенных пунктов находится именно в средней полосе. 153 тысячи сельских поселений России — 13% вообще не имеют населения, а в 24% проживает меньше десяти человек. Только треть сельских поселений имеет более 100 жителей [Зубаревич, Косырева, 2012].

В такой ситуации освоение Сибири, Дальнего Востока и Арктики должно быть поставлено в реалистический контекст приоритетов территориального развития. Новая столица в европейской части (а возможно, даже две столицы, федеральная и национальная) могли бы несколько оживить этот регион, где отсутствуют необходимые природные ресурсы для развития добывающих отраслей экономики.

Презумпция общенационального экономического локомотива

Некоторые политики и журналисты также имплицитно исходят из какого-то особого нормативного понятия столицы. Предполагается, что функция, или одна из важнейших функций столицы, состоит в роли *катализатора общенациональной экономической активности*. Из такой презумпции, вероятно, исходит Юрий Крупнов и многие другие авторы, говоря о том, что Россия должна перенести столицу на Дальний Восток или в Сибирь, чтобы влиться в экономическую динамику тихоокеанского региона, стать ее органической частью и дать экономический толчок этим регионам.

Подобное нормативное понимание столицы кажется факультативным или устаревшим. Оно не подтверждается ни историческими формами существования столиц, ни их ролью в территориально крупных государственных образованиях. Для крупных государств, напротив, более характерны столицы, которые не играют слишком большой экономической роли. Логически совмещенная столичность вовсе не является ни необходимым, ни достаточным условием развития дальневосточного или любого другого региона страны. Столичный статус не может служить торпедой экономического роста, и главные задачи, стоящие перед эффективными столицами, не являются экономическими.

Социально-экономической подоплекой этих идей, вероятно, служат реалии постсоветской экономической жизни. Доля государства в российской экономике по-прежнему составляет более половины, что в полтора раза превосходит средние показатели других стран. *Государство также остается главным работодателем в стране*, и более половины всей российской занятости связано именно с государственной сферой в противоположность большинству других стран, где доля занятых в бюджетной сфере гораздо ниже. Согласно данным, которые приводит Татьяна Илларио-

нова, генеральный директор Института энергии знаний, спектр бюджетной занятости в других странах располагается в диапазоне между 33% в Норвегии и 8% в Японии [Илларионова, 2011]. Это *фактическое* положение вещей, видимо, находит свое выражение и в *нормативном* представлении о столице как локомотиве экономического роста, потому что в отсутствие производящей экономики государство остается главной индустрией всей страны.

Идея естественного центра

Одной из презумпций для многих участников дискуссии является идея *естественного центра* страны и представление о том, что центр в виде столицы не выбирается, а находится или обнаруживается. Представление это весьма спорное, поскольку идея столицы как символа целого является продуктом географического воображения и существует не один, а множество вполне *естественных* центров страны (геометрических, динамических и прочих).

Сама концепция столицы является социальной конструкцией, и иллюзии по поводу единственного естественного центра затемняют смысл дискуссии, привнося в нее историософские и спекулятивные элементы, которые невозможно обсуждать рационально. В России существуют, на взгляд автора, десятки мест, великолепно подходящих для выполнения столичных функций.

Сама естественность центра в Москве, например, в виде колпака московской транспортной системы, надетого на российские пространства, кажется как раз чрезвычайно искусственной. Москва неоднократно описывалась разными авторами в качественно именно естественного центра. Располагаясь в междуречье Оки и Волги, между Тверью и Серпуховым, Москва часто рассматривалась как город, находящийся в центре русской равнины между Белым и Черным морями, Уралом и Карпатами. Центральность, описанная в таких категориях, тем не менее, является феноменом лишь условным и исторически преходящим.

Идее о естественном центре часто сопутствует представление о приоритетности политического центра в социальной жизни государства. Однако междисциплинарные исследования центральности постоянно указывают как раз на *множество центров* государств. Они учитывают различные демографические, социальные, экономические, индустриальные и прочие параметры или их соотношение. Эти параметры уравновешивают и балансируют друг относительно друга, свидетельствуя о плюральности критериев и субъективностях в выборе центрального положения [Neal, 2011].

Идея геометрического центра страны в качестве места локализации столицы далеко не для всех является особенно убедительной и привлекательной, хотя иногда и всплывает в дискуссиях, главным образом в контексте спора в борьбе за первенство между Новосибирском и Красноярском.

Известно, что такой геометрический центр Российской империи, если иметь в виду только западно-восточный размах страны, находился в Тюменском крае, центр СССР — в Томской области, центр современной РФ находится на юге Эвенкии (Красноярский край).

Следует заметить, что существуют более сложные перспективы анализа и научные методологии подсчетов, дающие значимые ориентиры для понимания устройства пространства России и его многочисленных центров.

Представляют интерес, например, вычисления многообразных центров России на основе *центрографии*, о которой мы кратко упомянули в разделе о методах и парадигмах анализа урбанистических иерархий и оценках размещения столиц, хотя сам этот термин не всегда используется авторами статей. Определенный вес и значение приобретают и *социографические* подсчеты, имеющие ввиду картографирование пространства не только применительно к территориям, но и к населяющим их людям.

Одним из пионеров центрографии был, как мы уже отмечали, Дмитирий Менделеев [Менделеев, 2002]. В дальнейшем она получила развитие в работах его российских учеников и последователей, в частности

экономгеографов Владимира Святловского (1869–1927), Владимира Дена (1867–1933) и Вениамина Семенова-Тян-Шанского (1870–1942), сына знаменитого географа [Семенов-Тян-Шанский, 1989]. В 1934 году центрография была обьявлена буржуазной фашистской лженаукой наряду с кибернетикой и генетикой [Светляковский, Иллс, 1989].

Центрография занимается установлением *взвешенных центров*, которые фиксируют демографические, экономические или отраслевые концентрации (например, всего населения страны, городского населения или населения крупных городов). Центрографические методы используются также для анализа пространственных моделей глобальной экономики. Так, согласно курьезному расчету фирмы McKinsey Consulting, *глобальный* экономический центр, взвешенный на основании ВНП всех стран мира, находится в России.

Согласно расчетам Института Географии, демографически и экономически взвешенный центр России находится в настоящее время на территории Башкортостана [Полян, Нефедова, Трейвиш, 2001: 464; Шакиев, 2005]. Центрографические центры современной России, а также их историческая динамика движения отражена на рис. 3 и 4.

Казанский блоггер Аскарио подсчитал и опубликовал таблицы своих рассчетов *центра тяжести* населения России, а также *точки Ферма* территории России. Первая представляет собой центр массы населения России, а вторая — точку равноудаленную от всех региональных центров с учетом количества населения. Его методология вычисления не была специально построена для обоснования переноса столицы в эти центры, но автор указывает и на такое использование его таблицы в качестве одной из возможностей. Он замечает, что пребывание в данной точке столицы или другой организации дает «максимальную экономию времени и топлива в масштабах всей страны, если жители РФ одинаково часто ездят в данную точку». Он также подробно описывает допущения и методологию своих подсчетов [Аскарио, 2009].

Результаты его вычислений таковы:

> *«Центр тяжести» населения РФ находится где-то на границе Удмуртии и Пермского края, ориентировочно в Камбарке. Наиболее близкими региональными центрами к этой точке являются Ижевск, Пермь и Уфа. «Точка Ферма» населения РФ находится в Чувашии, где-то между Вурнарами и Канашем. Наиболее близкими к этой точке региональными центрами являются Чебоксары, Казань, Йошкар-Ола и Ульяновск* [Аскарио, 2009].

Подобные подсчеты и парадигмы анализа, безусловно, могут служить важными ориентирами или дополнительными соображениями, которые могли бы в определенных случаях подкреплять принятие решений о переносе столицы, хотя, конечно, они не могут служить главными его основаниями.

Идея распределения столичных функций

Некоторые исследователи, которых мы упоминали, считают распределение столичных функций между городами гарантом равного участия различных регионов в управлении страной. Поэтому наиболее перспективной им кажется идея *распределенной столицы* как той формы локализации правительственных функций, которая позволит сделать регионы реальными участниками политического процесса и максимизирует количество участников или агентов власти [Градировский, Переслегин, 2003; Гальченко, 2004; Можегов, 2006; Вишневский, 2009; Тарло, 2011]. Идея футуристического линейного города также имплицитно предполагает такую форму организации.

На мой взгляд, посылки к этой идее не вполне подходят для гетерогенных государств больших территориальных размеров и не достаточно учитывают требования и условия политического управления в таких странах. Распределение функций не обеспечивает равного участия регионов в управлении, так как даже при

самом широком и равномерном их разнесении только немногие из 83 субъектов РФ смогут получить некоторые столичные прерогативы.

Кроме того, пространственное разнесение функций по огромной территории не обязательно приводит к децентрализации самой власти, хотя в некоторых случаях может служить ее предпосылкой. Такая организация неизбежно влечет за собой опасность контроля над определенными функциями государства со стороны отдельных регионов, в которых эти функции локализованы. По сути дела, в этом рассуждении происходит некритический перенос опыта небольших и компактных стран, таких как Швейцария, Южная Африка или Боливия, где такое разнесение функций имеет смысл в силу их размеров и особых традиций, на концепцию управления в огромной стране. Средневековые государства Дальнего Востока — Бохай, государство киданей и государство Ляо, где исторически было по пять столиц — также были сравнительно небольшими государствами [Воробьев, 1968].

Распределение столичных полномочий сулит не только большие расходы на коммуникацию и деловые поездки чиновников, но, безусловно, будет создавать серьезные препятствия в оперативной деятельности государственного аппарата. Кроме того, существуют агломерационные и синергетические эффекты, связанные с функционированием правительственного аппарата, взаимодействием различных ветвей и органов государственной власти, использованием ими общей правительственной инфраструктуры и вспомогательных служб.

В идее распределенной столицы, на мой взгляд, наиболее отчетливо чувствуется не вполне отрефлектированная тоска по федеративному устройству. В условиях России речь должна идти, однако, скорее о распределении некоторых государственных служб по территории страны. В числе таких мероприятий может быть, например, разнесение некоторых федераль-

ных функций — налоговых ведомств, управления полицией или агенств новостей. Примером такого рода может служить недавний перевод всего штата сотрудников BBC в Великобритании из Лондона в Салфорд в северо-западной Англии.

Нейтральность власти обеспечивается не распределением функций между городами, а системой институтов, законодательством, внедрением реальных федеративных принципов и созданием столичного округа.

Антиавторитарный аргумент

Некоторые критики считают, что сама идея переноса имманентно таит в себе презумпции авторитаризма или даже империализма. Она выдает инерционную тоску публики по решению вопросов сверху, а также тенденцию к переводу экономических вопросов в политическую плоскость за счет достижения близости к власти.

Географ Надежда Замятина говорит об этом так: «Перенос столицы из крупнейшего города в иной *приличный* город — инструмент из имперского *ящика*» [Замятина, 2012].

В том же ключе политический философ Николай Розов пишет:

> *Упования на магию переноса столицы (вновь муссируемые на политологических тусовках и в публикациях) есть не более чем рецидив центрально-распределительного имперского сознания* [Розов, 2006].

Однако как мы могли видеть на основе анализа современных международных практик, *очень немногие* из них мотивированы имперскими причинами и амбициями, а *большая часть носит явный и подчеркнутый антиимперский характер* как по отношению к собственному имперскому прошлому (Анкара в Турции), так и в смысле освобожнения от имперского наследия стран-колонизаторов. Вряд ли это суждение Розова

основано хотя бы на каком-то минимально представительном анализе российских дебатов, где удельный вес имперских проектов, конечно, гораздо выше, но где, как мы могли убедиться, существует множество проектов, никак не связанных ни с империализмом, ни с пароксизмами распределительства. По той же логике, можно было бы назвать критику православия рецидивом большевизма, увлечение искусством мультипликации или компьютерными играми — рецидивом инфантилизма, а интерес к иконам и литургическому пению — рецидивом средневекового мракобесия и великодержавного русского шовинизма. Кроме того, хорошо известно, что, например, во всех без исключения англосаксонских странах перенос столицы происходил без всякой тени авторитаризма и никак не был связан с перераспределением собственности.

Вряд ли продуктивен и тон пассажа, к сожалению, довольно типичный для некоторых российских дебатов: безапелляционные и бездоказательные суждения наотмашь, попытки выведения позиции оппонента напрямую из его или ее политических взглядов, выражение неуважения к коллегам, праздно *муссирующим* незаслуживающие внимания пустые вопросы в *тусовках.* Коллеги и оппоненты, конечно, не всегда заслуживают уважения, но когда это неуважение совмещается с бездоказательностью, оно приобретает несколько иное качество.

Если же смягчить тезис Розова до утверждения, что идеи переноса столицы часто осуществлялись авторитарными лидерами, что упования публики на переносы столиц нередко имеют в виду неоправданную веру населения в магию центральной власти, что патология (перекошенная в центр система) и способ лечения имеют своим источником тот же порок, что и болезнь, то с ним вполне можно согласиться.

Тем не менее в этой последней формулировке тезис об имманентной авторитарности концепции переноса будет лишен универсальности, на которую он претендует.

Кроме того, вера в централизм власти и сокровища из имперского ящика гораздо сильнее артикулирована как раз в аргументах консервативных и некоторых либеральных противников переноса столицы. Именно им кажется, что если Россия лишится своего солнца в лице Москвы, то регионы как планеты этой солнечной системы потеряют свои орбиты и неизбежно собьются со своего строго очерченного и дозированного Москвой курса. Именно такой смутный страх закодирован в их аргументах, иногда пробивающихся наружу.

Естественно, вопрос о необходимости новой столицы не решается конкурсом аргументов или какой-то логической казуистикой. Необходимость создания новой столицы не является просто абстрактным логически необходимым выводом из суммы определенных обстоятельств (новые столицы сами по себе не создают наций). Предпосылкой возникновения этой идеи является целый комплекс причин, связанных с идентичностью наций, их созреванием и мерой осознания своих проблем. Тем важнее подчеркнуть, что сами приведенные и часто озвучиваемые абстрактно-теоретические возражения против *уже существующих проектов, обсуждение которых приобретает все больший резонанс в обществе,* и попытки стигматизировать их уже на уровне идеи часто построены на логических или фактических ошибках и что не существует каких-то непреодолимых препятствий к осуществлению этой идеи и с логической или теоретической стороны.

ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ И ТРИ ПЕРЕХОДА

Проведенный анализ мирового опыта и российских дискуссий позволяет подойти к вопросу о переносе не как к экстравагантной идее, а как к насущному шагу, способному открыть новые возможности для государственного и национального строительства. Хотя перенос столицы далеко не всегда может служить решением

социальных и экономических проблем, специфически российский контекст предоставляет достаточно *уникальные возможности*, которые могут дать новый импульс проведению ряда других реформ. В связи с этим, на мой взгляд, можно говорить по крайней мере *о четырех разных контекстах*, которые делают перенос столицы в другой город перспективным политическим и экономическим планом, который вписывается в уже сформулированные цели и программы социально-политических преобразований.

Такой проект прекрасно согласуется в частности с программой реформ, заявленной еще в начале 1990-х годов. Эта уже полузабытая программа имела в виду *три перехода* — переход от плановой административно-командной экономики к рынку, переход от империи к нации и переход от авторитарных политических форм к демократии (В. Найшуль). Перенос столицы мог бы стать важным элементов на всех трех из этих фронтов. По своей направленности это также могло бы способствовать решению ряда сопутствующих проблем, выделенных в программах реформаторов. Их можно обозначить как дополнительные переходы: от администрирования к политике, от провинций — к регионам, от урбанизации — к полноценной сети городов, от вертикальной иерархии — к экономически интегрированной сети автономных центров. На сегодняшний день можно признать с большими оговорками, что только один из этих переходов — переход к рыночной экономике — действительно осуществился.

Демократическая сторона этого проекта будет состоять в том, что будут демократизированы отношения между субъектами федерации. По всеобщему признанию, сверхцентрализация усиливает авторитарные тенденции руководства страной, создавая преимущества для одного из членов федерации. Создание политической архитектуры принципиально нового типа является императивом демократического развития. Разделение политических и экономических центров, в

том числе и пространственное, может служить своего рода топологическим выражением идеи разделения властей. Политические институты в целом напрямую связаны с пространственной организацией государства: наличие социально и экономически привилегированных точек пространства подрывает идею демократии.

Рыночная составляющая реформ будет упрочена пространственным разделением центра бизнеса и центра власти. Рентные доходы и способ их распределения выводят огромные индустрии из сферы действия рыночных законов. Сверхконцентрация ресурсов в Москве, определенная политическими факторами, подрывает конкурентоспособность других городов и регионов в соревновании за ресурсы и человеческий капитал. Сопутствующие преимущества нового проекта будут включать в себя диффузию инноваций и создание нового уровня социальной мобильности для населения страны, который будет способствовать ротации кадров не только с периферии в центр, но и обратно. Таким образом, переезд столицы из Москвы в другой город мог бы стать *принципиальной частью стратегии* не только территориального и политического, но и экономического развития нации.

Антиимперская составляющая этого проекта будет связана с деконструкцией старых имперских символов и акцентацией национальных смыслов и символов в новой столице. Московоцентризм создает проблемы связи регионов с центром, проблемы идентичности и единства страны, и делает прочнее имперский каркас российской государственности. В этих обстоятельствах смена столицы могла бы создать предпосылки для более здоровой федералистской системы институтов, чем способствовала бы переходу от империи к федеративной нации.

Таким образом, вопрос о переносе столицы — часть вопроса о политических реформах в стране и заявка на фундаментальные политические изменения. Он го-

товит почву для уже намеченных фундаментальных *институциональных* изменений. Безусловно, было бы наивным считать, что перенос столицы *сам по себе* мог бы автоматически привести к подобным изменениям. Пространственная организация страны, а также размер и уровень функциональной нагрузки на столичный город, могут способствовать или противодействовать определенным формам политической организации общества. Иными словами, изменение пространственной организации страны и выбор столицы могут служить *предпосылкой* реформ по децентрализации *в контексте определенных стратегий развития*, но не могут быть эффективными в качестве единичных, автономных и одномоментных мероприятий.

Исправление изьянов и деформаций урбанистической иерархии России (переход от жесткой и непропорциональной урбанистической иерархии к комплиментарной сети городов) представляет собой, таким образом, необходимый *четвертый столп реформ*, который естественным образом дополняет три другие перехода. Доминантность Москвы является одной из препятствий к проведению политической реформы и появлению независимых политических партий, а также возможности конкуренции других городов и регионов России за ресурсы и трудовые резервы. Если все эти изменения окажутся осуществленными, то можно будет осуществить несколько других весьма важных переходов — от администрирования к политике, от национальной риторики — к созданию и оформлению политической нации, от провинций и окраин — к формированию национальных регионов.

Кроме того, передозировка функций и сверхконцентрация ресурсов, безусловно, вредна и для развития самой Москвы. Город давно не справляется со своей многофункциональной ролью — ни с ролью столицы, ни с ролью экономически эффективного мегаполиса. Уже при существующем уровне концентрации населения, даже если предположить, что рост города при-

остановится, здесь чрезвычайно трудно поддерживать должный уровень инфраструктуры и качества жизни. Проблематичным в этих условиях является и развитие города, в том числе и в качестсве туристического центра, естественного для городов с такой богатой историей и культурной значимостью.

Говоря более конкретно, Москва не отвечает критериям эффективности столицы, которые мы обсудили в первой главе книги — политическим, экономическим и символическим, а также не вполне подходит для осуществления задач национального строительства. И эту эффективность сложно, почти невозможно восстановить или активизировать в самой Москве в силу структурных характеристик самого города, в том числе непропорционально высоких расходов на поддержание или широкомасштабную реконструкцию.

Обсудим кратко эти критерии эффективности в применении к Москве.

ЧЕТЫРЕ ФАКТОРА НЕАДЕКВАТНОСТИ МОСКВЫ В КАЧЕСТВЕ СТОЛИЦЫ

1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ: ОСОБАЯ НЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗОНА

Москва только в силу своего веса внутри урбанистической иерархии, особенно с учетом размеров страны, не может быть экономически эффективна в масштабах развития экономики всего государства. Неэффективность Москвы связана, во-первых, с ее собственной экономикой и, во-вторых, с неэффективностью самого сочетания в Москве характеристик приматного города и столицы, что ведет к высоким издержкам для всей национальной экономики.

Здесь мы лишь воспроизведем некоторые выводы из раздела о пространственной экономике и приматных городах. Эти теоретические положения являются достаточно абстрактными, будучи, как и во всякой

экономической теории, построены на несколько идеализированных моделях. Попытаемся переформулировать их в отношении к Москве.

Москва является классическим примером приматного города, то есть города, который превосходит все остальные города страны, одновременно являющегося еще и столицей, что значительно усиливает ее приматность.

Будучи *чрезвычайно коррумпированной страной*, Россия предоставляет своему столичному городу такой размер столичной ренты положения, который выводит из строя действие базовых экономических законов. Близость к власти создает настолько сильное притяжение к Москве и настолько сильные стимулы — в виде близости к власти, возможностей лоббирования, участия в разделе сфер влияния, принятии решений, осведомленности и возможности влияния на принятие законов — что бизнесы готовы пренебречь своими возможными преимуществами на периферии, для того, чтобы сохранить столичное присутствие. В результате она превращается в *особую неэкономическую зону*, — в противоположность экономическим зонам в Китае, — то есть, зону, где перестают действовать экономические законы.

Будучи *городом, построенным на извлечении доходов из ресурсного сектора экономики*, Москва не дает шансов для полноценного и равного участия в бизнесе в городе многим видам деловой активности, которые не связаны с ресурсной рентой. При этом ресурсная рента не является имманентной частью собственно городской экономической деятельности, а является следствием столичного статуса города. Будучи главной точкой *перераспределения* рентных доходов, Москва не позволяет индустриям, основанным на других типах доходов и *естественных* для других мегаполисов мира, успешно и полноценно конкурировать и развиваться в рамках столичной экономики. *Одним из ярких примеров такой потери потенциала и огромных*

доходов национальной экономикой является отсутствие в городе возможностей для развития туристической индустрии в тех масштабах, которые являются естественными для сопоставимых с Москвой по своему историческому и культурному капиталу столиц мира [Билалов, 2012].

Искусственно созданные стимулы для миграций в Москву никак не вытекают из экономики и являются результатом казенной и политически стимулируемой системы перераспределения ресурсов. Логика этой системы, как и в других коррумпированных странах, состоит в создании оазиса относительно высокого благосостояния и анклавов богатства для обеспечения лояльности пространственно близких к центру государственной власти.

Даже если бы Россия не была коррумпированным государством, естественная столичная надбавка, которая состоит из нескольких компонентов и является естественной для большинства столиц мира, составляя приблизительно 7% ее дополнительных доходов [Zimmerman, 2010], дается здесь городу, который и без этого более чем обеспечен множеством других источников дохода и социальных благ.

Важно отметить, что размер Москвы и ее *агломерационные преимущества* также никак не вытекают и из императивов экономического роста в системе, где задействуются *аллокативные принципы* [Ibid.: 765–766]. Концентрация человеческих ресурсов в одном городе дает дополнительные преимущества главным образом в системах, где рабочая сила является центральным фактором производства. Вариативность, обмен информацией и инновациями, взаимообогащение (*cross-pollination*) являются в таких городах решающими факторами экономического роста. Благосостояние Москвы построено на ресурсных доходах, преумножение которых не достигается концентрацией человеческих ресурсов в одном месте и дополнительными инвестициями. Во всей нефтегазовой отрасли страны

задействовано только 1,6% всего экономически активного населения России [Мартынов, 2004].

Будучи чрезвычайно крупной страной, Россия, в отличие от многих относительно небольших государств, не имеет ограничений на существование других мегаполисов, которые также могли бы реализовывать свой агломерационный потенциал. Кроме того, даже если бы сохранение приматности Москвы было принципиальным вопросом, вывод столичных полномочий из города не смог бы нанести этой приматности какого-то ущерба в силу огромности ее экономического — и отнюдь не только сырьевого — потенциала. В крупных странах совмещение приматности и столичности, по мнению многих экономистов, не является оптимальным и обычно служит тормозом для развития национальной экономики, оттягивая на себя экономические ресурсы [Moomaw, Alwosabi, 2004; Turner S., Turner R., 2011].

Продолжающийся рост мегаполиса и его реконструкция накладывают на всю страну огромные дополнительные издержки. Сумма общественных экономических издержек при этом (здесь можно сослаться только на сумму недавних московских мегапроектов по реконструкции транспортных колец) превосходит совокупность частных прибылей от агломерационных эффектов [Henderson, 2005: 95].

Кроме того, Москва уже превысила размер эффективного мегаполиса, который оправдывает существование таких крупных городов, вне зависимости от своего столичного статуса. Согласно критерию эффективности мегаполиса, сформулированному американским урбанологом Алленом Берто, *количество времени, которое тратит средний городской работник на то, чтобы добраться до места работы, не должно превышать одного часа*. В противном случае мегаполис становится экономически неэффективным, а рынок труда фрагментируется [Bertaud, 2004]. По оценкам специалистов, на данный момент это время

в Москве составляет 65 минут, что выводит Москву из числа эффективных мегаполисов [Архангельская, 2008]. Коэффициент полезного действия пребывания столицы в Москве с этой точки зрения, вероятно, является отрицательной величиной.

Принципу, сформулированному Берто, созвучна идея оригинального российского географа и теоретика транспортных систем Григория Гольца (1933–2009), который стал пионером в развитии науки, которую он назвал *исторической социосинергетикой*. Гольц вводит константу времени, которое необходимо для передвижения из дома на работу, которая составляет 30 минут («константа пространственной самоорганизации населения»). Эта константа, правда, имеет в виду не столько экономику, как у Берто, сколько суточный биологический ритм. Другая константа Гольца — 40 минут — представляет собой пороговое количество времени для пересечения города из конца в конец. По подсчетам географа, с 1897 по 1960 год территория столицы выросла в десять раз, а численность населения — в семь, но при этом время передвижения из дома на место службы осталось практически неизменным (оно увеличилось с 33 до 38 минут). Увеличение площади Москвы в эпоху Хрущева в 2,5 раза (до 875 квадратных километров) существенно сократило возможности общественного транспорта справляться с проблемой и удовлетворять константе Гольца. С точки зрения экспертов, обычный массовый пассажирский транспорт не может эффективно обслуживать население городов, имеющих площадь круговой формы более 500 квадратных километров [Архангельская, 2008]. Прирезка к Москве нового куска, вероятно, доведет параметр среднего времени передвижения от дома на место службы до абсурдных величин, никак не соотносящихся ни с экономикой, ни тем более с суточным ритмом.

Хотя текущие планы переноса столицы в Подмосковье, возможно, затормозят некоторые процессы

связанные с насыщением факторов производства, в конечном итоге и в масштабах страны, это не может не усугубить также и сложившуюся ситуацию со сверхцентрализацией. Ряд российских экономистов сделали по этому поводу некоторые более конкретные выкладки и выводы [Балацкий, Гусев, Саакянц, 2006].

Однако *даже вне всякой зависимости от факта коррумпированности* и в силу одного только размера страны совмещение политических и экономических функций в одном городе является нецелесообразным и явно неоптимальным решением для России [Zimmerman, 2010]. Естественная столичная надбавка, подсчитанная Циммерманом, могла бы быть более экономически эффективно использована в другом городе, который не имеет естественных ресурсных и агломерационных преимуществ мегаполиса.

Итак, экономические функции мешают Москве выполнять столичные функции. Столичные функции в числе прочих факторов мешают быть ей эффективным мегаполисом. Близость власти к кладовым всей национальной экономики и близость бизнесов к власти ведет к усилению коррупционных тенденций, что — в дополнение к очевидному разрушению и деформации социальных связей — подрывает работу рыночных механизмов.

2. СЛАБАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ С ПРИНЦИПОМ ФЕДЕРАТИВНОСТИ

По характеру своей власти, полномочиям и размерам Москва не может служить полноценной федеративной столицей.

Федеративный характер российской государственности диктуется не только конституцией и юридическими нормами, но и самими масштабами страны и гетерогенностью ее населения.

Размер Москвы и ее чрезвычайно высокий уровень субъектности, а также экономический вес не позволя-

ют ей служить *нейтральным центром* по отношению к другим субъектам федерации. За многие годы Москва потеряла кредит доверия регионов в качестве политического центра. Ее политическая мощь не амортизируется политическими институтами и сильными регионами. Она не резонирует с интересами, потребностями и политической волей субъектов федерации.

Характер хозяйственного и политического управления страной, продиктованный сверхцентрализацией, также не соответствует демократическим параметрам. Отстутствие реальной федеративности выражается в отстутствии демократических принципов в процессе принятия решений, включая выборность региональных органов власти, уровень централизации и характер и мотивации перераспределения ресурсов (трансфертов) между субъектами федерации.

Реальной и поддающейся расчетам мерой политической централизации часто служит уровень фискальной централизации, то есть соотношение федаральных и местных расходов в совокупном бюджете. По этому показателю Россия гораздо ближе к унитарным государствам.

Российский экономист Чернявский приходит к следующему выводу:

> *Российской Федерации по сравнению с другими странами с переходной экономикой присуща наиболее централизованная система формирования бюджетных доходов региональных и местных властей. В российских условиях нижестоящие органы власти лишены налоговой автономии, бюджетные доходы все в большей степени формируются за счет специфических (целевых) трансфертов, доля местных бюджетов в консолидированном бюджете страны снижается. В ходе реформ страны Центральной и Восточной Европы создали относительно децентрализованные фискальные системы, в то время как бюджетная система России до сих пор остается чрезмерно централизованной. ...Несмотря на унитарную форму государственного устройства рассматриваемых стран,*

> *степень автономии субнациональных властей в сфере бюджетных доходов заметно превосходит российские показатели* [Чернявский, 2004: 36].

В настоящее время характер перераспределения ресурсов между регионами идет не столько по линии увеличения инвестиций с целью обеспечения сбалансированного экономического роста, сколько по линии минимизации социальных протестов [Remington, 2011]. Чрезвычайно высокий уровень регионального неравенства — от африканской бедности до уровня доходов среднеевропейских стран, — согласно выводам ученых, чреват высокими *политическими рисками*. Хотя уровень регионального неравенства в России показывает в последние годы некоторую тенденцию к снижению, разница в подушевом бюджетном обеспечении субъектов федерации чрезвычайно велика по любым международным параметрам: до 24 раз между крайними регионами (Тюменью и Ингушетей) и 3–4 раз от медианных величин. Хотя экономический рост часто ведет и к росту регионального неравенства, как это имеет место, например, в Китае и Индии, ни в одной из этих стран региональное неравенство не вытекает прямо из столичности и отношений центра и периферии. Кроме того, например, в Китае разрыв между крайними регионами составляет только 1:10 [Ibid.: 13–14].

Высокий уровень регионального неравенства на основе отношений центр-периферия и связанный с дисбалансом политической столицы и остальной страны *сближает Россию с африканскими странами*, где такое положение вещей является достаточно типичным. Особое положение Москвы в качестве региона концентрации богатств страны реально упрочивает систему сверхцентрализации и закрепляет систему регионального неравенства, что вряд ли может способствовать развитию принципов федеративности.

Кроме того, Москва воплощает самим своим размером, символизмом и исторической ролью (в том числе

и административной закрытостью) *наднациональный имперский принцип* и до сих пор часто воспринимается внутри России как *метрополия* колонизированной страны. В этом состоит главное отличие между Россией и другими европейскими имперскими нациями (Австрией, Францией, Великобританией), сохранившими свои столицы в старых центрах. Эти столицы никогда не выступали по отношению к народу *своих* стран в роли метрополий, и в отношениях между этими столицами и провинциями отсутствуют коннотации *внутренней колонизации*. Уровень экономического неравенства между столицей и провинциями в этих странах не столь велик, а формы производства и присвоения доходов не столь несправедливы, чтобы угрожать единству нации.

3. КРИЗИС ИМПЕРСКИХ СИМВОЛОВ В ИКОНОГРАФИИ МОСКВЫ

Москва во многом и сегодня остается образом коммунистической утопии, — идея которой была заложена в сталинском Генеральном плане 1935 года. Хотя этот план из-за начавшейся войны не был полностью реализован, символизм и устремленный в будущее архитектурный язык города во многом до сих пор остаются советскими и идеократическими. Этот идеологический символизм никак не соответствует и не перекликается с сегодняшними задачами и программой развития страны. Смысл, цель и истина нового сообщества, рождение которого ожидалось в результате реформ и крушения СССР, погребшего под собой ложную правду старых смыслов, никак не воплощены в архитектуре Москвы.

Эпические коммунистические образы запечатлены не только в явных символах советской монументальной пропаганды, которые вросли в тело города, но и в структуре ее улиц и самой организации жизни. Подобно тому как философия картезианства запечатлелась

в устройстве западноевропейских архитектурных сооружений, дворцовых ансамблей и парков, сталинизм въелся в тело Москвы как особая форма мышления и политической организации пространства. Несмотря на череду переименований и перелицовок, сам визуальный облик города остается в значительной степени коммунистическим.

В отличие от Берлина, где большая часть монументальной нацистской пропаганды была уничтожена в ходе бомбежек Второй мировой войны, Москва сохранила почти в полном обьеме монументальный становой хребет коммунистической утопии и сталинского большого архитектурного стиля, который до сегодняшнего дня определяет облик города [Wusten, 2001: 339–341].

Голландский исследователь Герман ван ден Вустен в своем сравнительном анализе нацистского Берлина и сталинской Москвы указывает на важные отличия в идеологическом оформлении двух городов. По сравнению с гитлеровскими, сталинские планы преобразования Москвы были гораздо более широкими и всеобьемлющими. В противоположность Берлину, который к началу шпееровского плана уже был крупным индустриальным центром, Москва до появления Генплана 1935 года была практически доиндустриальным городом, давно покинутым в качестве центра политической власти [Ibid.: 342]. В то время как Гитлер оставил для утопии и идеологии несколько важных символических центров (Мюнхен, Линц, Гамбург), архитектурно-утопическая активность Сталина была сосредоточена почти исключительно на Москве [Ibid.: 343]. Сталин полностью перестроил Москву по лекалам коммунистической утопии.

В результате в морфологии российской столицы сохранилась не только сталинская ампирная эстетика, но и — что наиболее важно — особая нормативная программа, которая впечаталась в саму физиологию города. Идеологический план красной столицы

включал в себя фундаментальную *перформативную* составляющую, состоявшую в «социалистической трансформации образа жизни» и «превращении Москвы в гигантскую сцену-декорацию для массового пролетарского театра — будущего Театра Революции» [Лебедева, 2005]. В задачи Сталина входила деконструкция символов христианства и православия и замена их образами коммунистической утопии, к чему Москва отчасти уже была подготовлена как старая религиозная столица. В отличие от других европейских столиц, здесь было меньше элементов органического постепенного эволюционного развития и больше тотализирующих элементов политической реконструкции. Исторические слои Москвы оказались включенными в идеологизированный урбанистический план.

Постсоветская Москва развивалась в основном в экономическом ключе, коммерциализируя старые советские здания и собственность и обрастая торговыми зонами и унифицированными символами глобализма. Тем не менее *ей пока не удалось реконструировать свою политическую иконографию и создать пространственные и архитектурные формы и символы, адекватные новой ситуации постсоветского национального строительства*. Коммерческие заплатки, эклектическая перелицовка и «церетелизация» Москвы, опрокинувшая ее обратно в восточно-имперский стиль, не смогли скрыть ее изначального идеологического сценария. Большой стиль Церетели закрепил и умножил именно имперскую составляющую московского архитектурного почерка. Переименования и перелицовки, а также паразитирование на советских формах, во многом скрывают именно отсутствие новых сущностей.

Кроме того, Москва по инерции воплощает империю в старых обьемах и масштабах. Имперские символы, отраженные в опорных точках московского архитектурного плана, — павильонах ВДНХ, площадях, памятниках и высотках — часто уже утратили свои

значения. В образности и топонимике Москвы зафиксировались те сегменты имперского пространства, которые логикой истории уже выпали из ее состава, бывшие союзные республики. В то же время они не успели вобрать в себя участников бывших автономий и областей в рамках сокращенного, но все еще во многом сохраняющего имперский размах и черты отредактированного федералистского проекта.

Советская Россия адаптировала старую архитектуру, сохранив преемственность с пространственными формами русского самодержавия, за которыми тянется шлейф не всегда уместных и адекватных политических коннотаций. Одним из таких символов является замкнутое пространство Кремля в качестве резиденции президента страны. Псевдоморфоза советских и постсоветских политических форм в царские и советские структуры давно обращала на себя внимание историков. Так Бенедикт Андерсон с удивлением обращал внимание в своей известной книге на легкость утилизации символов царской власти в советской России, упоминая Кремль как резиденцию новых советских вождей [Anderson, 1991: 133]. Трудно представить себе, чтобы Версаль, Эскориал или султанский дворец использовались в качестве президентской резиденции в современных Франции, Испании или Турции[1]. В последние годы в России высказывались вполне здравые предложения о превращении Кремля в полноценный историко-культурный музей. Такие идеи высказывались Маратом Гельманом и бывшим министром культуры Авдеевым. Сегодня граждане России имеют доступ только к небольшой части Кремля.

В разговорах о новой столице зашифрована неотрефлексированная тоска по новым смыслам и символам. Эти смыслы, а также истину нового сообщества, действительно нелегко отыскать среди сталинского

[1] Одним из редких исключений в Европе является Хофбург, резиденция Габсбургов, которая продолжает оставаться резиденцией австрийского президента.

ампира, мумифицированного задора первых пятилеток, застывшего в московской архитектуре, среди бывших советских чиновников, перерядившихся в пионеров капиталистического строительства и в богомольных прихожанах церквей и среди прочих ветшающих символов советской государственности.

Описанная ситуация заставляет задуматься о кризисе старых символов и необходимости нового кода и архитектурного языка новой нации, рождение которой ожидалось после падения СССР. Коммунистический символизм и иконография Москвы не очень совместимы ни с реальными, ни с официально провозглашаемыми ценностями современной России. Являясь молчаливым свидетельством и напоминанием о фиаско старой политической утопии, они зовут в место, которого больше нет, не только на физической, но и на идеологической карте. Комиссия Национальной Столицы в Оттаве сформулировала в свое время задачу построения новой столицы Канады как места, где «подчеркивается прошлое, представляется настоящее и воображается будущее» [NCC, 2000b]. Если экстраполировать эту формулу на современную Москву, то можно сказать, что в ее визуальном облике представляется прошлое, воображается настоящее, а будущее остается невидимым и непредставимым.

Формирование политической идентичности в новой России требует нового символизма, который бы воплотил новые устремления нации. Поворот, сопряженный со сменой столицы и ее новым символизмом, мог бы оживить российскую политическую культуру и идеологию.

4. АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ

В тесной связи с кризисом символизма Москвы находится отсутствие собственно национальной составляющей в нынешней российской столице, что во многом связано с незавершенностью процессов строительства нации.

Многие историки и социологи сходятся во мнении, что проект национального строительства в России находится на начальной стадии своего воплощения. В ходе истории под спудом строительства империи оказались религия и сама нация, подчиненная имперским императивам господства [Хоскинг, 2000].

В серии книг и статей британский историк Джеффри Хоскинг показал, как *процессы строительства империи* тормозили *русский национальный проект*. В результате изломанности и слабого развития национального сознания, собственно национальные институты не получили в России должного развития. Титульная нация подвергалась такому же давлению и эксплуатации со стороны политической власти, как и национальные меньшинства. Русский империализм часто рядился в одежды русского национализма («официальный национализм», в терминах Бенедикта Андерсона), но сам русский национализм парадоксальным образом получил гораздо меньшее развитие по сравнению с другими национальностями, населявшими российскую империю [Там же]. На это же обстоятельство указывала и российский социолог Валентина Чеснокова (под псевдонимом Ксения Касьянова), которая назвала русскую нацию «самым длительным долгостроем в истории» [Касьянова, 2003: 16].

В то время как большинство европейских наций встало на стезю имперского строительства уже в качестве современных национальных государств, российский имперский проект навязывал отождествление нации с территорией и не способствовал развитию по европейской траектории, приглушая эволюцию по гражданской и политической линии. Озабоченность национальными проблемами была вытеснена заботой о территории, ее организации и экспансии [Хоскинг, 2000]. Болезненное беспокойство по поводу геополитического позиционирования и символизма пространства, бросающееся в глаза в российских дебатах о столице, как будто скрывает в себе как раз озабоченность реальными проблемами новой идентичности.

Хоскинг выделяет два аспекта в национальном сознании — гражданский и этнический. Первый имеет в виду участие в создании и принятии законов, управление через выборные органы, суды, политические партии и институты гражданского общества, второй — культурную общность людей. По мнению Хоскинга, в России строительство империи подавило главным образом гражданскую составляющую национального развития[2]. Можно сказать, что и в постсоветский период национализм часто развивался патологическим и деструктивным образом, приобретая формы расизма и ксенофобии, и не всегда гражданскую направленность.

В контексте столичности можно сказать, что обе русских столицы не были в достаточной мере национальными; являясь по преимуществу имперскими и эксклюзивными. Близость к власти создавала особые социальные дистинкции, малознакомые более демократическим странам. Так на почве принадлежности к привилегированному пространству Москвы еще в советское время возникли категории лимитчиков, провинциалов и иных групп немосквичей, которые маркировали людей в качестве социально не вполне полноценных. Кроме того, столица не была интегрирована в собственно национальное пространство. В своей метагеографии российских столиц географ Дмитрий Замятин так иронически писал об этом особом месте, как бы выпадающем из пространства страны:

> *Столица находится высоко, на верхушке страны, но так высоко, что оттуда не видно остальной страны... Столица находится практически в другом пространстве, не в том, где регионы, города, области и местности, а в том, где ландшафты и иные возможные обозрения и кругозоры свернуты в тугие и плот-*

[2] В некоторых нациях один аспект доминирует над другим: французы, швейцарцы, американцы — нации прежде всего «гражданские», тогда как немцы и восточноевропейские народы, скорее, «этнические».

> *ные клубки умозрительных конструкций. Столица не нуждается в пейзажной деятельности зарубежных энтузиастов, она уже за рубежом, она в за-странье... Столичность сама по себе — это все, что нужно лишенной теплой и душевной живописности плоской стране* [Замятин, 2003].

Хотя Россия никогда не была колонией, те особенности становления нации, которые были очерчены Джеффри Хоскингом, сближают ситуацию постсоветской России с ситуацией постколониальных государств и с позицией Турции после крушения Оттоманской империи. Новая национальная столица способствовала дистанцированию этих народов от своего имперского прошлого или от названных им имперских институтов, императивов, символов и интеллектуальных привычек. В случае России национальная столица также могла бы стать катализатором процессов национального строительства и лабораторией национального самопознания.

Дополнительным аргументом в пользу новой столицы может служить и *вертикальный характер наиболее фундаментального раскола* в России, на который мы уже указывали. В то время как во многих странах существуют расколы по географической оси (наиболее известные из таких территориальных расколов — отношения между Югом и Севером в Италии, США и Китае или Востока и Запада в Германии и в Украине) в России вариации в политических ориентациях и электоральном поведении по осям *восток—запад* и *север—юг* не так сильно выражены как по линии *центр—периферия*. По свидетельству политолога Ростислава Туровского, автора работ по политической регионалистике, «в России при всем ее разнообразии нет ни одного крупного и очевидного территориально-политического раскола, четко выраженного на карте. Самый главный раскол центр—периферия на карте не выражен, он имеет вертикальный характер» [Туровский, 2007: 49–51].

Это положение вещей во многом свидетельствует о кризисе легитимности центра, не представляющего интересы ни одной из сторон, и необходимости поиска нового места силы (*city of power*), которое могло бы ослабить или ликвидировать существующий раскол в обществе.

Так как Россия не является бинарным обществом (если не иметь в виду противостояние между центром и периферией), где легко можно идентифицировать линию границы между двумя или несколькими макрорегионами или место возможного пространственного компромисса, то здесь осуществление классической логики компромисса чрезвычайно затруднено. Принципы такого компромисса между различными этническими и этноконфессиональными группами или самыми крупными городами играли решающую роль в поисках и идентификации новых столиц в таких странах как США, Канада, Австралия или Бельгия. В США столица стала точкой компромисса между югом и севером, в Канаде — между франкофонами и англосаксами, в Австралии — между крупнейшими городами страны, в Бельгии — между французской и фламандской частями государства. Некоторые участники дискуссии, впрочем, подразумевают именно такой компромисс — между Москвой и остальной Россией. В свое время Константин Аксаков также представлял Москву как точку своего рода компромисса между Землей, то есть русскими провинциями, в отношении которых Москва выступает хадатаем и заступником, и империей. Однако сегодня чрезвычайно трудно идентифицировать в России город, который бы представлял собой всю Россию и по отношению к которому новая столица могла бы служить очевидным и естественным центром компромисса. Более реалистичен поиск федерального центра без привязки к точкам соприкосновения конфликтных зон. Именно такая национальная столица, которая является не третейским судьей, а местом уравновешивания интересов регио-

нов, могла бы стать центром поиска гражданской составляющей русского национализма и новых символов федеративной нации.

Необходим такой новый центр, который дал бы регионам возможность внутренне структурироваться, обрести свою экономическую и политическую идентичность, что позволит им полноценно отстаивать свои интересы. В условиях России сильный регионализм представляет гораздо меньшую опасность в деле формирования нации, чем отсутствие регионов с четко выраженной политической идентичностью. Нация сильных региональных идентичностей более жизнеспособна, чем нация с унифицированными пространствами, лишенными своих качественных характеристик. Другими словами вместо центра, который дает всему свою форму и выдает свои интересы за общенациональные, необходим центр, который стал бы точкой равновесия интересов, которые от своего собственного имени отстаивают в своей столице регионы. Такое возвращение политики в географию и в пространство, в том числе и через строительство новой столицы, может оздоровить политическую жизнь в стране.

ПРОЦЕДУРА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ, РИСКИ И СОПУТСТВУЮЩИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

В рамках данной работы выдвижение конкретных предложений и кандидатов на роль новой столицы мне кажется чрезвычайно рискованным и безответственным предприятием. Я выскажу лишь несколько предварительных соображений, не претендующих на полноту и окончательность и только намечающих возможности развития дальнейшего диалога.

Из вышеизложенных возражений понятны некоторые посылки и компоненты моей позиции. Для создания современной архитектурной и транспортной

инфраструктуры и новых национальных символов необходимо строительство абсолютно нового города. Его основные задачи будут сосредоточены на выполнении административных функций, но он не должен быть полностью изъят и из экономической жизни. Он должен быть естественным и комфортным местом прежде всего для бизнесов и образовательных учреждений, естественным образом связанных с деятельностью правительства (консалтинговые службы, исследовательские учреждения, небольшие технологические компании и тому подобные организации).

Наиболее перспективным в плане его расположения, на взгляд автора, является район Поволжья. В таком расположении был бы и большой символический смысл. Начиная с XIX века Волга приобретает колоссальное значение в русской истории. Перенос столицы в Поволжье не только приблизил бы страну к географическому центру, но одновременно позволил бы не слишком далеко отделить ее от демографического ядра страны.

В Поволжье сосредоточены верные русскому делу тюркские и финно-угорские народы — чуваши, татары, мордва и марийцы. Здесь великой русской рекой соединяются религии — православие, мусульманство, буддизм, немецкий протестантизм. Отсюда открывается путь в Сибирь. Здесь сочетаются браком пространства Европы с бескрайними пространствами русской Азии. Волгой соединяются Русский Север с Русским Югом и прикаспийскими автономиями (Дагестан и Калмыкия). В направлении Поволжья указывают и центрографические подсчеты, приведенные выше и исходящие из критериев удобства людей, а не из гигантизма и громадья геополитических планов.

Но гораздо *более принципиальной* и фундаментальной в этом вопросе автору представляется сама *процедура принятия решения*, — организация и идеология переноса, — которые сами по себе могли бы дать импульс демократическому развитию страны. Чрезвы-

чайно важной в этом отношении является выработка консенсуса по этому вопросу и процедуры, включающей в себя всех субъектов федерации. Именно существование такого консенсуса, как мы показали выше, было одним из наиболее важных факторов успеха, на которые обращали внимание исследователи этой проблемы [Corey, 2004].

В процессе построения такого консенсуса важно предотвратить различные деструктивные и конфликтные сценарии развития событий, которые могут привести к появлению антагонизмов, связанных с балансом интересов субъектов федерации. Наиболее опасен сценарий *отчужденной столицы*, изъятой из порядка взаимодействия и с игрой на понижение социальных протестов. Опасность представляют также акцентации местнических и московских интересов в утверждении и реализации этого проекта. Хотя процесс переноса и выбора новой столицы, безусловно, имеет принципиальную политическую составляющую, его нельзя излишне искусственно политизировать.

Наиболее релевантным для России в отношении процедуры принятия решения мне кажется опыт Японии, который мы обсуждали выше.

Первый этап такого анализа может быть связан с экспертной оценкой различных аргументов и кандидатур. На этом этапе вопрос рассматривается междисциплинарной комиссией специалистов, которая должна сформулировать экспертные заключения на основе анализа данных и различных стратегий развития. Различные *pro* и *contra*, а также приоритеты и соотношения различных комплексных показателей должен проанализировать коллектив, состоящий из экономистов, урбанологов, архитекторов, политических аналитиков и других экспертов в конкретных областях. Второй этап связан с попытками достичь консенсуса с публичными дебатами и широким обсуждением этого вопроса. На третьем этапе вопрос может быть вынесен на уровень национального референдума.

Необходимо также рассмотреть различные фазы и этапы переноса и сопутствующие мероприятия в контексте территориального развития страны, сделать прогнозы о прямых и косвенных последствиях такого переноса в терминах и в категориях системной динамики [Lee, Choi, Park, 2005].

В настоящее время, как мы уже могли убедиться на некоторых примерах, многие проекты переноса столицы искусственно перегружены метафизическими смыслами, геополитической мистикой и оккультными спекуляциями. Главный недостаток этих проектов — излишняя акцентация символических измерений в ущерб соображениям рациональным. Эмоциональная компонента смены столицы, безусловно, является чрезвычайно важной в таком огромном национальном деле, но это только один из множества факторов, причем подлежащий квантификации наряду с другими, более прозаическими. В глазах тех, у кого есть потребность в такой мистике, всякое рациональное решение обрастет само собой нужной символикой без специального участия руководителей, инициаторов и идеологов этого проекта.

Наконец, следует особенно подчеркнуть, что перенос столицы в другое место не отменяет, а, напротив, диктует необходимость качественного скачка в развитии автономии регионов по отношению к московской метрополии и экономического развития Сибири и других областей. Россия отстает от развитых стран в плане специализации и экономической дифференциации экономических пространств. Дает о себе знать плановое хозяйство с его распределением экономических полномочий и сверхцентрализованная система хозяйства. Хотя такую специализацию и сегментацию пространств не всегда можно планировать сверху, необходимы также административные шаги и анализ возможностей развития различных урбанистических экономик.

Во многих дискуссиях противопоставляются деловая и административно-политическая столица России:

считается, что в случае переноса, Москва останется главным деловым центром. На мой взгляд, учитывая огромные размеры страны, Россия нуждается, по крайней мере, в нескольких новых специализированных деловых центрах, которые могли бы стать своего рода экономическими столицами целых индустрий. На примере США в качестве прототипов таких специализированных деловых центров можно назвать Хьюстон (столицу мировой энергетики и второй после Нью-Йорка город по количеству штаб-квартир крупнейших мировых корпораций), Детройт (столицу автомобилестроения), Сан-Диего (одну из мировых столиц мобильных коммуникаций и фармацевтической промышленности). Даже в одной только финансовой сфере в США существуют города, дублирующие Нью-Йорк и способные составить ему конкуренцию в своих узких финансовых нишах. Это, например, Чикаго или Даллас. В Германии такими городами выступают, например, Штутгарт, Франкфурт, Лейпциг, Мюнхен и Гамбург. В Россию на эту роль могли бы претендовать Красноярск, Иркутск, Самара, Краснодар, Ростов, Новосибирск, и для этого вовсе не обязательно наделять эти города какими-то формальными столичными полномочиями. Именно этих городов, но в более крупной проекции, выросших на основании закона Зипфа, не хватает на карте России.

В этом же ключе и на основании развития автономии регионов может происходить «децентрализация» высшей школы и приближение центров производства специалистов к тем районам, где на них может возникнуть спрос. Сами университеты во многих развитых демократиях создают экономические оазисы, формируя вокруг себя целые индустрии. Такие экономические оазисы и ядра роста возникли, например, в виде Силиконовой Долины в США, Силиконовых холмов вокруг Техасского университета в городе Остин, Университетов Карнеги Мелон, Массачусетского технологического института, в Исследовательском Треугольнике Каролины

(Чапел-Хилл, Дарем и Роли) и вокруг других всемирно известных учебных заведений. Канадский социолог Ричард Флорида, например, замечает, что если в прошлом предприятия возникали вблизи от источников сырья, то сегодня они появляются там, где есть качественный и квалифицированный человеческий капитал, что часто связано именно с небольшими университетскими городами [Florida, 2005].

В Москве проживает почти 1 миллион студентов [Пряников, 2007]. Однако темп и стоимость жизни российской столицы отнюдь не располагают к учебе и научной работе, которые требуют неспешности и удаленности от шумных и дорогих метрополисов. Русские Гарвард, Стэнфорд и Йель могли бы обосноваться в таких живописных старинных русских городах, как Елец, Кимры, Елабуга или Кинешма, которые гораздо больше располагают к ученым занятиям. То же самое, в еще большей степени, относится и ко многим чисто исследовательским центрам и учреждениям. Именно такая традиция размещения научных центров и университетских кампусов вне пределов крупных городов существует в ведущих научных державах — США, Великобритании и Германии, которые превосходят все остальные страны по количеству Нобелевских лауреатов. В этих странах важнейшие научные центры находятся в небольших, но всемирно известных городах — Оксфорд, Йель, Мичиган, Пало-Альто, Беркли, Гарвард, Гейдельберг, Констанц, Фрайбург и другие.

Заключение

Итак, мы выделили три фундаментальные причины, которые делают перенос столицы актуальным и желательным.

Подсчеты экономистов и мировой опыт говорят о неэффективности совмещения экономических и политических функций в одном городе в крупных государствах. Российская столица также превзошла общие критерии эффективности крупного мегаполиса и экономически оптимальные размеры.

Федеративные принципы государственного устройства и накопленный многолетний баланс несправедливого распределения ресурсов подорвали доверие к Москве со стороны регионов и диктуют необходимость смены урбанистических вех. Вредная инерция скопления и стягивания всех функций и всех материальных благ в один город плохо совмещается с принципами федерализма. Существующее устройство, кроме того, подрывает основания и возможности для обеспечения единства нации и национальной консолидации в условиях существующих разрывов в уровне дохода между центром и периферией.

Необходимость строительства нации со своими символами и иконографией на руинах СССР и освобождение от тоталитарной советской архитектуры и идеографии делают Москву малоподходящим кандидатом на роль национальной столицы. Помимо старой коммунистической номенклатуры постсоветская Россия адаптировала многие советские и царские здания и символы. *Псевдоморфоза* нациостроительного и антиимперского импульса реформ 1990-х годов в старые советские пространства, архитектуру и урбанистическую иерархию исказила политический смысл этих реформ и оказалась неадекватной их целям и движущим силам, что, конечно, было свойственно и любым дру-

гим типам исторических псевдоморфоз. Заявленные новые политические и экономические смыслы, вложенные в старые мехи архитектурных и политических форм, не смогли сохранить их изначальную харизму и энергетику. Незавершенность процессов национального строительства настоятельно требует создания новых пространственных, прежде всего урбанистических, воплощений для новых политических смыслов.

Мы также обратили внимание на чрезвычайные сложности на пути адекватной технической реконструкции инфраструктуры Москвы, стоимость которой легко может превзойти или стать сопоставимой со строительством новой столицы.

Совокупность этих причин уже дает серьезные основания для принятия решения по этому вопросу. С точки зрения автора, первая причина указывает на *желательность* переноса столицы, вторая и третья — на *отсутствие достойных альтернатив* этого шага. Транспортные проблемы в Москве и необходимость развития Сибири, напротив, вряд ли дают необходимые или достаточные основания для принятия такого грандиозного решения.

Естественно коррумпированная политическая система не может преобразиться в национальную за счет такого рода проекта. Успех его зависит от политического режима и лидеров, пользующихся широкой поддержкой и могущих сделать это решение благоприятным или хотя бы приемлемым для всех регионов и большинства россиян. Помимо очевидных проблем с имплементацией и наличием адекватных для решения этих задач политических лидеров, главными сложностями на этом пути являются, однако, те интеллектуальные и политические инерции мышления, которые могут давать ложные идеологические ориентиры и контексты для географии и политического воплощения такого переноса — инерции, которые мы уже кратко охарактеризовали в введении к книге.

* * *

Спор о новой столице наглядно демонстрирует некоторые тупиковые способы мышления о российском пространстве и столичности.

В обсуждении проблемы столицы мистика власти накладывается на мистику пространства, и эти две загадочные силы, которые всегда гипнотизировали, озадачивали и приводили в смятение умы людей, еще больше мистифицируют друг друга. Власть мистифицирует пространство, а пространство мистифицирует саму власть. Власть отождествляется с пространством, стараясь его охватить. Пространство сливается с властью, становясь лишь одной из ее проекций и отражений.

Привычка обсуждать мистифицированные самой практикой политической жизни проблемы в мистических же категориях порождает фантастические теоретические конструкции, а иногда — политических и интеллектуальных чудовищ. Примером может служить привычка рассуждать о столичных городах как избранных или естественных центрах. Она выражается также в насквозь *мифологизированной градософии*, — к аргументам которой, несмотря на их архаичность, как показало наше исследование, до сих пор охотно апеллируют определенные круги российских политиков и интеллектуалов.

Другим, гораздо более опасным примером такого рода, является превратно понятая геополитика, дающая авторам этих планов вместо подсказок ложные но, как им часто кажется, обьективные ориентиры для принятия решений. Эти геополитические теории, которые становятся фундаментом для некоторых направлений в дискуссии о столице, нередко являются не столько когнитивными инструментами осмысления пространства, сколько самими симптомами болезни. Для понимания роли такой геополитики уместно описать исторический фон дебатов о переносе столицы. Именно интеллектуальный климат и ситуация *поиска*

утраченного времени, характерные для постсоветского общества, дают ключ к пониманию популярности геополитических идей.

Советский человек был изъят из времени и пространства, вырван из мировой системы координат, ограничен возможностями путешествовать по свету и помещен судьбой в официальную советскую версию истории. Исторический материализм изображал советского человека находящимся на самом гребне общественного прогресса и истории, тем самым изымая его из потока времени. Путешествия за границу были доступны только весьма небольшой прослойке советских людей. Уровень мобильности населения внутри страны диктовался прежде всего официальными мероприятиями по освоению земель и территорий. Политически структурированное и утрамбованное государством пространство было организовано империей *извне и сверху*. Более или менее освоенными вне командировок и армии были только малое пространство родного края и поездки в Москву. Политическая либерализация и реформы 1990-х годов поставили во весь рост вопрос о возвращении бывшего советского человека обратно в историю и географию.

Тем не менее это возвращение оказалось во многом эфемерным и половинчатым.

По оценкам специалистов, в постсоветский период интенсивность внутренних миграций и обьем внутреннего туризма, которые могут служить добротными индикаторами освоенности территорий, интегрированности страны и циркуляции социальной энергии, значительно снизились даже по сравнению с эпохой СССР [Мкртчян, 2009; Андриенко, Гуриев, 2005] (см. табл. 8 и 9).

Пространственный поворот, который начал происходить в постсоветской политической жизни, на месте часто справедливо разрушенных мифов — прежде всего связанных с аспациальностью советского созна-

ния в осмыслении социальных реальностей — создал не меньшее количество иллюзий[1].

В этом новом интересе к пространству и одержимости геополитическими категориями, которые стали расхожими и модными, также проступили определенные патологические черты, вернувшие мышление о пространстве в старое скрипучее колесо чрезвычайно политизированных и идеологизированных категорий. При этом геополитическим жаргоном, смазывающим унылый скрип этого заезженого колеса и одевающим старые политические дилеммы в новые геополитические одеяния, заразились даже некоторые либералы.

Постсоветская геополитика стала служить своего рода *компенсаторным механизмом освоения отчужденной территории*, освоением, которое из физического переводится в чисто ментальную и фантастическую сферу.

Проснувшийся вкус к геополитике, как и прочие современные теоретические игры с пространством и в пространство, парадоксальным образом обнажили язвы и пароксизмы имперского сознания. Именно неоимперские конструкции часто служили вполне предсказуемым выводом из этих геополитических теорий.

В неоимперских идеологиях возрождаются древние магические ритуалы, в которых авторы пытаются сбрызнуть «живой водой» недавно узнанных геополитических концепций мертвое имперское пространство, указывая на новые возможные уровни сопричастности к нему — в том числе и через предложения надеть столичный хомут на утекающие территории. В некоторых своих изводах и ответвлениях дебаты о переносе столицы вписываются в эту же *магическую*

[1] Термин *аспациальность* был введен российским географом Леонидом Смирнягиным для обозначения притупленной чувствительности к пространству, ослабленной реакции на него в России и неразвитостью региональных идентичностей. Он связывает этот феномен, в том числе, и с отсутствием или недостатком естественных границ в российском пространстве [Смирнягин, 1995; 2002].

тенденцию ментального освоения необъятных российских пространств. Обсужденные нами имперские проекты столицы не дают ответов на вызовы времени, перенося центр тяжести вовне, а не внутрь страны. Они осложняют отношения с соседями, мистифицируют реальные проблемы и концепции центральности.

Другим крайне сомнительным сопутствующим элементом постсоветских геополитических доктрин стали попытки избавления от *собственно политического измерения различных государственных решений*. Идеологи геополитики часто сопрягали решение чисто политических вопросов, которые подразумевают прежде всего волю, права и свободу, с безличным номосом земли или требованиями самого евразийского пространства. Геополитика сокращает зону собственно политических и моральных решений, замещая их механикой геополитического расчета, которая, вопреки видимости, зиждется на достаточно произвольных и хлипких идеологических основаниях.

Субъективность собственных мнений при этом выдается за закон или голос самой территории. О произвольности подобных выводов и рекомендаций, на которых построены некоторые обсужденные нами *рецепты столиц*, свидетельствует, например, то, что одна и та же геополитическая теория может в равной степени успешно обосновывать множество разных кандидатур на роль столицы. При этом откровенно спорным и совершенно умозрительным спекуляциям приписывается ложная обязательность.

Такая геополитика пытается выводить нормативность или нормы внешней политики государства из самой географической фактичности — расположения, соседства, близости к морю. Тем самым часто скрадывается собственно политическое и моральное измерение и содержание решений, и вопрос переводится из собственно политической плоскости в область метафизики противостояния внешнему врагу. Приставка *гео-*, которая к месту и не к месту добавляется ко

всем словам, призвана подчеркнуть именно научный аспект таких спекуляций. Подобно своим предшественникам, научным коммунистам, постсоветские геополитики пытаются представить свои метафизические выводы в качестве строгой науки. Другим естественным следствием такой трактовки геополитики является *понимание ее в качестве доктрины и идеологии*, которая диктует единственно верные императивы для постсоветской внешней и внутренней политики.

Чтобы пояснить отличие постсоветской идеологической геополитики от некоторых ее альтернативных трактовок можно обратиться к примеру использования геополитических теорий в некоторых других странах. Так во Франции *геополитика традиционно как раз противопоставлялась идеям и идеологии*. После эпохи революции обращение к геополитике стало здесь одним из способов соединения с реальностью политической жизни и отказа от идеологии (в данном случае — универсальной доктрины прав человека). Геополитика обещала заземлить внешнюю политику и дать ей какие-то реальные ориентиры с точки зрения *интересов Франции*, главным образом с точки зрения естественных географических возможностей и ограничений, а также *субъективных интересов людей*, населяющих данную территорию, а не с точки зрения метафизических представлений о противостоянии суши и моря или конспирологических моделей противостояния атлантистов и евразийцев дугинского толка. В интерпретации французов геополитика служит определению *минимальных* требований к внешней политике, исходя из географических преимуществ и особенностей положения Франции. Так человек, который много лет был сосредоточен только на духовной или душевной работе, обращается, наконец, за советом к своему телу, которое часто оказывается мудрее его разума.

В постсоветском контексте геополитика часто приобретала прямо противоположный этому смысл. Она

эмансипировалась от реальных интересов и воли людей, все более замещая их абстрактными и полностью оторванными от них геополитическими максимами. Номосы почвы, земли и евразийской судьбы заменяют в ней реальный анализ многообразных и многогранных интересов людей, этносов, горожан и прочих человеческих общностей. В центре внимания такой превратно понятой геополитики оказывается не тело государства и земные интуиции его граждан, а опять же идеи и доктрины. Вместо минимума она пытается сомнительными средствами извлечь из географии *геополитический максимум идеологии*. В такой трактовке постсоветская геополитика выплескивается из берегов, забывая о границах своей компетенции и применимости и замещая человеческие формы взаимодействия с пространством и знание о нем идеологическими клише, которые редко дают нужные ориентиры. Эти идеологические клише контрабандой привносятся в пространство и выдаются за его собственный логос и голос.

Элементы такого понимания пространства, вечно расширяющегося, но не всегда благоустроенного и безразличного к интересам его населения, присутствуют, видимо, и в некоторых устойчивых традициях русской политической и интеллектуальной истории, в концепциях империи, которые мы уже кратко описали. Такая национальная интоксикация пространством составляет интеллектуальный фон и оправдание постсоветских геополитических концепций.

С точки зрения автора, альтернативой идеологизированной геополитике может служить *человеческая* политика и география. Именно она может помочь в переходе от компенсаторных ментальных освоений пространства к более человеческому его пониманию, тем самым обеспечивая движение от мнимостей идеологии и геополитики к очевидностям повседневных интересов, жизненных миров и стремлений людей, которые находят себе выражение в политической вовле-

ченности. Доминирующая концепция идентичности могла бы освободиться от идолопоклонства обесчеловеченному пространству, включив в себя фундаментальное человеческое измерение.

На контуры и очертания той человеческой географии, которую мы имеем в виду, указывает следующая важная дистинкция, предложенная известным российским урбанологом Вячеславов Глазычевым. В своей последней книге он различает три уровня причастности к пространству и территории — *о*своение, *при*своение и *у*своение [Глазычев, 2011: 173].

Имперское пространство СССР скрадывало, прежде всего, пространство национальное, с которым человек может отождествить себя, — пространство очеловеченное, охватное, *у*своенное в путешествиях, проветренное циркуляцией трудовых миграций и интимно известное из продуктивной деятельности. Возвращение бывшего советского человека в пространство через такие практики могло бы означать также *возвращение в историю* огромных территорий и колоссального человеческого капитала.

При определенных условиях создание новой столицы в русле описанной федеративной стратегии может способствовать именно такому *у*своению пространства в противоположность обсужденным нами имперским проектам, направленным главным образом на его *при*своение или в лучшем случае *о*своение. Очеловеченная столица, освобожденная от ненужного бремени сакральности и от решения геополитических и геоэкономических задач, могла быть гораздо более эффективной в решении задач человеческих и прежде всего собственно политических и экономических.

За вопросом о новой столице скрывается клубок куда более важных и глубоких вопросов — прежде всего, об общности и разрушенных социальных связях. Именно страх распада страны служит одним из не всегда различимых центров дискуссии о столице. В глазах некоторых авторов последняя становится инструментом укрепления и сохранения единства го-

сударства. Однако материал этого спора еще раз заставляет задуматься о том, насколько действительным и реальным является единство страны, если для его обеспечения требуется жесткая центральная вертикаль власти, построенная вокруг старой или новой доминирующей столицы, и щедрые дотации центра для большинства российских регионов. Она также заставляет задуматься о том, что может послужить основой для более реальной интеграции регионов помимо новых циклов централизации и укрепления вертикали.

Участники дискуссии в различной мере осознают этот контекст социальности, предлагая новые формы и форматы для национальной консолидации. При этом геополитические и пространственные категории иногда не столько заостряют, сколько скрадывают собственно человеческое и социальное содержание всей дискуссии. Социальные проблемы предстают в мистифицированном виде пространственных проблем. Они указывают на необходимость восстановления утраченных и прежде неразвитых социальных связей, возвращения в утраченное пространство, соединенное с человеческим интересом, на необходимость создания или воссоздания этих широких социальных связей вне государственного посредничества. Утечка пространства, которую оплакивают радетели империи, скрывают за собой невероятную по масштабам утечку мозгов, социальной энергии и огромных человеческих потерь, связанных с сверхцентрализованной системой управления. Сосредоточенность на «пространстве территорий» и продолжающаяся политика сверхцентрализации оборачиваются депопуляцией, миграциями, обезлюживанием, отчуждением и массовой иммиграцией из страны, где все пространство замкнуто на один центр. Это «пространство территорий» заменяет человеческую общность, общественные связи и становится протезом собственно человеческого общежития.

Широкая поддержка планов по переносу столицы могла бы вывести эту дисуссию из сферы чисто государственной, из кулуарных бесед политиков и

чиновников, в сферу интересов гражданского общества. В сегодняшних разговорах о новой столице воплощается далеко не только зависть и ресентимент провинциалов, как кажется некоторым участникам дискуссии. В них прежде всего реализуется мечта о национальном делании, о новом характере национального сообщества, а также тоска по разрушенной системе социального доверия и социальных связей.

Вопреки некоторым утверждениям приведенным выше, среди наиболее активных и креативных участников дискуссии мы не видим чиновников или людей, особенно тесно связанных с вертикалью власти. Отношение и московских, и федеральных чиновников к этому проекту как раз скорее резко негативное (Лужков, Ресин, Дискин, Матвиенко, Путин). Удивление вызывает скорее как раз то, что огромная армия чиновников до сих пор не только не выступила с какими-то развернутыми планами такого рода, но и не подготовила никаких, даже критических, докладов или серьезных исследований на эту тему. Конспирологические представления о том, что эту тему кто-то искусственно «вбрасывает» — чиновники, шаманисты, сионисты или какие-то другие враги России — никак не подтверждаются приведенным выше анализом. О растущей популярности этой идеи, напротив, свидетельствует широкое обсуждение темы в социальных сетях, растущее количество публикаций и огромный интерес, в том числе и за пределами Москвы и московских интеллектуальных политических кругов (см. табл. 3). На сегодняшний день эту идею вряд ли можно назвать вполне маргинальной, как кажется некоторым критикам.

Усвоенное пространство не предполагает сгущения всего человеческого капитала в одной точке, в столице, и болезненных споров о пальме первенства, поскольку статус столицы в либерально-демократических государствах не является синонимом победы в игре и не дает решающих преимуществ.

Основание новой столицы могло бы послужить одним из *элементов возвращения и реконституции утраченного пространства*, важной вехой в его приручении и усвоении. Оно могло бы также послужить первым символическим шагом к возвращению регионов в политику и в *пространство власти* через политическую реконструкцию отношений между центром и периферией.

Создание *договорного* политического центра позволило бы ввести страну в систему координат гражданской нации и вывести из сферы действия гравитационных полей наднациональной бюрократии и безвоздушных имперских ортогональных политических конструкций, нечувствительных к устройству самого пространства и нуждам населения в нем живущих. Подобно выбору политических лидеров страны, в выборе столицы критически важно участие на равных и *честных* основаниях всех субъектов федерации и всех регионов. В такой интерпретации новая столица, безусловно, могла бы послужить делу интеграции российского пространства.

* * *

Согласно известной лаконичной формуле Освальда Шпенглера, мировая история — это история городов (*Weltgeschichte ist Stadtgeschichte*). В коррумпированных странах с плохо развитой урбанистической системой собственно вся историческая динамика и культура почти без остатка оседает в столицах и убывает из собственно городской сферы. Провинции и провинциалы *лишаются настоящей исторической жизни и изымаются из кругооборота истории*. В таких странах не остается никаких полноценных субъектов истории кроме столиц.

Эта ситуация обедняет культурную жизнь нации, не дает возможности осуществляться процессам диффузии инноваций, снижает социальную мобильность и динамику, а также примитивизирует и оскудняет

экономическую деятельность. Кровеносная система горизонтальных связей перекрывается тотальной вертикалью — от устройства власти до урбанистической системы. Такие государства возвышают столицы за счет других городов, создают для них привилегии, маргинализируют урбанистическую жизнь в менее крупных городах, что обычно притупляет специфическую городскую динамику и в самом политическом центре, превращая его во двор или королевскую столицу. Отличие такого двора от столицы национального государства состоит в том, что первая служит, прежде всего, персонификацией личной или безличной власти, а вторая — репрезентацией интересов граждан страны.

В государствах с доминирующими столицами само городское начало, даже если оно было когда-то развито, постепенно стачивается и притупляется. В них более фундаментальным по отношению к дистинкции между городом и деревней оказывается различение столиц и провинции, столичных жителей и провинциалов, лимитчиков и старых москвичей. Гордое имя горожанина, который когда-то был праобразом гражданина национального государства, становится синонимом банального провинциала, то есть гражданина и горожанина второго сорта.

В таких государствах, как в восточных сатрапиях, даже сами столицы не являются полноценными городами, так как *идентичность их жителей в большей мере определяется отношениями к власти, чем городскими формами экономической жизни, сознания и солидарности*. В таких обществах *дистинкция столицы и провинции* организует и структурирует целые комплексы прочих социальных отношений, определяет элементы социальной стратификации, а также важные аспекты морали, политики и экономики. Здесь собственно моральные и эстетические категории трансформируются в антитезы столичного чванства и провинциальной застенчивости, столичной открыто-

сти и провинциальной зашоренности, столичной рафинированности и провинциальной неотесанности, столичного лоска и провинциальной заскорузлости.

Новая Россия, к сожалению, помимо недостаточно развитой промышленной системы и проблематичных форм управления, унаследовала еще и дисфункциональную урбанистическую систему, которая в постсоветский период еще более уродливо деформировалась в моноцефальную структуру. Эта система служит естественной питательной средой для коррупции, для постоянного ее воспроизводства, для формирования патологических форм гражданского самосознания. Увеличение социальной дистанции между столицей и провинцией свидетельствует о том, что столица не стала интегральной частью этой территории и не стала по-настоящему *национальной столицей*.

Проблематичность такой столицы связана прежде всего с тем, что социальное неравенство закрепляется среди прочего и в пространственной организации урбанистической сети.

Для того чтобы вывести Россию из состояния культурной и экономической провинциальности, вернуть ее столице блеск международного интеллектуального и инновационнного центра, а провинциям достоинство подлинных городов и предотвратить скатывание в плоскую и малопродуктивную иерархию, структурированную местопребыванием политической власти, необходима фундаментальная реконструкция урбанистической сети.

Алекасндр Герцен в свое время писал о диалектике как об *алгебре революции*. Новым российским политическим реформаторам в самое ближайшее время *помимо алгебры потребуется еще и новая геометрия*. Такой геометрией, на мой взгляд, может стать уже упомянутая *очеловеченная* геометрия или *аналитическая география с человеческим лицом*. Она поможет распознать новые пространственные координаты и место для новой столицы на основе жизненных ин-

тересов населяющих страну людей. Поток пассионарной волны возникающей нации, более не умещаясь в старые структуры, и активизация и пробуждение долго дремавшей политической активности масс в последние годы с неизбежностью будут направлены на производство новых форм и политических сущностей. Важной частью такого развития событий может также стать *революция символов*, которые сменят ветхие советские, царские или заимствованные символы старой власти.

Целостная программа реформ, заявленная когда-то реформаторами и транзитологами, — *переход от империи к федерации, от авторитаризма к демократии и от плановой экономики к рыночной* — может получить новое подкрепление и в переходе от непродуктивной моноцефальности к регионализму через фундаментальное изменение и оптимизацию урбанистической иерархии. Гипертрофированная столица представляет собой бремя и *неблагоприятную среду для проведения полномасштабных реформ во всех вышеперечисленных сферах*. Характер деформации российского пространства и урбанистической сети указывают на его удивительную симметричность политическим деформациям, что в свою очередь указывает на их общий источник — деформации и искажения общественного сознания и социальных отношений.

Перенос столицы мог бы стать одним из принципиальных звеньев в числе комплексных мероприятий по децентрализации, деимериализации и возможно десоветизации, создании более инклюзивной столицы, самой нации, активизации исторических городских центров, а в более долгосрочной перспективе, возможно, и создании новых точек роста. Именно эти вопросы справедливо заостряются наиболее прозорливыми и чуткими авторами, предлагающими различные проекты переноса, обсужденные нами выше.

В долгосрочной перспективе эти мероприятия могли бы помочь вывести постсоветское пространство

из летаргии вертикальной зависимости и разомкнуть дуги существующих соподчинений, включив их в систему более гибких горизонатальных связей и горизонтальных отношений, а также открыть города новым международным и внутрироссийским контактам.

Перенос столицы может дать толчок эволюции системы, который, возможно, чрезвычайно медленно, но будет продвигать страну в правильном и важном направлении. Он может способствовать выведению системы из одномерной вертикальной плоскости и приданию ей дополнительных измерений. Он может стать сигналом к строительству альтернативных центров и сетей взаимодействия — транспортных, культурных, экономических, социальных и политических. Если это и утопия, то утопия нужная и вполне реалистическая.

На данный момент сложившаяся ситуация требует, по меньшей мере, признания и трезвого осознания степени и характера деформации отношений между центром и периферией. Вместо мимикрии под Париж и Лондон, замазывания обьективных неадекватностей этой структуры и системы отношений необходимы конкретные шаги по изменению сложившегося дисбаланса и приведение столицы в соответствие с федеративными принципами конституции.

Особенно принципиально также осознание того факта, что спор столиц и городов в урбанистической системе страны вовсе не обязательно является игрой с нулевой суммой. Сила нации состоит в силе городов и регионов, а не в перетягивании каната рентоискательства.

Если мы представим себе глобус как огромную шахматную доску, где каждая страна представляет собой набор фигур или городов и решает как фигуры могут ходить, то выбор столицы можно уподобить расположению короля. Успех партии определяется не столько расположением короля на определенном стратегическом квадрате, сколько маневренностью и количеством других фигур, которые его поддерживают и защищают. Если страна располагает достаточным

количеством фигур с разнообразными функциями, то у нее больше опций для комбинаций. Международный престиж короля связан, таким образом, не только с его размером и внутренними параметрами, но главным образом с положнием относительно него других фигур, в том числе и ферзя — экономической столицы. Наилучшее местоположение столицы — это нахождение среди других крупных городов в богатой и разветвленной урбанистической системе, где города максимально дифференцированы по своим ходам-функциям. Наличие только пешек на фоне крупного короля указывает на уязвимость такой позиции и сулит поражение в экономическом или политическом соревновании с другими государствами.

В этом вопросе для России, конечно, чрезвычайно важен учет европейского опыта развития и организации урбанистической системы. Специфику европейских государств составляет диверсификация городов по их функциям, отсутствие монолитных иерархий, пересечения в их функциях. Пространственная *дифференциация урбанистической структуры страны*, а также перекрещивающиеся и пористые идентичности городов дают большую прочность и устойчивость политике и экономике этих стран.

Безусловно, в Европе возникновению этой системы предшествовал многовековой и богатый исторический опыт балансирования различных сил и интересов, дифференциация функций и их пространственное распределение. Разумеется, было бы нереалистичным ожидать, что такой опыт можно быстро воспроизвести в российских условиях даже путем форсированного создания десятков новых городов с помощью государственных субсидий, что предлагают некоторые оптимистичные реформаторы [Крупнов, 2009]. Тем более важным кажется перенос столицы в качестве жеста и знака высвобождения урбанистической сети из своей устаревшей и неспособной откликаться на вызовы современности, остроугольной и дезурбанизированной геометрии.

* * *

Многолетняя экономическая практика, основанная на мегапроектах, сформировала во многом справедливое и стойкое предубеждение против идеи всяких крупных государственных мероприятий, в том числе и спроектированных городов. Большевистские эксперименты научили людей бояться всяких директивных изменений сверху. Опыт большевиков и сталинского СССР, а также постсоветские сверхкоррумпированные большие стройки и мероприятия во многом дискредитировали саму идею мегапроекта в глазах большинства россиян. Поэтому многими критиками идея построения новой столицы воспринимается или как некий проект общественных работ вроде сооружения великой китайской стены, строительства Беломорканала и БАМа, освоения целины и поворота великих сибирских рек, или как гигантская возможность для отмывания денег правящей бюрократией и гигантского по своим масштабам распила бюджета.

Все эти опасения, к сожалению, вполне реальны. Очевидную опасность представляют различные деструктивные сценарии смены столицы, которые ставят перед собой фракционно-тактические или сугубо частные цели, — сценарий отчужденной столицы, узурпация этого проекта группой особых интересов, его коммерциализация, направленная на хищение средств из государственного бюджета, а также попытки его чрезмерной политизации. Опасность здесь состоит также в возможности антагонизации отношений на основе этого проекта между центром и периферией, москвичами и остальной страной (и такие попытки, увы, уже предпринимались некоторыми известными чиновниками), в стремлениях местных элит использовать стратегический национальный проект для укрепления собственной власти и престижа на основе своих сугубо местнических интересов. Именно из-за этих опасностей здесь чрезвычайно важен здоровый баланс между энтузиазмом и осторожностью.

Критерий инклюзивности особенно принципиален, а возможность создания отчужденной столицы особенно опасна в силу того, что строительство гражданской нации, прежде всего, требует национального и *договорного* центра, разомкнутого и открытого для всех субъектов федерации. Создание новой столицы должно послужить в том числе и преодолению отчуждения от власти и от пространства, приватизированного и структурированного государством. В случае благоприятного стечения обстоятельств такой перенос послужит усвоению пространства гражданами страны, его федерализации и очеловечиванию. Инклюзивная столица, чуждая имперскому характеру прежних российских столиц, должна создать эффект сопричастности к ней регионов и этносов России. Реформы государственной социальной и политической системы России и возможная смена политических лидеров неизбежно поставят в самое ближайшее время на повестку дня этот проект, как уже не только некий абстрактный теоретический вопрос.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Аверьянов Ю. Москва — национальный центр русского народа // Российский этнограф. 1993. № 3.

Аксаков К.С. Значение столицы (1856) // Москва — Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. СПб., 2000.

Аксаков И. Петербург или Киев? // День. 1862. 17 ноября.

Алексеев А. Дорогие мои столицы // Коммерсант. 1999. № 160 (1804). 4 сентября.

Алексеев А. Год великого переноса // Коммерсант. 2008. № 13 (767). 7 апреля.

Андреева Т. Сбились с курса. Отечественный рынок авиаперевозок развивается за счет международных рейсов // Российская газета. 2012. 28 июня.

Андриенко Ю., Гуриев С. Географическая мобильность населения в России // Служба занятости. 2005. С. 66–74. Октябрь.

Антипин Вл. Гражданин Сибири // Русский репортер. 2011. 22 февраля.

Архангельская Н. Полчаса от дома до работы // Эксперт. 2008. 18 августа.

Аскарио К. Центр России // запись в блоге. 2009. Июнь. <http://www.skyscrapercity.com/showthread.php?t=899482>

Бабаян Р. Перенос столицы // дискуссия на 3-м канале телевидения. Программа «Право голоса». Вып. 21. 2011. Январь.

Балацкий Е. Москва без москвичей: столичный средний класс вымирает // интернет-журнал «Тенденции»: kapital-rus.ru. 2008. 22 сентября.

Балацкий Е., Гусев А., Саакянц К. Пределы роста мегаполисов // Пространственная экономика. 2006. № 4. С. 34–58.

Бандарь В. Гиганские проблемы Москвы сопоставимы с ее гигантскими размерами // Однако. 2011. 3 декабря.

Бауман З. Национальное государство: что дальше? // Отечественные записки. 2002. № 6.

Баунов А. Куда перенести столицу из Москвы // slon.ru. 2011. 21 июня.

Башкатова А. Столичный округ защитит чиновников от электората // Новая газета. 2011. 20 июня.

Белковский С. Жизнь после Лужкова // Ежедневный Журнал. 2009. 16 сентября.

Бенлиян А., Мукашев К. Перенос столицы: рациональное предложение или политическая акция? // Вечерний Бишкек. 2010. 16 июля.

Бердяев Н. О власти пространства над русской душой (1918) // Судьба России. М., 1990.

Бехтерева Н., Бунимович Е. Из Москвы в Петербург // Литературная газета. 2002. № 1.

Билалов А. Триллион долларов мимо российской кассы // Эхо Москвы. 2012. 20 марта.

Блинкин М. Этиология и патогенез московских пробок // Лекция на политру. 2008. 24 января.

Буко А., Буко Л. Паранойя, репрессии и наркобизнес в Бирме // Свободная мысль. 2006. № 9–10.

Бурлака Д. Москва-Петербург: pro et contra. Русский христианский гуманитарный институт. СПб., 2000.

Вельтман Н. Преодоление Московии // Нация Свободы. 2011. 14 апреля. <http://www.freedomnation.ru/view.php?id=42>

Вильковский М. Символическая география архитектуры городского пространства на примере Вашингтона, Москвы и Санкт-Петербурга // Материалы конференции «Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях». М.: Социосфера, 2012.

Вите О. Столица vs. окраина. Через 10 лет Москва перестанет быть единственным городом в стране // Интервью Петру Мирошнику. Опубл. в интернет-альманахе IV Рим. 2010. Август. <http://www.ivrome.ru/2010/08/stolica-vs-okraina/>

Вишневский Р. Перенос Третьего Рима. Диверсификация столицы — единственный путь перехода к

модели равномерно развитой страны // slon.ru. 2010. 2 марта.

В поисках Нью-Васюков // Эхо планеты. 2011. 16 марта.

Володихин Дм. Суперстолица России — Успенский собор в Кремле // АПН.2006. 14 июня.

Володихин Дм. Мысленный собор. Образ Москвы у славянофилов // Русский обозреватель. 2010. 5 июля.

Воробьев М. Система пяти столиц чжурчжэней // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Вып. 5. Ленинград, 1968.

Вучик В. Транспорт в городах, удобных для жизни. М.: Территория будущего, 2011.

Вучик В. Дорожное движение и городской транспорт в Москве и других российских городах // Письмо профессора-урбаниста, советника министра транспорта США Вукана Вучика / пер., предисл. М. Блинкина. Политру, 2009. 10 декабря.

ВЦИОМ. Условия и факторы развития малого предпринимательства в регионах России. М., 2006.

Габуев А. Формирование региональной идентичности политии в Китае III–II вв. до н.э. (по материалам Ши цзи) // Путь Востока. Культурная, этническая и религиозная идентичность. Серия Symposium. СПб., 2004. Вып. 33. С. 71–74.

Гайдар Т. Почему в Москве жить хорошо // Московские новости. 1998. 19 февраля.

Галкин А. Столицу нужно перенести. И не в мегаполис // Новая газета. 2012. 12 апреля.

Герцен А. Россия и Европа // Собр. соч.: в 30 т. Т. 7. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.

Глазычев В. Город без границ. М.: Территория будущего, 2012.

Глазычев В. Москва отстала от столиц мира лет на 70 // Интервью с Максимом Соколовым для радио «Свобода». 2007. 10 августа.

Глазычев В. Тяготение к центру. Развитие макрорегиональных столиц — свершившийся факт // Политический журнал. 2005. № 43. 19 декабря.

Глазычев В. Станет ли Москва городом? // Знание-Сила. 1997. № 8.

Гольц Г. Культура и экономика России за три века, XVIII–XX вв. Т. 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее,будущее). Новосибирск, 2002.

Горячева В. Чиновники хоронят бюджет Москвы в цветочных клумбах // Digest-News. 2009. 23 июня.

Градировский С., Переслегин С. Многостоличье // Консерватор. 2003. № 15(31). 25 апреля.

Гришаев С. Иркутск — Новая столицы России? // Красноярский рабочий. 2012. 27 апреля.

Гурдин К. Абсурдные статьи расходов бюджета Москвы-2009. От финансирования придворных СМИ до самой дорогой дороги в мире // Аргументы недели. 2009. 19 марта.

Гуриев С., Рачинский А. Неравенство: Рио-де-Москва // Ведомости. 2006. № 85. 15 мая.

Делягин М. Столицу нужно переносить в захолустье // mirtv. 2012. 19 апреля. <http://www.mirtv.ru/programms/4390776/episode/4886262>

Денжуа Ж. Истоки централизации и абсолютной власти в государстве // Логос. 2003. № 6 (40).

Доброчеев О. Семь безумных рецептов для обустройства России // Новая газета. 2000. 13 мая.

Доброчеев О. Столицы поднимаются на гребне пассионарной волны // Перемены. 10.05.2012. <http://www.peremeny.ru/books/osminog/5757>

Дробижева Л. Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия // Центр исследования межнациональных отношений Института социологии РАН. М., 2006.

Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933.

Дугин А. Основы геополитики. М., 1997.

Дугин А. Третья столица // Завтра. 2000. 24 мая.

Дугин А. Третья столица Евразии. Евразийская идея и современность. М.: Изд-во РУДН, 2000.

Дьячков С., Иноземцев В. Новый регионализм, а не новая столица // Ведомости. 2012. 13 июля.

Жарков В. Куда перенести столицу? 10.04.2012. <http://www.russia.ru/video/diskurs_13100>

Задорожнюк И. Север России как площадка для общего продуктивного дела Востока и Запада // Concept. Журнал Ухтинского государственного технического университета. 2010. № 2.

Закатнова Т. Правое дело предлагает перенести столицу из Москвы в Тверь // Российская газета. 2009. 12 мая.

Замятин Д. Метагеография русских столиц // Октябрь. 2003. № 4.

Замятина Н. Новая столица России: кастинг // Русский журнал. 2012. 13 марта.

Замятина Н. Перенос столицы: культурные установки против экономики // Русский журнал. 2012. 16 мая.

Зубаревич Н. Москва как много в этом звуке: Город, агломерация, жители, система управления // Текст лекции на политру. 2011. 20 октября.

Зубаревич Н. Московская система // Текст лекции на политру. 2012. 01 февраля.

Зубаревич Н. Агломерационный эффект или административный угар? // Российское экспертное обозрение. 2007. № 4–5.

Зубаревич Н., Косарева Н. Пятнистая Россия: агломерации и периферия // Научный семинар. 2012. 25 июня.

Изюмов Ал. День переезда столицы // Власть. 2009. № 44. 9 ноября.

Илларионова Т. От социального государства — к электронному правительству // Стратегия России. 2011. № 4.

Исупов К. Диалог столиц в историческом движении // Полития. 2002. № 3. С. 29–67.

Четвертый Рим // Итоги. 2011. № 1/ 760. 11 января.

Каганов Г. Санкт-Петербург. Образы пространства. М.: ИД Ивана Лимбаха, 2004.

Каганский В. Интервью в рамках исследовательского проекта автора. 2010. 20 октября.

Каждан А., Литаврин Г. Очерки истории Византии и южных славян. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во министерства просвещения РФСР, 1958.

Караганов С. России нужна еще одна столица — сибирская // Российская газета. 2012. № 5783. 17 мая.

Караганов С. России снова везет // Ведомости. 2012. 22 февраля.

*Карамзин Н. З*аписка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.

Касьянова К. Россия переживает период перехода к национальному государству. О русском национальном характере. М.: Деловая книга, 2003.

Комарович В. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд. Лениград: Наука,1936.

Кордонский С. Главным социальным слоем в России были, есть и будут помещики // Частный корреспондент. 2009. 23 января.

Корнев С., Штепа, В. После Третьего Рима — Китеж (Отрывок из футурологического проекта Европа от Китежа до Аляски // Завтра. 2000. № 1–2 (31–32). 18 января.

Королев С. Нужна ли России новая столица? Глобальный эксперимент как панацея от всех зол // Философские науки. 2000. № 4.

Королев С. Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

Крупнов Ю. Россия между Западом и Востоком. Курс Норд-Ост. СПб.: Нева, 2004.

Крупнов Ю. Солнце в России восходит с Востока. М.: Молодая гвардия, 2006.

Крупнов Ю. Перенос столицы: за и против (тезисы выступлений на круглом столе). 2009. 13 октября. <www.ivrome.ru>

Крупнов Ю. Тысяча новых городов для России. 2009. 4 октября. <http://1000gorodov.ru>

Кто в Европе самый бедный? // Indeuschland. 2011. <http://indeutschland.ru/blog/leben/246.html>

Куда бы столицу перенести? // Коммерсантъ Власть. 1999. №17 (318). 4 мая.

Кудрявцев М. Москва — Третий Рим. Историко-градостроительное исследование. М.: Троица, 2007.

Курбатов Г. История Византии. От античности к феодализму. М., 1984.

Лаппо Г. Территориальная структура России в начале XXI века // География. 2002. № 33. С. 9–24.

Лебедева Е. Красное солнце. 2005. 11 июня. <pravoslavie.ru>

Леонтьев К. Византизм и славянство. М.: Хранитель, 2007.

Лидов А. Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009.

Лихачев Д. Русская культура в современном мире // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006.

Малер А. Отступать некуда, позади Москва! // Русский журнал. 2007. 25 января.

Мартынов В. Тенденции занятости в нефтегазовом комплексе // Нефть России. 2004. №1.

Масленников А. Где быть столице России? Оптимальным ее местоположением мог бы стать Урал // Новая газета. 2012. 27 апреля.

Масонский город в самом сердце Евразии // Земля. Хроники жизни. Июнь 2012.

Мацих Л. Метафизика Северной столицы // Лекция в серии Академия на канале Культура. 2011. 19 января.

Межуев Б. Уход на Восток, или движение по кругу — о целесообразности переноса столицы // Известия. 2012. 12 апреля.

Менделеев Д. К познанию России. М., 2002.

Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М.: Прогресс, 1995.

Миодушевская Т. Круглый стол экспертов: «Гиперборизация Москвы — катастрофа, а завтра уже гибель страны! // Аргументы и факты. 2007. 10 февраля.

Миронов В. России нужна новая столица // Новая газета. 1994. 27 сентября.

Мичурин В. Лекарство при переломах или нечто о смене столиц // Дети фельдмаршала. 2001. № 3.

Мишура А. Ресурсная рента и межрегиональное неравенство в России // ЭКО. 2011. № 5. С. 155–167.

Мкртчян Н. Миграционная мобильность в России: оценки и проблемы анализа // Spero. 2009. № 11. Осень–Зима.

Можегов В. О новойгардарике и московских пирогах // АПН. 2006. 17 августа.

Москвичам купят бесснежную зиму // Водитель Петербурга. 2009. 19 октября. <http://www.spbvoditel.ru/2009/10/19/003/>

Москвичей в России ненавидят уже две трети сограждан // Newsland. 2009. 18 февраля.

Немцов Б. Лужков. Итоги. Независимый экспертный доклад. 2009. Сентябрь.

Нефедов С. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005.

Николаев И. и др. Экономическая дифференциация регионов: оценки, динамика, сравнения. М.: ФБК, 2011.

Окара А. В поисках имперской перспективы. Суждено ли Киеву стать центром пост-византийской цивилизации // Новая газета. 2000. 25 октября. Полный вариант опубликован в журнале «Волшебная гора». Т. 4. 2000.

Панарин А. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.

Патраков В. Рождение столиц: от прошлого к будущему. Харьков, 2008.

Патраков В. Россия — витязь на распутье // Полярная звезда. 2011. 27 января.

Пепперштейн П. Открытое письмо президенту Путину, губернатору Санкт-Петербурга Матвиенко и мэру Москвы Юрию Лужкову.

Переезд федеральных ведомств в Подмосковье слишком дорог и не решает проблем Москвы. Институт Международной финансовой отчетности. 2011. 15 августа.

Петрова В. Продавцы впечатлений: strana.ru. 2011. 28 сентября.

Погорельская С. Боннский стиль, берлинский дух // Эксперт. 2011. № 26 (760). Июль.

Поляковская М. Византия. Византийцы. Византинисты. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2003.

Полян П., Нефедова Т., Трейвиш А. (ред.). Город и деревня в европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001.

Попов Г. Дорогая моя столица. Десять вариантов развития событий // Новая газета. 2000. 17 мая.

Постников В. Тихий океан как «средиземное море будущего»: история идеи (середина XIX — начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4.

Похлёбкин В. Столицы России. История их смены и причина окончательного установления столицы в Москве. М., 1997.

Проблемы урбанизации на рубеже веков / под ред. А.Г. Махрова. Смоленск: Ойкумена, 2002.

Проект Тверь — столица России // Вече Твери сегодня. 2001. Июнь.

Пряников П., Размахнин А., Трещанин Д. Москвичи не похожи на россиян // Свободная пресса. 2010. 15 ноября.

Пряников П. Как сократить Москву на пять миллионов человек. Интервью с урбанологом Игорем Бестужевым-Лада // Русская жизнь. 2007. 26 октября.

Пряников П. Куда перенести столицу России // Свободная пресса. 2011. 13 февраля.

Рахматуллин Р. Третьеримская задача от нас сегодня предельно далека // Интернет-альманах IV Рим. 2011.

Рахматуллин Р. Две Москвы, или метафизика столицы. М.: АСТ: Олимп, 2008.

Рахматуллин Р. Крым. Обещание Севастополя. 2004. 13 мая. <www.pravaya.ru>

Ремнев А. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи. Российская империя в сравнительной перспективе // Сб. ст. / под ред. А. Миллера. М.: НЛО, 2004. С. 286–319.

Ремчугов К. Децентрализация для России: Тезисы Константина Ремчугова // Новая газета. 2011. 29 июня.

Розов Н. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис (политические Исследования). 2006. № 2.

Росбалт. Эксперт: В случае переноса столицы России Казахстан придется присоединить. 2009. 26 февраля.

Россия сильно поплатилась за перенос столицы // Деловой Петербург. 2001. 16 мая.

Россман В. Мистерия центра: Идентичность и организация социального пространства в современных и традиционных обществах // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 42–57.

Россман В. Перенос столицы России: Схема анализа // Представительная власть. 2010.

Россман В. Столицы государств: их многообразие, закономерности развития и перемещения. М.: Изд-во института Гайдара, 2013.

Рубл Б. Я не понимаю решения о расширении Москвы // Финансовая газета. 2011. 11 ноября.

Светляковский Е., Иллс У. Центрографический методирегиональный анализ // География и хозяйство. Вып. 3. Центрографический метод в экономической географии. Л.: Изд-во географического общества СССР, 1989.

Семёнов-Тян-Шанский П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Петроград, 1915.

Семёнов-Тян-Шанский В. Центр России, его особенности и значение для страны // География и хозяйство. Вып. 3. Центрографический метод в экономиче-

ской географии. Л.: Изд-во Географического общества СССР, 1989.

Сванидзе А. Средневековый город: вертикаль прогресса // Знание — сила. 1995. № 2.

Скрынников Р. Вологда в планах Ивана Грозного // Колесников П.А. Живые голоса истории. Архангельск: Северо-западное книжное издательство, 1981.

Смена столицы в России. Шансы, претенденты, реалии // Ленинградская правда. 2006. 1 июня.

Смирнягин Л. Русские в пространстве и пространство русских // Знание — сила. 1995. № 3. С. 73–80.

Смирнягин Л. Культура русского пространства // Космополис. 2002/2003. № 2. С. 50–59.

Смирнягин Л. Путешествия столиц. Историко-географический очерк. 1998. <http://neweurasia.info/archive/98/book.html>

Соловьев С. Публичные чтения о Петре Великом. Чтение восьмое. М.: Наука, 1984.

Сравнение стоимости строительства автодорог в Москве, России и зарубежом. Институт экономики города. 2010. 27 августа.

Струве П. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. Кн. 1. 1908. С. 143–157.

Тархов С. Переносы столиц // География. 2007. № 5–6.

Толкователь (блог Павла Пряникова). В России прекратился рост урбанизации. 2011. 29 июня.

Толкователь. Какое будущее ждет Москву? 2011. 30 марта.

Толкователь. Насколько Москва объедает Россию? 2012. 29 февраля.

Толкователь. Пока россияне бедны, демократии в стране не будет. 2012. 3 марта.

Толкователь. Российское государство как кочевник, природный анархист и технократ. 2012. 20 августа.

Трейвиш А. Инерция российского пространства и динамика его главных центров // Отечественные записки. 2002. № 6.

Третьяков В. Нужно ли, а если нужно то куда переносить столицу России // Программа на телеканале Культура. 2007. 24 июня.

Третьяков В. Россия: последний прыжок в будущее. Тезисы программы для нового президента // Новая газета. 2000. 24 февраля.

ТТП-Информ. Пойдут ли новые земли Москве на пользу? 2012. 21 января.

Туровский Р. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2007.

Туровский Р. Баланс политических отношений между центром и регионами в процессах государственного строительства // Автореф. дисс. ... док. полит. наук. М., 2007.

Тынянова О. Текущая государственная политика и модель России и экстраполяционный прогноз ее среднесрочных результатов в мировых координатах // Научный эксперт. 2011. № 4. С. 36–67.

Успенский Ф. История Византийской империи, VI–IX вв. М.: Мысль, 1996.

Федотов Г. Три столицы // Вёрсты. Париж, 1926. № 1. С. 147–163.

Федоров В. Крушение Европы // Вестник Европы. 2008. № 22.

Федоров Н. О полярной столице // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Прогресс, 1997.

Фролов К. Попытки оспорить столичный статус Москвы чреваты национальным расколом. 2006. 27 декабря. <www.km.ru>

Хайтун А. Новая Москва. Причины, которые могли бы оправдать перенос столицы за Урал // Новая газета. 2012. 24 апреля.

Хатунцев С. Идите все, идите…на Урал! Политический центр России должен быть перенесен на Восток // Политический класс. 2007. № 12. С. 28–45.

Хоскинг Дж. Россия: народ и империя 1552–1917. Смоленск: Русич, 2000.

Хлебников В. Учитель и ученик. Председатель земного шара. СПб.: Азбука-классика, 2008.

Цымбурский В. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006 // незащищенная докт. дисс. «Морфология российской геополитики». М., 2007.

Цымбурский В. Россия — Земля за Великим Лимитрофом: Цивилизация и ее геополитика. М., 2000.

Цымбурский В. Циклы похищения Европы. (Большое примечание к Острову Россия») // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995.

Цымбурский В. Зауральский Петербург: альтернатива для российской цивилизации // Бизнес и политика. 1995. № 1.

Цымбурский В. Тютчев как геополитик // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 86–98.

Чернявский А. Бюджетная децентрализация в странах с переходной Экономикой // Вопросы экономики. 2004. № 11.

Шакиев В. Центры тяжести страны сходятся в Башкортостане. Интервью с руководителем Федеральной службы государственной статистики Башкортостана Акрамом Ганиевым // Республика Башкортостан. 2005. № 187.

Швыдкой М. Рукописи в виртуальном мире // Российская газета. 2010. 13 октября.

Шеремет П. Советы постороннему // Огонёк. 2010. № 42 (5151). 25 октября.

Широпаев А. Тюрьма народа: Русский взгляд на Россию. М.: Фэри-В, 2001.

Широпаев А. От России — к Руси. Ещё раз о русском сепаратизме. М., 2003. <http://rusrepublic.ru/nnpr1/stat/shir/russep2.htm>

Шлегель К. Постигая Москву. Город как книга. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.

Шмелев Н., *Федоров В.* России нужна новая столица. Москва должна уйти в отставку и тем помочь сохранению государственной целостности // Новая газета. 2012. 4 апреля.

Штепа В. Многополярная Россия // АПН. 2006. 16 июня.

Шумский А. Перенесение столицы означает гибель страны! Ответ священника Александра Шумского на статью Юрия Крупнова. 2012. 11 апреля.

Юровицкий В. России нужна новая столица // Полис. 2003. № 6.

Юровицкий В. Время для смены столицы пришло // Вестник ДФО — Пульс Дальнего Востока. 2008. № 7. С. 30–39.

Ades A.F., Glaeser E.L. Trade and Circuses: Explaining Urban Giants //Quarterly Journal of Economics. 1995. No. 110. P. 195–227.

Anderson B. The Imagined Community. London: Verso, 1991.

Akam S. Not Such a Capital Idea After All // Independent. 2011. Feb. 24.

Argenbright R. New Moscow: An Exploratory Assessment // Eurasian Geography and Economics. 2011. No. 6. Vol. 52. P. 857–875.

Bae Se-Young. The Effects of Capital City Relocation in Korea Based on Total Factor Productivity Analysis // Japan Economic Policy Association Annual Conference. 2004. Nov. 11.

Berry B. Urbanization, Urban Ecology. An International Perspective on the Interaction between Humans and Nature / J. Marzluff et al. (eds). N.Y.: Springer, 2008.

Bertaud A. The Spatial Organization of Cities: Deliberate Outcome or Unforseen Consequence? Institute of Urban and Regional Development: University of California at Berkeley, 2004.

Bettencourt L.M.A., Lobo J., Helbing D., Kuhnert C., West G.B. Growth, Innovation, Scaling, and the Pace of Life in Cities // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. No. 104 (17). P. 7301–7306.

Bianchini A. The ten 'Grand Paris' projects for the coming decades // Actualité en France. 2009. No. 15. April.

Bowring B. Moscow: Third Rome, Model Communist City, Eurasian Antagonist — and Power as Power // A London Metropolitan University Research Institute. Polis, 2005–2006.

Brade I., Rudolph R. Moscow, the Global City? The Position of the Russian Capital Within the European System of Metropolitan Areas // Area. 2004. No. 36.1. P. 69–80.

Braudel F. The Function of Capital Cities, Civilization and Capitalism, 15th–18th Century: The Structure of Everyday Life. Berkeley & LA: Berkeley University Press, 1992. P. 527–563.

Braudel F. Aferthoughts on Material Civilization and Capitalism. Baltimore; London: John Hopkins University, 1977.

Braun D. How Centralized Federations Avoid Overcentralization // Regional & Federal Studies. 2011. Vol. 21. P. 1, 35–54.

Campbell S. The Changing Role and Identity of Capital Cities in the Global Era // Paper Presented at the Association of American Geographers. Pittsbourgh, 2000.

Campbell S. The Enduring Importance of National Capital Cities in the Global Era // Working Papers Series. University of Michigan, 2003.

Cerutti F., Lucarelli S. (eds). The Search for a European. Identity: Values, Policies and Legitimacyof the EuropeanUnion. London; N.Y.: Routledge, 2008.

*Chase-Dunn C.,Willard A.*Systems of Cities and World-Systems: Settlement Size Hierarchies and Cycles of Political Centralization, 2000 BC-1988 AD // Paper Presented at the International Studies Association Meeting. Acapulco: Mexico, 1993. March 24–27.

Chevrant-Breton M. Selling the World City: A Comparison of Promotional Strategies in Paris and London // European Planning Studies. 2007. Vol. 5. Iss. 2. P. 137–161.

Cohen G., Szabo F. (eds). Embodiments of Power. Building Baroque Cities in Europe. N.Y., Oxford: Berghan, 2008.

Corey K. Relocation of National Capitals // International Symposium on the Capital Relocation. Seoul. 2004. Sept. 22. P. 43–107.

Dagron G. Naissance d'unecapitale. Constantinople etses institutions de 330 à 451. Paris: Presses universitaires de France, 1974.

Dascher K. Are Politics and Geography Related? Evidence from a Cross-Section of Capital Cities. Public Choice. 2000. P. 105, 373–392.

Daum A., Mauch C. (eds). Berlin-Washington. 1800-2000. Capital Cities, Cultural Representations, and National Identities. N.Y.: Cambridge University Press, 2009.

Dogan M. Four Hundred Giant Cities Atop the World // International Social Science Journal. 2004. Sept. P. 347–360.

Eaton J., Zvi E. Cities And Growth: Theory And Evidence From France And Japan // Regional Science and Urban Economics. 1997. Vol. 27. Aug. 4–5. P. 443–474.

Eisenstadt Shmuel N., Shachar A. Society, Culture, and Urbanization. Sage: Newbury Park, 1987.

Eldredge H. World Capitals : Toward Guided Urbanization. N.Y.: Anchor Press, Garden City, 1975.

European Commission & Belgian Presidency. Brussels, Capital of Europe // Final Report. 2001. Oct.

Florida R. Cities and the Creative Class. N.Y.: Routledge, 2005.

Geerz C. The Interpretation of Cultures. Selected Essays. N.Y.: Basic Books, 1973.

Geyer H.S., Kontuly T. Differential Urbanization: Integrating Spatial Models. London: Arnold, 1996.

Gilbert A. Moving the Capital of Argentina: A Further Example of Utopian Planning? // Cities. 1989. No. 6. P. 234–242.

Gordon D.L.A., Seasons M.L. Administrative and Financial Strategies for Implementing Plans in Political Capitals // Canadian Journal of Urban Research. 2009. June.

Gordon I.R. Capital Needs, Capital Growth and Global City Rhetoric in Mayor Livingstone's London Plan. Research paper. London: LSE, 2006.

Gottmann J. The Study of FormerCapitals // Ekistics. 1985. No. 314/315. Sept./Oct.–Nov./Dec. P. 541–546.

Gottman J. Capital Cities // After Megapolisis. The Urban Writings of Jean Gottman. Baltimore, 1990. P. 63–82.

Gravier J.-F. Paris and the French Desert. Paris: Portulan, 1947.

Hall C.M. Tourism in Capital Cities // Tourism: An International Interdisciplinary Journal. 2002. No. 50(3). P. 235–248.

Hall P. The Changing Role of Capital Cities: Six Types of Capital City // Capital Cities. Les Capitales: Perspectives Internationales/International Perspectives / J. Taylor, J.G. Lengelle, C. Andrew (eds). Ottawa: Carleton University Press, 1993.

Hamdan G. Capitals in the New Africa // Economic Geography. 1964. No. 40. P. 239–253.

Hansen N., Higgins B., Savoie D. Regional Policy in a Changing World. N.Y.: Plenum Press,1990.

Harris C. Cities of the Soviet Union.Chicago: Chicago University Press, 1970.

Hein C. (ed.). European Brussels: Whose Capital? Whose City? Brussels: La Lettre Vole, 2006.

Henderson V. Urban Primacy, External Costs and Quality of Life // Resource and Energy Economics. 2005. Vol. 24. Iss. 1–2. P. 95–106.

Hiromi O. A Study on the National Capital City. Relocating Capital City Functions: The Significance in Japan and Other Countries // City Planning Review. 1999. No. 218. P. 25–28.

Hirst P. Space and Power: Politics, War and Architecture. Cambridge: Polity, 2005.

Hohenberg P., Lees L. The Making of Urban Europe, 1000–1950. Cambridge: Harvard University Press, 1985.

Hoselitz B. Generative and Parasitic Cities //Economic Development and Cultural Change. 1955. Vol. 3. No. 3. Apr. P. 278–294.

Hosking G. Russia: People and Empire, 1552–1917. Harvard University Press, 1998.

Innovation Cities™ Top 100 Index. 2thinknow Innovation Cities Analysis Report, Melbourne. 2010. <http://www.innovation-cities.com/innovation-cities-top-100-index-top-cities/>

Inwood S. A History of London. London: Carroll & Graf Publishers, 1998.

Izazola H. Migration to and from Mexico City, 1995–2000 // Environment & Urbanization. 2004. Vol. 16. No. 1.

Joffe A. Disembedded Capitals in Western Asian Perspective // Society for Comparative Study of Society & History. 1998.

Keating M. Decentralization in Mitterand's France // Public Administration. 1983. No. 61. P. 237–252.

Kearns K.C. Belmopan: Perspective on a New Capital // Geographic Review. 1973. No. 63. P. 147–169.

Keyes S. How Capital Cities Can Turn into Parasites? // Money Week. 2012. Mar. 13.

Kim Yeong-Hyun, Short J. Cities and Economies. N.Y.: Routledge, 2008.

Kirkup J. Londoners' £2000 tax Subsidy for Rest of UK // The Telegraph. 2008. Sept. 30.

Kironde J., Lusugga M. Will Dodoma Ever be the New Capital of Tanzania? // Geoforum. 1993. Vol. 24. Iss. 4. Nov. P. 435–453.

Kolbe L. Helsinki: From Provincial to National Centre // Planning Twentieth-Century Capital Cities / D. Gordon (ed.). London: Routledge, 2006.

Krugman P. Urban Concentration: The Role of Increasing Returns and Transport Costs // Proceedings of the World Bank Annual Conference on Development Economics. 1995.

Kuper H. The Language of Sites in the Politics of Space // American Anthropologist. 1972. No. 74. P. 411–425.

Lee Man-Hyung, Choi Nam-Hee, Park Moonseo. A Systems Thinking Approach to the New Administrative Capital in Korea: Balanced Development or Not? // System Dynamics Review. 2005. Vol. 21(1). P. 69–85.

Lee R., Pelizzon S. Hegemonic Cities in the Modern World-System // Cities in the World-System: Studies in the Political Economy of the World-System / R. Kasaba, I. Wallerstein (eds). N.Y.: Greenwood Press, 1991.

Lilly I. (ed.) Moscow and Petersburg: The City in Russian Culture. Nottingham: Astra Press, 2002.

Lin P. Options Are Plentiful for the Capital's Relocation // Taipei Times. 2006. Oct. 26.

London B. Is the Primate City Parasitic? The Regional Implications of National Decision Making in Thailand // The Journal of Developing Areas. 1977. Vol. 12. No. 1. Oct. P. 49–68.

London 's Place in the UK Economy. London: London School of Economics, 2009–2010.

Mango C. Constantinople: Capital of the Oikoumene? // Presented at 'Byzantium as Oecumene' Conference, Published by the Institute for Byzantine Research. Athens, Greece 2001. Athens, 2005.

Markusen A. Second Tier Cities: Rapid Growth Beyond the Metropolis. University of Minnesota Press, 1999.

McKinsey Global Institute, Urban World: Mapping the Economic Power City.

McLynn F. Napoleon. Biography. N.Y.: Arcade Publishing, 1997.

Meining D. Heartland and Rimland in Eurasian History // The Western Political Quarterly. 1956. Vol. 9. No. 3. Sept. P. 553–569.

Moomaw R., Alwosabi M. An Empirical Analysis of Competing Explanations of Urban Primacy. Evidence from Asia & the Americas // The Annals of Regional Science. 2004. No. 38. P. 149–171.

Morrill J. Stuart Britain: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford Paperbacks, 2000.

Moser G., Rogers S., Van Til R. Nigeria: Experience With Structural Adjustment // IMF Occasional Papers. Washington DC. 1997. March.

Mumford L. The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects. N.Y.: Harvest Books, 1968.

Myers D. The Dynamics of Local Empowerment: An Overview // Capital City Politics in Latin America: Democratization and Empowerment. Boulder, CO: Lynne Riener, 2002. P. 1–27.

Nagel K.-J. Capital Cities of Federations. On the Way to Analysing the Normative Base of their Asymmetrical Status // Working Paper. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra, 2011.

Nagel K.-J. Der Status der Bundeshauptstädte: Plädoyer für eine vergleichende Hauptstadtforschung // Europäisches Zentrum für Föderalismus-Forschung Tübingen (Hrsg.). Jahrbuch des Föderalismus 2011. Föderalismus, Subsidiarität und Regionen in Europa. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2011. S. 57–66.

NCC (National Capital Commission).Planning Canada's Capital Region. Ottawa: National Capital Commission, 2000.

Neal Z. Differentiating Centrality and Power in the World City Network // Urban Studies. 2011. Vol. 48. No. 13.

Nedrebø T. City-belt Europe or Imperial Europe? Stein Rokkan and European History // Europæus norvegicus. 2012. Mars 30. Originally Published in Nervegian // Nytt Norsk Tidsskrift. 2012. No. 3.

Neue Zürcher Zeitung. Russland heimliche Hauptstadt. Neue Debatten um den alten Status St. Petersburgs. 2002. März 5.

Nietsch V. Does History Matter for urban Primacy? The case of Vienna // Regional Science and Urban Economics. 2003. Vol. 33 (4). P. 401–418.

Nieuwkoop R. von. City Size and City Growth // Lecture. Department of Management, Technology and Economics, ETH Zurich. 2012. Nov. 2. <http://www.cepe.ethz.ch/education/UrbanSpatial/L07>

Ortega y Gasset J. La redención de lasprovincias y La decencianacional. Articulos de 1927 y 1930. Madrid: Alianza, 1967.

Pacione M. The City in Global Context. London; N.Y.: Routledge, 2002.

Parkinson J. Symbolic Representation in Public Space: Capital Cities, Presence and Memory. Democracy and Public Space. Oxford: Oxford University Press, 2012.

Perception Survey on Quality of Life in European Cities // Analytical Report. Conducted by the Gallup Organization, Hungary, for European Commission. 2009.

Pinto C. Riddles in Stone: The Secret Architecture of Washington D.C. USA, 2007.

Pipes D. The Muslim Claim to Jerusalem // Middle East Quarterly. 2001. Sept.

Prakoso H. Moving Capital City to Improve Transport Conditions? The Case of Jakarta // Colloque international La fabrique du movement. Paris, 2012. March 26–27.

Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Democracy and Development; Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990. N.Y.: Cambridge University Press, 2000.

Radović S. From Center to Periphery and Vice Versa: The Politics of Toponyms in the Transitional Capital // Bulletin of the Institute of Ethnography. 2008. No. 56 (2). P. 53–74.

Rawat R. Capital City Relocation: Global-Local Perspectives in the Search for an Alternative Modernity //Annual Meeting of the Association of American Geographers. Chicago, Illinois, 2006. March 8.

Reichart T. Städte ohne Wettbewerb. Bern: Haupt, 1993.

Remington T. The Politics of Inequality in Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

Remington T. Russian Regional Inequality in Comparative Perspective // Paper prepared for Benjamin F. Shambaugh Conference Lessons from Subnational Comparative Politics: Theory and Method in the Third Decade of Studying Russia's Regions. University of Iowa. 2011. Oct. 6–9.

Richardson H.W. National Urban Development Strategies in Developing Countries // Urban Studies. 1981. No. 18. P. 267–283.

Richardson H.W. The Location and Relocation of National and State Capitals in North America and the Rest of

the World // The International Symposium on a Planning Policy for Korea's New Capital City. Seoul: Korea Planners Association, 2003.

Ringrose D. Capital Cities, Urbanization and Modernization in Early Modern Europe // Journal of Urban History. 1998. Vol. 24(2). Jan. P. 155–183.

Röber M., Schröter E. Governing the Capital — Comparing Institutional Reform in Berlin, London, and Paris // Working Paper PRI-8. 2004.

Robertson J. Stuart London and the Idea of a Royal Capital City // Renaissance Studies. 2001. Vol. 15. No. 1. P. 37–58.

Rokkan S. State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe / P. Florida (ed.). Oxford: Oxford University Press, 1999.

Rokkan S. Dimensions of State Formation and Nation Building: A Possible Paradigm for Research on Variations WithinEurope // The Formation of National States in Europe / C. Tilly (ed.). Princeton: Princeton University Press, 1976.

*Rokkan S.*Territories, Centers and Peripheries: Toward a Geoethnic, Geoeconomic, Geopolitical Model of Differentiation Within Western Europe // Centre and Periphery. Spatial Variations in Politics / J. Gottman (ed.). Sage: Beverly Hills, 1980.

Rowland D. Moscow — The Third Rome or New Israel // Russian Review. 1996. Vol. 55. No. 4. P. 591–614.

Ruble B. Leningrad. Shaping a Soviet City. Berkeley: University of California Press, 1990.

Sassen S. Cities in a World Economy. Thousand Oaks, California: Pine Forge Press, 2011.

Schatz E. What Capital Cities Say About State and Nation Building // Nationalism and Ethnic Politics. 2003. No. 9(4). P. 111–140.

Schlögel K. Jenseits des Grossen Oktober, Das Laboratorium der Moderne, Petersburg 1909–1921. Berlin: Siedler, 1988.

Sellers J. Re-Placing the Nation, An Agenda for Comparative Urban Politics // Urban Affairs Review. 2005. Vol. 40. P. 419–445.

Shevryev A. The Axis Petersburg-Moscow: Outward and Inward Russian Capitals // Journal of Urban History. 2003. No. 30(1). P. 70–84.

Siegenthaler P. Japanese Domestic Tourism and the Search for National Identity // The CUHK Journal for Humanities. 1999. No. 3. P. 178–195.

Slack E., Chattopadhyay R. Finance and Governance of Capital Cities in Federal Systems. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2009.

State of the World's Cities 2008/2009 // Harmonious Cities. N.Y.: UN-Habitat, 2008.

Taking the Capital Out of a City // BBC News. 2009. Nov. 3.

Taylor P. Political Geography: World-Economy, Nation-State, Locality. London; N.Y.: Longman, 1985.

The Economist // The Laws of the City. 2012. June 23.

The Economist // The Pros and Cons of Capital Flight. 2004. Aug. 13.

The Economist // On a high. London. Special Report. 2012. June 30.

The Economist // The City Roars Back. 2012. July 21.

Therborn G., Bekker S. (eds). African Capital Cities. Power and powerlessness. Cape Town and Dakar: HSRC Press, 2011.

Theborn G., Ho Kong Chong (eds). Capital Cities and their Contested Roles in the Life of Nations // City. 2009. Vol. 13(1).

Therborn G. Identity and Capital Cities: European Nation and European Union // The Search for a European Identity: Values, Policies and Legitimacy of the European Union / F. Cerutti, S. Lucarelli (ed.). N.Y.: Routledge, 2008.

Therborn G. Monumental Europe.The National Years. On the Iconography of European Capital Cities // Housing Theory and Society. 2002. No. 1.

Therborn G. Eastern Drama. Capitals of Eastern Europe, 1830s–2006: An Introductory Overview //International Review of Sociology — Revue Internationale de Sociologie. 2006. No. 16(2). P. 209–242.

*Tilly C.*Violence, Capital and European States. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 990.

Toynbee A. Capital Cities: Their Distinctive Features. Capital Cities: Melting-Pots and Powder-Kegs // Cities on the Move. N.Y.; London: Oxford University Press, 1970. P. 67–78, 143–152.

Turner S., Turner R. Capital Cities: a Special Case in Urban Development // Annals of Regional Science. 2011. No. 46. P. 19–35.

Tyrwhitt J., Gottmann J. (eds). Capital Cities // Ekistics. Oslo, Warsaw, Rome, Tokyo, and Washington D.C. 1983. No. 50. March/Apr.

Vedder R. Capital Crimes, Political Centers and Parasite Economies // Cato Policy Analysis. 1996. No. 250. Febr.

Vries Jan de. European Urbanization, 1500–1800. London: Methuen, 1984.

Wagenaar M. The Capital as a Representation of a Nation // The Territorial Factor: Political Geography in a Globalizing World / G. Dijkink, H. Knippenberg (eds). Amsterdam: Vossiuspers, 2001.

Wagenaar M. Townscapes of Power // GeoJournal. 2000. No. 51. P. 1–2.

Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: California University Press, 1978. Originally Published in 1925.

Wellhofer E.S. Core and Periphery: Territorial Dimensions in Politics // Urban Studies. 1989. No. 26. P. 340–355.

Wise M. A Capital of Europe? // The New York Times. 2002. March 2.

Wolfel R.L. North to Astana: Nationalistic Motives for the Movement of the Kazakh Capital // Nationalities Papers. 2002. No. 30(3). P. 485–506.

World Bank. From Transition to Development. A Country Economic Memorandum for the Russian Federation // Report No. 32308-RU. 2005. March.

Wusten H. van der. Dictators and Their Capital Cities: Moscow and Berlin in the 1930s // Geojournal. 2001. Vol. 52. No. 4. P. 331–352.

Zimmerman H. Do Different Types of Capital Cities Make a Difference for Economic Dynamism? // Environment and Planning C: Government and Policy. 2010. Vol. 28. P. 761–767.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1. Города — кандидаты на роль новой столицы: результаты опроса 257

Таблица 2. Динамика смены отношения к идее переноса столицы 258

Таблица 3. Региональные предпочтения 259

Таблица 4. Обеспеченность метрополитеном в европейских городах 260

Таблица 5. Улично-дорожная сеть как процент городской площади 261

Таблица 6. Сравнение бюджетов российских городов (2011) 263

Таблица 7. Стоимость недавних российских мегапроектов 266

Таблица 8. Сравнение географической мобильности населения в нескольких странах 267

Таблица 9. Интенсивность внутренней межрегиональной миграции в нескольких странах (2005) 267

Таблица 10. Актуальные бюджеты или оценки стоимости переносов столиц в разных странах мира 270

Таблица 11. Самые крупные города мира по населению собственно города 273

Таблица 12. Наиболее инновационные города мира 277

Рисунок 1. Коэффициент Джини 262

Рисунок 2. Бюджет города Москвы 264

Рисунок 3. Центрограммы движения населения России 268

Рисунок 4. Смещение центра населения в России — СССР, согласно схеме В. Семенова-Тян-Шанского 269

Рисунок 5. Закон ранг-размер Зипфа на примере нескольких государств 281

ТАБЛИЦА 1. Города — кандидаты на роль новой столицы: результаты опроса (в %)

	Январь 2002	2006	Сентябрь 2009	Сентябрь 2009	Май 2010
Город	Фонд «Общественное мнение»	Сайт РИА «Новости»	Портал Newsland	Демоскоп Weekly	РИА «Восток-медиа»
Новосибирск	9	9,4	6	12	34
Красноярск		1,8			
Сибирский город			59		
Нижний Новгород	8				
Екатеринбург	10	9,0	2	13	
Владивосток		4,9		4	20
Санкт-Петербург	39	10,8		7	
Другой город			14	10	
Москва	61	48,8	10		21
Распределенная столица		15,7			
Новый город			9	16	
Затрудняюсь ответить				32	25

ТАБЛИЦА 2. Динамика смены отношения к идее переноса столицы

Дата опроса	19.01.2002	01.10.2010	11.01.2011	11.02.2011	02.09.2010	06.04.2012	09.04.2012
Интервьюер	Фонд «Общественное мнение»	ВЦИОМ	Радио «Эхо Москвы»	Газета «Взгляд»	Газета «Ведомости»	Superjob	KM.ru
За перенос столицы, %	23	15	63,50	71	69	44	64
Против переноса, %	45	76	33,50	29	28	46	32
Затрудняюсь ответить, %	32	9	3,10		3	10	4
Количество проголосовавших	1500	1600	10681	19410	10681	1000	2213

ИСТОЧНИК: Составлено автором на основе данных опросов общественного мнения агентств новостей и центров по изучению общественного мнения. Данные читателей различных новостных изданий, конечно, не репрезентативны, но и они по-своему интересны в качестве отражения предпочтений аудиторий различных изданий.

ТАБЛИЦА 3. Региональные предпочтения

Различие москвичей и представителей некоторых других регионов России в их отношении к вопросу о переносе столицы (в %)

Дата опроса	01.10.2010	11.02.2011	06.04.2012
Интервьюер	ВЦИОМ	Газета «Взгляд»	Superjob
За перенос столицы			
Москвичи	5	25,2	36
Немосквичи		45,8	
Дальний Восток	26		
Северный Кавказ			
Против переноса			
Москвичи	93	10	55
Немосквичи		19	
Дальний Восток			
Северный Кавказ	85		
Затрудняюсь ответить			9

ИСТОЧНИК: Опросы, проведенные ВЦИОМ и другими компаниями.

ТАБЛИЦА 4. Обеспеченность метрополитеном в европейских городах

Сравнение 10 столичных городов Европы по параметрам обеспеченности метрополитеном

Город	Население, млн чел.	Площадь города, кв. км	Плотность населения, тыс. кв. км	Длина метро, км	Число станций	Перевозок в год, млн чел.	Станций на 1 млн жителей	Длина на 1 млн жиителей	Перевозок в год, чел.
Санкт-Петербург	4,6	1439	3,2	112,5	63	836	14	24	182
Москва	10,6	1091	9,7	301	182	2400	17	28	226
Лондон	7,56	1707	4,4	368	380	1090	50	49	144
Вена	1,67	415	4,0	69	101	498	60	41	298
Берлин	3,43	892	3,8	151,7	173	473	50	44	138
Прага	1,29	496	2,6	59,3	57	584	44	46	453
Амстердам	0,75	219	3,4	42,5	52	836	69	57	1115
Милан	1,3	182	7,1	87	84	328	65	67	252
Мадрид	3,22	607	5,3	310	320	686	99	96	213
Париж	2,2	105	21,0	214	245	1388	111	97	631

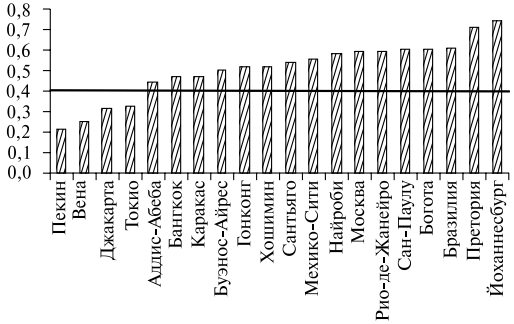
ИСТОЧНИК: <http://aldanov.livejournal.com/429961.html?thread=2762633>.

ТАБЛИЦА 5. Улично-дорожная сеть как процент городской площади

Город	Процент территории города, который занимают дороги
Москва	8,7
Париж	20
Лондон	25
Нью-Йорк	35
Токио	9
Оттава	21
Аддис-Абеба	13,7
Бангкок	8
Дели	23
Хьюстон	39
Вашингтон	40

РИСУНОК 1. Коэффициент Джини

Коэффициент Джини по столицам различных регионов мира



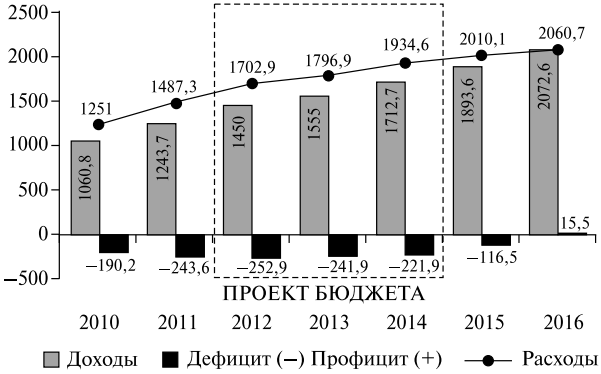
ИСТОЧНИК: Создана автором на основе оценок коэффициента Джини различных столиц и мировых городов, которые приводятся в отчете ЮНЕСКО за 2008 год. State of the World's Cities 2008/2009: Harmonious Cities (N.Y.: UN-Habitat. 2008). Цифра по Москве [Гуриев, Рачинский, 2006].

Города	Коэффициент Джини
Пекин	0,22
Вена	0,26
Джакарта	0,32
Токио	0,33
Аддис-Абеба	0,45
Бангкок	0,48
Каракас	0,48
Буэнос-Айрес	0,51
Гонконг	0,53
Хошимин	0,53
Сантьяго	0,55
Мехико-Сити	0,56
Найроби	0,59
Москва	0,6
Рио-де-Жанейро	0,6
Сан-Паулу	0,61
Богота	0,61
Бразилиа	0,62
Претория	0,72
Йоханнесбург	0,75

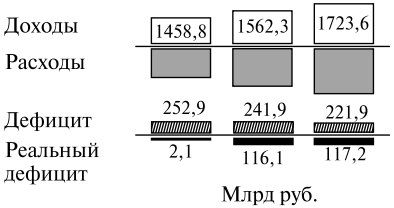
ТАБЛИЦА 6. Сравнение бюджетов российских городов (2011)

Города	Население, млн чел.	2011 расходы городского бюджета, млрд чел.	2011 доходы городского бюджета, млрд руб.	2011 дефицит, млрд руб.	Расходы в расчете на человека, тыс. руб.	Доходы в расчете на человека, тыс. руб.	Дефицит, % к доходам
Москва	11,55	1293,00	1192	–101,00	112	103	–8,47
Санкт-Петербург	4,85	370,00	345	–25,00	76	71	–7,25
Новосибирск	1,49	33,70	31,73	–1,97	23	21	–6,21
Екатеринбург	1,39	28,19	26,88	–1,31	20	19	–4,87
Нижний Новгород	1,27	19,20	18,18	–1,02	15	14	–5,61
Самара	1,17	14,40	12,8	–1,60	12	11	–12,50
Казань	1,15	14,00	14	0,00	12	12	0,00
Омск	1,15	13,08	12,64	–0,44	11	11	–3,48
Челябинск	1,13	19,27	18,29	–0,98	17	16	–5,36
Ростов-на-Дону	1,09	22,73	21,43	–1,30	21	20	–6,06
Уфа	1,08	13,00	12,84	–0,16	12	12	–1,25
Волгоград	1,02	14,07	13,3	–0,77	14	13	–5,79
Краснодар	0,75	12,20	11,9	–0,30	16	16	–2,52
Тюмень	0,59	10,20	10,2	0,00	17	17	0,00
Хабаровск	0,58	11,00	10,4	–0,60	19	18	–5,77
Калининград	0,43	8,87	8,63	–0,24	21	20	–2,78

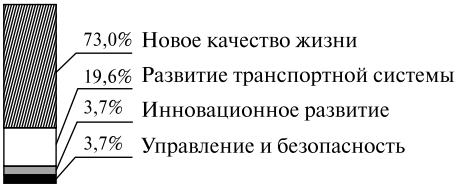
РИСУНОК 2. Бюджет города Москвы



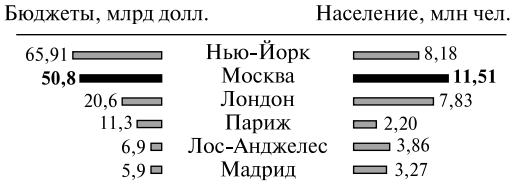
Бюджет на 2012–2014 годы



Государственные программы



Москва и города мира



Сеть государсвенных учреждений

ИСТОЧНИК: Сайт Московской мэрии (2012).

ТАБЛИЦА 7. Стоимость недавних российских мегапроектов

	Бюджет	
Название мегапроекта	ММ, руб.	USD
Сколково	120	4–6
Зимняя Олимпиада в Сочи	1054	37,64
Чемпионат по футболу 2018	300	10,71
Саммит АТЭС-2012	550	19,64
Универсиада в Казани	24	0,86
Трасса для автогонок (Формула-1) 2015	6	0,21
Чемпионаты по легкой атлетике (2013), хоккею (2016)	4	0,14
Большой театр	21	0,75
Москва-Сити		1000
Проект Большой Москвы		45,0
Царицыно	6	0,21
Реконструкция королевского дворца в Санкт-Петербурге		0,50
Строительство моста (к саммиту АТЭС)	17,906	0,6
Четвертое транспортное кольцо		10,0
Реконструкция стадиона «Зенит» в Санкт-Петербурге	43.8	1,4
Реконструкция стадиона «Динамо» в Москве		1,5

ТАБЛИЦА 8. Сравнение географической мобильности населения в нескольких странах

Внутренняя миграция по странам в 1998 году, % от населения	
Республика Корея	11,8
Финляндия	10,0
Австралия	7,9
Норвегия	6,5
Швейцария	6,1
Япония	4,9
Нидерланды	4,0
Венгрия	4,0
Чехия	1,9
Россия	1,8

ИСТОЧНИК: Бесстремянная (2001); по данным национальных статистических комитетов.

ТАБЛИЦА 9. Интенсивность внутренней межрегиональной миграции в нескольких странах (2005)

Страна	Количество миграций на 1000 чел.
США	26,0
Австралия	17,0
Швеция	20,0
Великобритания	20,0
Япония	20,0
Германия	13,5
Канада	9,0
Испания	7,8
Чехия	7,3
Россия	5,7

ИСТОЧНИК: [Мкртчян, 2009].

РИСУНОК 3. Центрограммы движения населения России

Центрограмма сдвигов населения Российской империи — СССР — Российской Федерации и центры их территорий в XX веке. Центр движения населения России с 1897 по 2002 год

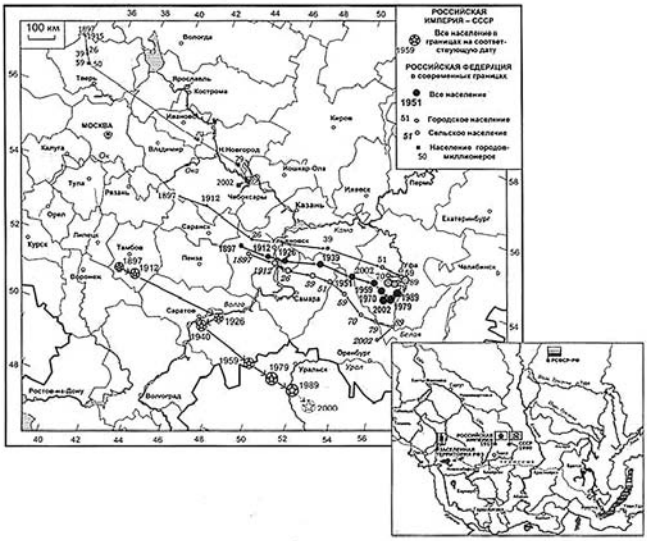


РИСУНОК 4. Смещение центра населения в России — СССР, согласно схеме В. Семенова-Тян-Шанского

1 — траектория перемещения центра населения в 1613–1926 годах
2 — траектория перемещения центра территории в 1300–1926 годах

ТАБЛИЦА 10. Актуальные бюджеты или оценки стоимости переносов столиц в разных странах мира

	Бюджеты переноса столиц в разных странах мира как % ВНП							
Год	Страна	Старая столица	Новая столица	Общий бюджет	Другие оценки	ВНП, долл.	MIN, % ВНП	MAX, % ВНП
1991	Германия	Бонн	Берлин	10	16	1800	0,6	0,9
1993	Япония	Токио	Токай	144–230	150–350	4400	3,3	8,0
1997	Малайзия	Куала-Лумпур	Путраджайа	8,1		79,1	10,2	0,0
1998	Казахстан	Алма-Ата	Астана	4				53
2010	Индонезия	Джакарта	Паланкарая	11		695	1,6	0,0
2004	Южная Корея	Сеул	Теджон	38,5	45	1000	3,9	4,5
2010	Южный Судан	Джуба	Рамсиел	10		2	500	0,0
2003	Иран	Тегеран	Кум	29	43	417	7,2	10,3
2011	Россия	Москва		150	300	1300	11,5	23,1
1956	Бразилия	Рио-де-Жанейро	Бразилиа	19,5		137,5	14	0,0
2009	Афганистан	Кабул	Новый Кабул	34	50	15	226,7	333,3
1987	Аргентина	Буэнос-Айрес	Вьедма	4,7		115	4,1	0,0

	Бюджеты переноса столиц в разных странах мира как % ВНП							
Год	Страна	Старая столица	Новая столица	Общий бюджет	Другие оценки	ВНП, долл.	MIN, % ВНП	MAX, % ВНП
2005	Майанмар	Рангун	Нейпьидо	4	5	83,9	5	6
1975	Малави	Зомба	Лилонгве	0,12		0,84	14	0,0
1974	Танзания	Дар-эс-Салам	Додома	0,144		3.3	4	0,0
1985	Нигерия	Лагос	Абуджа	12	14	72,4	17	

ИСТОЧНИКИ: *Малави*. ВНП в 1975: Gross Domestic Product (GDP) of Malawi, 1970–2010. <http://kushnirs.org/macroeconomics/gdp/gdp_malawi.html#t2_1>. Первоначальный бюджет на перенос столицы в 60–70 миллионов долларов (50–60 миллионов MWK) (Potts, 1985: 189) был значительно превзойден. Кроме того, в сумму официальных затрат не вошли значительные расходы на строительство аэропорта и новых транспортных линий, связавших столицу со страной. 120 миллионов долларов является более реалистической оценкой.

Танзания. Оценка стоимости дается на 1993 год: 4,9 миллиарда танзанийских шиллингов (TZS) [Kironde, Lusugga, 1993: 448]. ВНП в 1974: Gross Domestic Product (GDP) of Malawi and its neighbors, billions dollars, 1970–2010. Курс обмена на 1993 год: *Krichene N.* Purchasing Power Parities in Five East African Countries // IMF Working Paper. 1998. October.

Бразилия. Оценка стоимости новой столицы страны дается в долларах на 2010 (Baldussi, 2010). ВНП Бразилии в 1957 году (17,6 миллиарда долларов) конвертируется в доллары 2010 года (137,5 миллиарда долларов). *Pessoa M.* Fiscal Policy in Brazil and Japan: what can be learned. Tokio, 2004: 47.

Окончание табл. 10

Нигерия. 10 миллиардов долларов было потрачено за 12 лет, с 1985 по 1997 год. По оценкам экспертов в 1997 году, для завершения проекта требовалось от 2 до 4 миллиардов долларов. *Gary M., Scott R., Van Til Reinhold.* Nigeria: Experience With Structural Adjustment // IMF Occasional Papers (Washington DC). 1997. March. P. 37. В 1985–1992 годах ВНП Нигерии значительно вырос. При расчете с учетом среднего ВНП за эти 7 лет (244 миллиарда долларов) процент расходов на строительство новой столицы составляет 5 или 6,3% от ВНП.

Россия. Первая оценка принадлежит Юрию Лужкову (2002), вторая Иосифу Дискину [Бабаян, 2011].

Мьянма. Оценка стоимости Шона Тернелла (Sean Turnell), эксперта по бирманской экономике. Built to Order: Myanmar's New Capital Isolates and Insulates Junta // The New York Times. 2008. June 24.

Казахстан. По официальным оценкам, на перенос было потрачено 2 миллиарда долларов из государственного бюджета и 2 миллиарда из частных фондов к 1998 году. Эти цифры некоторые эксперты считают заниженными. С 2002 года только в строительство правительственного комплекса частными компаниями было инвестировано около 5 миллиардов долларов.

Афганистан. Частные фонды — 23 миллиарда, государственный бюджет — 11 миллиардов.

ТАБЛИЦА 11. Самые крупные города мира по населению собственно города

Ранг	Город	Население	Определение	Площадь, кв. км	Плотность населения, кв. км
1	Шанхай	17 836 133,00	Core districts	2605,80	6,845
2	Стамбул	13 483 052,00	Metropolitan municipality	5,343	2,481
3	Карачи	12 991 000,00	City District	3,527	5,700
4	Мумбай	12 478 447,00	Municipal Corporation	603	20,694
5	Москва	11 810 000,00	Federal City	2,511	4,705
6	Пекин	11 716 000,00	Core districts	1368,32	7,400
7	Сан-Пауло	11 316 149,00	Municipality	1,523	7,383
8	Тяньцзин	11 090 314,00	All districts	7,422	1,494
9	Гуаньчжоу	11 070 654,00	All districts	3843	2,881
10	Дели	11 007 835,00	Municipal Corporation	1,397	7922,90
11	Сеул	10 575 447,00	Special City	605,25	17,473
12	Шэньчжень	10 357 938,00	All districts	1,989	5,201
13	Джакарта	9 588 198,00	Special capital district	662	14,476

Продолжение табл. 11

Ранг	Город	Население	Определение	Площадь, кв. км	Плотность населения, кв. км
14	Токио	8 887 608,00	23 Special Wards	617,18	14,400
15	Мехико	8 873 017,00	Federal District	1,485	5,973
16	Киншаса	8 754 000,00	City-Province	2016,00	4,342
17	Тегеран	8 429 807,00	City proper	760	10,359
18	Бенгалуру	8 425 970,00	Municipal Corporation	710	11,876
19	Нью-Йорк	8 244 910,00	City proper	789,4	10,519
20	Донгуан	8 220 237,00	Prefecture-level city	2,465	3,335
21	Лондон	8 174 100,00	Greater London	1580,00	4,863
22	Лагос	7 937 932,00	statistical area	1,000	7,938
23	Лима	7 605 742,00	Province	2,670	2,848
24	Богота	7 467 804,00	Capital district	1590	4,697
25	Хошимин	7 162 864,00	Province-level municipality	2,095	3,419
26	Гонконг	7 108 100,00	Special Administrative Region	1108,00	6,415
27	Бангкок	7 025 000,00	Administrative area	1,569	4,478

Ранг	Город	Население	Определение	Площадь, кв. км	Плотность населения, кв. км
28	Дхака	7 000 940,00	City Corporation	360	19,447
29	Хайдерабад	6 809 970,00	Municipal Corporation	621,48	10,958
30	Каир	6 758 581,00	Governorate	453	17,190
31	Ханой	6 451 909,00	Province-level municipality	3344,70	1943,40
32	Ухань	6 434 373,00	Central districts	888	7,242
33	Рио-де-Жанейро	6 323 037,00	Municipality	1182	5,349
34	Лахор	6 318 745,00	City District	1,772	3,566
35	Ахмедабад	5 570 585,00	Municipal Corporation	475,00	11,727
36	Багдад	5 402 486,00	City proper	1,134	4,064
37	Рияд	5 188 286,00	City proper	800	6,485
38	Сингапур	5 183 700,00	City State	712,4	7,276
39	Сантьяго	5 012 973,00	Province	2,030	2,469
40	Санкт-Петербург	4 868 520,00	Federal city	1399,00	3,480
41	Чэннай	4 681 087,00	Municipal Corporation	176	26,903
42	Чонцин	4 513 100,00	Core districts	1,435	3,145

Окончание табл. 11

Ранг	Город	Население	Определение	Площадь, кв. км	Плотность населения, кв. км
43	Калькутта	4 486 679,00	Municipal Corporation	185	24,252
44	Сурат	4 462 002,00	Municipal Corporation	326,52	13,666
45	Янгон	4 350 000,00	City proper	599	6,828
46	Анкара	4 223 398,00	Metropolitan Municipality	2,516	1,551
47	Александрия	4 110 015,00	Governorate	2680	1,611
48	Шэньян	4 101 197,00	Core districts	3,495	1,173
49	Сучжоу	4 074 000,00	Core districts	1679,20	2,426
50	Новый Тайбей	3 910 086,00	Special municipality	2,053	1,905

ИСТОЧНИК: Википедия. Статья List of cities proper by population. <http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_cities_proper_by_population#cite_note-india1-8>.

ТАБЛИЦА 12. Наиболее инновационные города мира

Ранг	Город	Страна	Область	2010 категория
1	Boston	United States	AMERICAS	1 NEXUS
2	Paris	France	EUROPE	1 NEXUS
3	Amsterdam	Netherlands	EUROPE	1 NEXUS
4	Vienna	Austria	EUROPE	1 NEXUS
5	New York	United States	AMERICAS	1 NEXUS
6	Frankfurt	Germany	EUROPE	1 NEXUS
7	San Francisco	United States	AMERICAS	1 NEXUS
8	Copenhagen	Denmark	EUROPE	1 NEXUS
9	Lyon	France	EUROPE	1 NEXUS
10	Hamburg	Germany	EUROPE	1 NEXUS
11	Berlin	Germany	EUROPE	1 NEXUS
12	Toronto	Canada	AMERICAS	1 NEXUS
13	Stuttgart	Germany	EUROPE	1 NEXUS
14	London	United Kingdom	EUROPE	1 NEXUS
15	Munich	Germany	EUROPE	1 NEXUS
16	Milan	Italy	EUROPE	1 NEXUS
17	Stockholm	Sweden	EUROPE	1 NEXUS
18	Hong Kong	Hong Kong	ASIA	1 NEXUS
19	Melbourne	Australia	ASIA	1 NEXUS
20	Tokyo	Japan	ASIA	1 NEXUS
21	Rome	Italy	EUROPE	1 NEXUS
22	Kyoto	Japan	ASIA	1 NEXUS
23	Washington DC	United States	AMERICAS	1 NEXUS
24	Shanghai	China	ASIA	1 NEXUS
25	Düsseldorf	Germany	EUROPE	1 NEXUS
26	Barcelona	Spain	EUROPE	1 NEXUS

Продолжение табл. 12

Ранг	Город	Страна	Область	2010 категория
27	Seoul	Korea, South	ASIA	1 NEXUS
28	Sydney	Australia	ASIA	1 NEXUS
29	Prague	Czech Republic	EUROPE	1 NEXUS
30	Philadelphia	United States	AMERICAS	1 NEXUS
31	Singapore	Singapore	ASIA	2 HUB
32	Brussels	Belgium	EUROPE	2 HUB
33	Strasbourg	France	EUROPE	2 HUB
34	Montréal	Canada	AMERICAS	2 HUB
35	Seattle	United States	AMERICAS	2 HUB
36	Nantes	France	EUROPE	2 HUB
37	Helsinki	Finland	EUROPE	2 HUB
38	Marseille	France	EUROPE	2 HUB
39	Leipzig	Germany	EUROPE	2 HUB
40	Cologne	Germany	EUROPE	2 HUB
41	Toulouse	France	EUROPE	2 HUB
42	Karlsruhe	Germany	EUROPE	2 HUB
43	Bordeaux	France	EUROPE	2 HUB
44	Austin	United States	AMERICAS	2 HUB
45	Minneapolis-St Paul	United States	AMERICAS	2 HUB
46	Oslo	Norway	EUROPE	2 HUB
47	Chicago	United States	AMERICAS	2 HUB
48	Wellington	New Zealand	ASIA	2 HUB
49	Dresden	Germany	EUROPE	2 HUB
50	Tel Aviv	Israel	EUROPE	2 HUB
51	Auckland	New Zealand	ASIA	2 HUB
52	Fukuoka	Japan	ASIA	2 HUB
53	Beijing	China	ASIA	2 HUB

Ранг	Город	Страна	Область	2010 категория
54	Geneva	Switzerland	EUROPE	2 HUB
55	The Hague	Netherlands	EUROPE	2 HUB
56	Abu Dhabi	United Arab Emirates	EMERGING	2 HUB
57	Montpellier	France	EUROPE	2 HUB
58	Manchester	United Kingdom	EUROPE	2 HUB
59	Zürich	Switzerland	EUROPE	2 HUB
60	Madrid	Spain	EUROPE	2 HUB
61	Budapest	Hungary	EUROPE	2 HUB
62	Nuremberg	Germany	EUROPE	2 HUB
63	Ann Arbor	United States	AMERICAS	2 HUB
64	Edinburgh	United Kingdom	EUROPE	2 HUB
65	Bonn	Germany	EUROPE	2 HUB
66	Aachen	Germany	EUROPE	2 HUB
67	Essen	Germany	EUROPE	2 HUB
68	Glasgow	United Kingdom	EUROPE	2 HUB
69	Los Angeles	United States	AMERICAS	2 HUB
70	Rotterdam	Netherlands	EUROPE	2 HUB
71	Calgary	Canada	AMERICAS	2 HUB
72	Raleigh-Durham	United States	AMERICAS	2 HUB
73	Dortmund	Germany	EUROPE	2 HUB
74	Québec	Canada	AMERICAS	2 HUB
75	Vancouver	Canada	AMERICAS	2 HUB
76	Basel	Switzerland	EUROPE	2 HUB
77	Reims	France	EUROPE	2 HUB
78	Springfield	United States	AMERICAS	2 HUB
79	Pittsburgh	United States	AMERICAS	2 HUB

Окончание табл. 12

Ранг	Город	Страна	Область	2010 категория
80	Linz	Austria	EUROPE	2 HUB
81	Torino	Italy	EUROPE	2 HUB
82	Portland	United States	AMERICAS	2 HUB
83	Antwerp	Belgium	EUROPE	2 HUB
84	St Petersburg	Russia	EUROPE	2 HUB
85	Hannover	Germany	EUROPE	2 HUB
86	Nice	France	EUROPE	2 HUB
87	Dallas-Fort Worth	United States	AMERICAS	2 HUB
88	Kobe	Japan	ASIA	2 HUB
89	Venice	Italy	EUROPE	2 HUB
90	Denver	United States	AMERICAS	2 HUB
91	Kiel	Germany	EUROPE	2 HUB
92	Baltimore	United States	AMERICAS	2 HUB
93	Osaka	Japan	ASIA	2 HUB
94	São Paulo	Brazil	AMERICAS	2 HUB
95	Edmonton	Canada	AMERICAS	2 HUB
96	Belgrade	Serbia	EUROPE	3 NODE
97	Moscow	Russia	EUROPE	3 NODE
98	Buenos Aires	Argentina	AMERICAS	3 NODE
99	Dubai	United Arab Emirates	EMERGING	3 NODE
100	Atlanta	United States	AMERICAS	3 NODE

ИСТОЧНИК: The top 100 cities of the global innovation economy. Innovation Cities™ Top 100 Index. 2010. September 1.

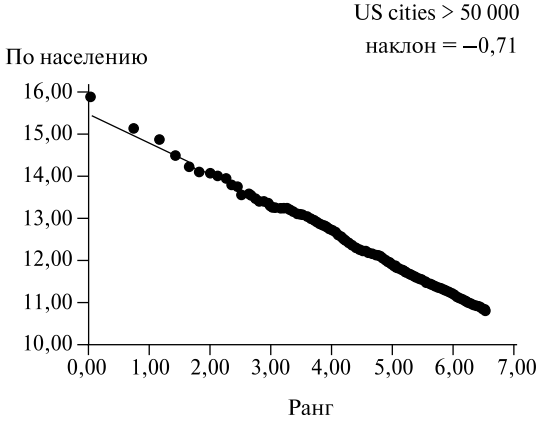
Нексус (NEXUS) — критическое связующее звено инноваций между экономическими и социальными сегментами.

Центр деятельности (HUB) — доминирование или влияние на ключевые экономические или социальные сегменты в случае сохранения текущих трендов.

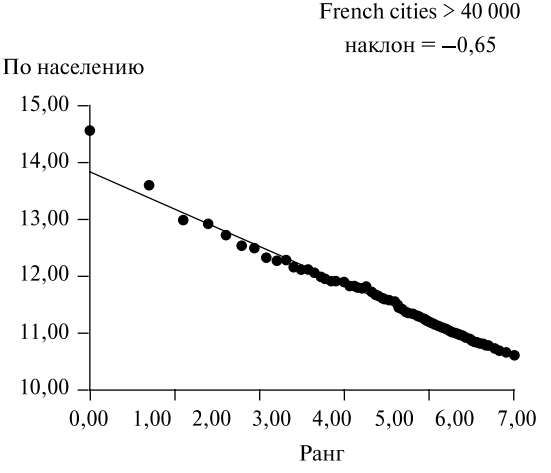
Узел (Node) — широкое участие во многих сегментах, некоторые дисбалансы.

РИСУНОК 5. Закон ранг-размер Зипфа на примере нескольких государств

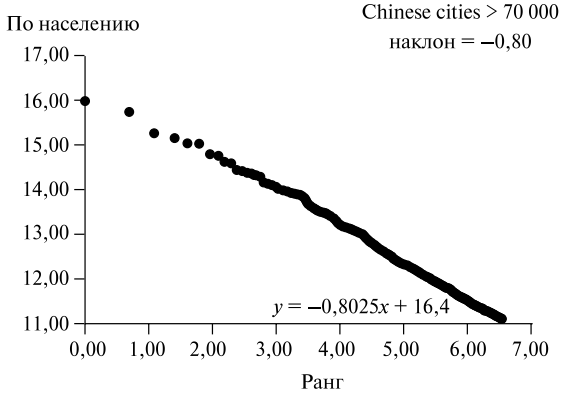
a. Города США



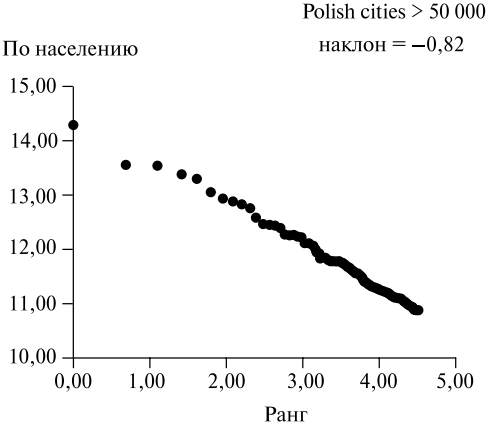
b. Города Франции



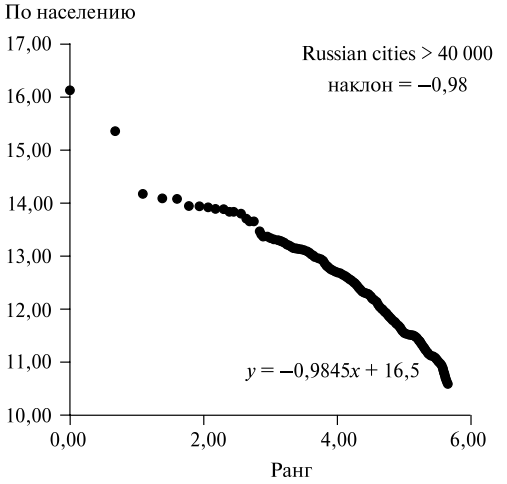
c. Города Китая



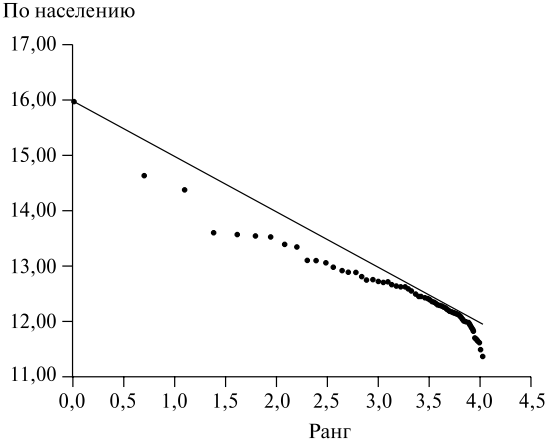
d. Города Польши



e. Города России



f. Города Великобритании



ИСТОЧНИКИ: Распределение ранг-размер для США, Франции, Польши, Китая и России: World Bank. 2005. From Transition to Development. A Country Economic Memorandum for the Russian Federation, Report no. 32308. March.
Распределение ранг-размер для Великобритании: *Overman H.* Are Britain's 'Second Tier' Cities too Small? // Spatial Economics Research Center. 2012. October 12. <http://spatial-economics.blogspot.com/2012/10/are-britains-second-tier-cities-too.html>.

Сведения об авторе

Вадим Россман (1964) — приглашенный профессор в Международном колледже по изучению проблем устойчивого развития, Университета Шринакаринвирот в Бангкоке, партнер Берлинского Института глобальных урбанистических проблем. Окончил философский факультет МГУ (1987), аспирантуру Институтов Дальнего Востока и Института философии Академии наук РАН (кандидат наук, 1991).

Доктор философии и политических наук (University of Texas at Austin, 1998) и MBA (UT, Austin, 2000). Вел преподавательскую и исследовательскую работу в университетах России, Израиля, США и Тайланда. Консультировал крупные международные компании. Автор книг и статей по востоковедению, европейской и российской интеллектуальной истории и философии, проблемам национализма и новых правых движений, урбанистики, а также исследований и эссе по истории культуры, опубликованных в российских и международных научных журналах. Последние несколько лет занимается вопросами переносов столиц в глобальной перспективе.

Rossman, V.

In Search of the Fourth Rome: Russian Debates on Moving the Capital [Text] / V. Rossman; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2014. — 288 p. — (Social Theory). — 1000 copies. — ISBN 978-5-7598-1080-3 (hardcover).

In this book, V. Rossman analyzes and summarizes the experience of public discussion about moving the Russian capital in the context of nation building and proposes a concept of the capital city as catalyst in that process. The author considers the current clash of ideas regarding a new capital and the various concepts, which he believes arise out of differing perceptions of what is Russia's true identity. He gives a detailed analysis of *pro* and *contra* arguments and their legal suppositions; the typology of suggested capitals, and applies aspects of geography, urban studies, spatial economics, studies of semiotics and symbolism of urban territories; and other disciplines. Rossman also considers other countries' experience of moving capitals. He focuses not only on the soundness of choosing specific geographical locations, but rather on the various political and geopolitical strategies behind the choices presented. The author also studies various concepts of the capital and its transfer in Russian intellectual history. He conducts a comparative analysis of Moscow with the most important modern capitals and BRIC capitals, and investigates the specifics of its formation and anomalies of the Russian urban hierarchy.

This book is intended for geographers, historians, urban researchers, and anyone interested in the political situation in modern Russia.

Научное издание
Серия «Социальная теория»

ВАДИМ РОССМАН

В ПОИСКАХ ЧЕТВЕРТОГО РИМА: РОССИЙСКИЕ ДЕБАТЫ О ПЕРЕНОСЕ СТОЛИЦЫ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Корректор
АННА КУРЕННАЯ
Верстка
ОЛЬГА ИВАНОВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 05.11.2013. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 10,6
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1686. Заказ №

ISBN 978-5-7598-1080-3

9 785759 810803

ВЫСШАЯ
ШКОЛА
ЭКОНОМИКИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Всё о наших изданиях

id.hse.ru/books
id.hse.ru/catalogue

Отдел реализации

«Книга—почтой»
id.hse.ru/pochta

Университетский книжный магазин «БукВышка»

id.hse.ru/bookshop